

№ *1* СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·

2000

· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

Славяноведение

6
2000

НОЯБРЬ •

ДЕКАБРЬ •

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

СТАТЬИ

<i>Васильев М.А.</i> (Москва). Религиозные дилеммы Руси в 980-е годы: опыт альтернативно-исторического анализа	3
<i>Толстая С.М.</i> (Москва). Мир живых и мир мертвых: формула сосуществования	14
<i>Кабакова Г.И.</i> (Париж). Запах смерти	21
<i>Николова В.</i> (София). "Сладкая ракия" в болгарской свадьбе	26
<i>Георгиева Ц.</i> (Болгария). Литературные архетипы в болгарской мифологической прозе (Поиски архетипических ситуаций в фольклоре и создание "новых мифов")	37
<i>Гришина Р.П.</i> (Москва). Коминтерн, РКП(б) и курс Болгарской коммунистической партии на подготовку нового вооруженного восстания в первой половине 1924 года: По материалам российских архивов	46
Круглый стол "Начало Второй мировой войны (1939 год): Современное состояние проблемы"	58

СООБЩЕНИЯ

<i>Молок Ф.А.</i> (Москва). Памяти Владимира Львовича Глебова – слависта	83
<i>Будагова Л.Н.</i> (Москва). "Дорогому другу на добрую память..." (Дарственные надписи на книгах как источник информации о времени и о себе)	89
<i>Усачева В.В.</i> (Москва). Франтишек Ладислав Челаковский и его "Мудрословие славянских народов в пословицах"	97
<i>Курочкин А.В.</i> (Киев). XIII Международный фестиваль маскарадных игр Перник-2000	102

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Валенцова М.М., Усачева В.В.</i> R.J. Nahcuk. The Word and Wax. A Medical Folk Ritual Among Ukrainians in Alberta	105
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Медведева К.Т.</i> Ежегодная Международная конференция "Славяне и их соседи"	107
<i>Досталь М.Ю.</i> Славянская идея в философской мысли XIX – начала XX века	109

<i>Шведова Н.В.</i> Круглый стол "Славянские писатели – столетние юбиляры"	111
<i>Ефимова В.С.</i> Международная научная конференция "Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян"	113
<i>Ефимова В.С.</i> Круглый стол "Межфразовые связи: кодирование и декодирование"	115

PERSONALIA

<i>Стыкалин А.С.</i> К 75-летию Владилена Николаевича Виноградова	116
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2000 году	120
О работах на конкурс памяти митрополита Макария	124
Новые издания Института славяноведения РАН	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), А.В. БОЛДОВ (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, В.К. ВОЛКОВ, Р.П. ГРИШИНА,
А.А. ГУГНИН, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ, Г.П. МЕЛЬНИКОВ,
В.В. МОЧАЛОВА, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), Б.Н. ФЛОРЯ,
В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН (зам. главного редактора)**

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Васильев М.А. (отдел истории).

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Веслова И.Ю., Кошкина Е.А.*

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32а Телефон 938-01-20
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

© 2000 г. М.А. ВАСИЛЬЕВ

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДИЛЕММЫ РУСИ В 980-е ГОДЫ: ОПЫТ АЛЬТЕРНАТИВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С опорой в первую очередь на статьи "Повести временных лет" (ПВЛ) под 986 и 987 гг., содержащие рассказ о так называемом выборе (испытании) вер князем Владимиром и его окружением, а также сообщения арабского ученого-естествоведа и врача Шараф аз-Замана Тахира ал-Марвази (конец XI – начало XII в.) и персидского писателя Мухаммада ал-Ауфи (первая половина XIII в.) о направлении "царем русов", носившим "титул" "Буладмир" (т.е. князем Владимиром), послов к правителю Хорезма с целью выяснения преимуществ ислама (см.: [1. С. 68–69; 2. С. 233–235]), в научной литературе принято рассматривать четыре принципиально возможные религиозные альтернативы (ислам, иудаизм, христианство западно-римского и греко-православного обряда), в рамках которых правящие верхи Древней Руси могли выбирать государственную монотеистическую религию, которая должна была прийти на смену "изжившему себя" язычеству.

Между тем в историографии ранее практически не принималось во внимание потенциальное существование еще одной, пятой реальной религиозной альтернативы, учет которой способен внести существенные коррективы в традиционно устоявшуюся в научной литературе проблематику "выбора вер".

В начале своего великого киевского княжения будущий креститель Руси предпринял "первую (языческую) религиозную реформу". "Повесть временных лет" в статье под 980 (6488) г. содержит о ней следующую информацию: "И нача княжити Володимеръ в Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровьюми земля Руска и холмо-тъ..." [3. С. 37]. Вслед за Киевом аналогичные в религиозном и политико-идеологическом плане действия были предприняты во "второй столице" древнерусской государственности – Новгороде: "Володимеръ же посади Добрыну, уя своего, в Новѣгородѣ. И пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира над рѣкою Волховомъ, и жряху ему людые ноугородьстии аки богу" [3. С. 37]. В Ипатьевской и ряде других летописей уточняется, что это был кумир Перуна ("постави Перуна кумира") [3. С. 451]. Накануне крещения жителей Киева и Новгорода воздвигнутые здесь ранее кумиры Перуна низринули и "изгнали – похоронили" в соответствии с восточнославянской проводной языческой обрядностью (подробнее см.: [4. С. 225 и след.]).

В научной литературе к настоящему времени обосновано суждение, согласно которому стержнем и содержанием языческого реформирования князя Владимира в 80-е

годы X в. являлось провозглашение княжеско-дружинного бога-покровителя Перуна *общегосударственным "богом богов", верховным божеством страны* (подробнее см.: [5]), в чем проявилась его ярко выраженная *монотеистическая направленность*, что сама эта реформа не являлась маргинальным и малозначимым эпизодом кануна крещения Руси, но представляла собой продуманную государственного масштаба политическую и идеологическую акцию (подробно см.: [4. С. 201–266]). В результате для 980-х годов в древнерусском "поле профессиональных возможностей" ныне выявляется еще одна точка приложения ситуации "выбора вер", по объективным и субъективным причинам ранее оставшаяся вне должного исследовательского внимания (см.: [4. С. 204–207]).

Как правило, рассматривая вопрос о религиозных альтернативах накануне введения христианства, в историографии приходили к мнению о том, что: 1) исторически (едва ли не провиденциально) обусловлено Русь должна была принять крещение только из Византии; 2) восточнославянское язычество же, даже реформированное, исчерпало свои внутренние ресурсы и более не удовлетворяло запросам общественного и государственного развития.

С присущей его стилю выразительностью сформулировал последнюю мысль С.М. Соловьев. Торжество язычества в начале великого княжения Владимира было непродолжительным, ибо "русское язычество, – писал историк, – было так бедно, так бесцветно, что не могло с успехом вести спора ни с одной из религий, имевших место в юго-восточных областях тогдашней Европы, тем более с христианством; ревность Владимира и Добрыни в начале их власти, устройство изукрашенных кумиров, частые жертвы происходили из желания поднять сколько-нибудь язычество, дать ему средства хотя что-нибудь противопоставить другим религиям, подавляющим его своим величием; но эти самые попытки, эта самая ревность и вела прямо к падению язычества, потому что всего лучше показывала его несостоятельность. У нас на Руси, в Киеве, произошло то же самое, что в более обширных размерах произошло в Империи при Юлиане (Юлиан Отступник, римский император в 361–363 гг., объявил себя сторонником языческой религии, пытался возродить ее в государственном масштабе, воздвиг гонения на христиан. – *М.В.*): ревность этого императора к язычеству всего более способствовала окончательному падению последнего, потому что Юлиан истощил все средства язычества, извлек из него все, что оно могло дать умственной и нравственной жизни человека, и тем всего резче выказалась его несостоятельность, его бедность пред христианством" [6].

Что же касается первого из приведенных тезисов, то не лишенным раскрепощающего воздействия от историографического топоса нам представляется следующее суждение, находящееся в русле альтернативно-исторических размышлений. «Выбор Владимира был, очевидно, выбором "нормальным" и вероятным, но все же это отнюдь не делает его из вероятного единственно возможным, – писал Д.Е. Фурман. – История говорит нам, что ситуация выбора новой религии народом, выросшим из стадии языческих верований, – ситуация громадной степени свободы, когда очень многое зависит от случайных обстоятельств, от сложившейся в данный момент ситуации». И далее, не без изрядной доли саркастичности: «Вообще постфактум все представляется более "закономерным", чем это было на самом деле – сознание "обслуживает" уже принятое решение... Это надо учитывать, когда мы читаем летопись. Прими Владимир иное решение, летопись была бы иной, а позднейшие историки писали бы, что Владимир "естественно" не мог принять христианство у Византии, с которой Русь находилась в постоянной вражде, ... и пришел, например, к "единственно возможному" решению – принять христианство у далеких соседей, с которыми войн не было, и т.д. и т.п., а кто-нибудь наверняка утверждал бы, что есть таинственная связь между русской душой и католицизмом» [7].

Действительно, одна из специально рассматриваемых в статье религиозных дилемм Руси в 80-е годы X в. – выбор в качестве государственной религии христианства западно-римского или греко-православного обряда, крещение "от латин" или "от гре-

ков" – имела в раннем средневековье для многих стран и народов Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы вполне реальный характер.

"Проблема выбора перед правителями центральноевропейских и балканских стран, – писали Г.Г. Литаврин и Б.Н. Флоря, – состояла не в предпочтении той или иной новой религии, а в выборе между двумя главными христианскими религиозными центрами, от одного из которых надлежало принять новое вероисповедание", т.е. в выборе между Римом и Константинополем. "Но и так вопрос стоял далеко не для всех этих стран". Для Карантии, Чехии, Польши и Полабья принятие христианства от латинской церкви было предопределено "всей системой внешних связей и международных отношений той эпохи". "В какой-то мере возможность выбора между западно-римской и греко-православной церковью открывалась перед хорватской и сербской знатью, и в значительной мере свободно этот выбор был осуществлен правящими верхами Болгарии и мадьярских княжеств..." [8. С. 239].

"Существенно иначе проблема выбора, – подчеркивали Г.Г. Литаврин и Б.Н. Флоря, – представляла перед правителями Древней Руси, граничившей не только с христианскими, но и с мусульманскими странами". Далее исследователи остановились на причинах, по которым не ислам, а христианство стало реальным "вектором конфессионального выбора" ([8. С. 240], см. также: [2. С. 69–70; 9]). Для последующего изложения особо важна даваемая ими констатация: "...Выбор между Римом и Константинополем был далеко еще не предпринят к 80-м годам X в." [8. С. 240]. А.П. Новосельцев также отмечал, что "колебания в выборе между византийским вариантом христианства и римским в Киеве продолжались долго... Были колебания и в 80-х годах..." [9]. Проблему выбора между Римом и Константинополем можно обозначить как первую исторически реальную религиозную дилемму Руси в 980-е годы.

Центром нашего дальнейшего специального внимания является вторая из обозначенных выше сентенций, вторая религиозная дилемма, не менее, чем первая, ныне уязвимая с позиций моделирования потенциально реальных исторических вероятностей (исторической альтернативистики).

В историографии, хотя и весьма нечасто, высказывалась точка зрения о неисчерпанности ресурсов язычества ко времени введения христианства. По мнению Г.М. Филиста, например, "древнерусская религиозная система не оставалась неизменной, постепенно приспособляясь к нуждам раннефеодального государства". Складывалась религия, способная со временем обеспечить идеологические потребности киевской феодальной знати, свидетельством чему служит "первая религиозная реформа" князя Владимира: "Формируется единое учение, празднично-обрядовый комплекс, возвышается жречество, т.е. делается все для превращения ранненациональной религии в рафинированную национальную религию" [10. С. 120–121]. Впрочем, Г.М. Филист далее писал: "Проведением религиозной реформы Владимир лишь на время замедлил, но не прервал окончательно процесс проникновения христианства на Русь" [10. С. 122]. Более последователен был Ю.В. Кривошеев: "Язычество ко времени крещения не только не исчерпало себя, но и обладало еще достаточно мощным потенциалом для дальнейшего движения" [11]. Однако данная историографическая линия в специальной литературе развития не получила.

Обсуждаемая ниже вторая историческая религиозная дилемма Древнерусского государства в 980-е годы может быть сформулирована следующим образом: существовала ли, помимо обычно ("топосно") указываемых четырех, **пятая, языческая религиозная альтернатива**, т.е., в нашем понимании, *являлось ли исторически возможным более длительное, чем реально около десятилетия (980–988 гг., по хронологии ПВЛ), функционирование на Руси культа Перуна в качестве официального общегосударственного?* В историографии этот вопрос практически не ставился. Лишь у Л.Н. Гумилева мы нашли слабый намек на пятую религиозную альтернативу: в связи с анализом ситуации "выбора вер" при Владимире историк отметил, что "можно было примкнуть к новому, возникшему только что культу Перуна", но тут же отверг этот вариант, потому что он не удовлетворял "сердцам народа" [12].

История – наука безальтернативная, так как трактует об уже бывшем, варианты лишь интерпретации исторически случившегося (бывшего). Это и является традиционной областью "строгих" исследовательских построений и гипотез. Однако подход с точки зрения истории альтернативной позволяет данную область расширить, вводя в исторические разыскания те ракурсы, которые по определению остаются за рамками разысканий традиционного характера. Именно они позволяют увидеть такие повороты проблем, которые при "строгом" подходе неминуемо (но и вполне закономерно) остаются вне пределов обсуждения.

Отечественная наука со второй половины 1980-х годов, в поисках новых парадигм развития гуманитарного знания, активно обратилась к обсуждению проблематики исторической альтернативистики, исторических ретроальтернатив¹. Это во многом обуславливалось внутривластической ситуацией, когда страна оказалась на историческом перепутье, в ситуации вариантного выбора дальнейших путей развития. Но не меньшее значение имело и то, что ученые получили возможность не только обдумывать, но и публиковать суждения, выходящие за пределы ранее принятого и дозволенного. С неизбежностью при этом в качестве одной из насущных методологических и общетеоретических проблем встал вопрос о принципиальной допустимости и научной корректности альтернативно-исторического подхода, о возможности и необходимости изучения действительности не только реально происшедшей, но и действительности виртуальной (т.е. умозрительно сформулированной, при известных допущениях [13. С. 113]). Превалирующим при этом являлось его в целом положительное решение.

Одним из первых проблему назревшей потребности разработки ретроальтернативных подходов к историческому процессу поднял И.Д. Ковальченко. В "общественно-историческом развитии претворение в действительность многих (можно сказать – большинства) возможностей имеет... вероятностный характер, – писал он в статье 1986 г. – Значит, надо искать способы измерения этой вероятности... Естественное стремление к оценке потенциалов исторического развития является одним из факторов, определяющих растущий интерес историков к изучению так называемых альтернативных ситуаций в историческом развитии" [14. С. 90]. "Важное место, которое занимают альтернативы в историческом развитии, обуславливает необходимость их изучения историками. Возникающие порой сомнения в такой необходимости неосновательны. Игнорирование альтернативных ситуаций обедняет историческую реальность" [14. С. 97]. В более поздней работе историк вернулся к этой теме: «Познание прошлого имеет две тесно взаимосвязанные задачи. Во-первых, это показ того, "как это было" в его инвариантности. Во-вторых, это объяснение того, "почему было так, а не иначе". Здесь требуется учет наличия объективных поливариантных, альтернативных возможностей... Тем самым будет не только углубляться познание прошлого, но и обобщаться исторический опыт. Историки должны и могут увеличить свой вклад в решение указанных задач» [15].

"Говорят, что история не имеет сослагательного наклонения, – отмечал В.П. Данилов. – Конечно, если иметь в виду явления и события ушедших времен, то они таковы, какими состоялись..." Однако «всегда есть проблема выбора конкретного способа реализации того или иного исторического процесса, выбора путей, форм и сроков решения тех или иных задач, которые возникают перед обществом. Отказ от "сослагательного наклонения" в этих случаях для историков практически означает автоматическое одобрение всего того, что совершилось, и только потому, что оно совершилось. История предоставляет людям возможность выбора путей и способов дальнейшего развития (в пределах определенных объективных условий) и уже поэтому требует от историка анализа и оценки не только состоявшегося варианта, но

¹ И.В. Бестужев-Лада, основываясь на понятии "альтернативистика", которым обозначается комплексное направление исследования будущего, многовариантного по своей сути, предложил термин "ретроальтернативистика", понимаемый как альтернативистика, "опрокинутая" в прошлое [13. С. 113]. В качестве абсолютно синонимичного в статье мы используем также термин "историческая альтернативистика".

и вариантов, несостоявшихся. Иначе история приобрела бы какой-то мистический характер, а занятия ею утратили бы смысл» [16].

По мнению А.Я. Гуревича, «обсуждение вопроса о таящихся в "исторической материи" потенциях и вариантах неизбежно и логично возникает при отказе от идеи всеобщего детерминизма, которая еще недавно господствовала в нашей историографии. Нетрудно видеть, что проблема альтернативности теснейшим образом связана с пониманием того, что люди участвуют в историческом процессе не только в роли "актеров", но и в качестве его "авторов". Отсюда недалеко до идеи "несвершившейся истории". Обсуждение этой идеи, несмотря на ее критику теми, кто повторяет тезис "история не имеет сослагательного наклонения", на мой взгляд, могло бы приобрести существенное эвристическое значение. Тут мы вступаем на почву интеллектуального эксперимента в истории и вместе с тем предохраняем себя от неоправданных "спрямлений" и упрощений действительного хода событий» [17].

«...Историческая наука исключает сослагательное наклонение ("если бы – то..."). И это понятно: если ставится задача описать и объяснить какое-то событие..., то всякие чисто умозрительные (виртуальные) конструкции тут неуместны», – подчеркивал И.В. Бестужев-Лада [13. С. 112]. Однако если рассматривать "чисто прогностические сценарии альтернативных вариантов развития событий при различных допущениях", "тогда история предстает не как цепь фатально predetermined событий, которые можно лишь констатировать, а как совокупность причинно-следственных процессов, которые при иных условиях вполне могли быть... иными". "Ретроальтернативистика способна, по нашему мнению, развить теорию упущенных возможностей в том или ином историческом процессе..." [13. С. 113].

Вместе с тем обращение к исторической альтернативистике не просто самоценно и эвристично, оно имеет глубинные общенаучные основания.

По убеждению членов редколлегии альманаха "Анналы", впервые сформулированный Н. Бором принцип дополнительности, в соответствии с которым ни одна теория не может описывать объект исследования столь исчерпывающим образом, чтобы исключить возможность альтернативных подходов, имеет общенаучное значение. «...Принцип дополнительности должен быть положен в основу формирующейся новой научной парадигмы в гуманитарных науках, – подчеркивали они. – Его применение при изучении "мира людей" необходимым образом предполагает переосмысление роли феноменов альтернативности и многовариантности в человеческой истории» [18. С. 10].

В настоящее время среди философов укрепляются позиции тех, кто выступает за признание онтологического статуса возможности, т.е. возможность, альтернатива все более рассматривается в качестве одного из всеобщих принципов бытия, одной из его основ. «Первое, что сразу бросается в глаза при таком подходе, – писал Я.Г. Шемякин, – сама сфера бытия представляется совершенно иначе. Прежде всего, она как бы резко "расширяется". Еще важнее то, что сама действительность теряет свой самодовлеющий характер, перестает быть некоей замкнутой на себе системой, "вне" которой ничего нет и быть не может. Теперь это уже "действительность" под давлением различных виртуальных миров, она представляется на первый взгляд крепостью, в которую пытаются прорваться различные возможности» [19. С. 13–14]. И далее: «...Подобно тому, как прошлая действительность не перестает быть реальной от того, что она уже в прошлом, так и прошлые возможности не теряют статуса реальности от того, что они находятся в этом временном измерении. Просто они так и остались за гранью "своей" действительности, той, в которой они могли реализоваться» [19. С. 15].

Признание эвристической (и шире – общенаучной) ценности, а также значимости с точки зрения философии истории альтернативных ретроисторических построений требует, вместе с тем, того, чтобы они отвечали вполне определенным, достаточно жестким методологическим научным критериям.

Во-первых, подобного рода виртуальные конструкции должны удовлетворять параметру своей потенциальной реальности, позволяющему провести рубеж между реально возможными и явно фантастическими допущениями [13. С. 122]. "Непременным условием при изучении возможностей в историческом развитии, – писал И.Д. Ковальченко, – является выделение реальных и существенных возможностей", при исключении возможностей формальных, т.е. логически допустимых, но на практике заведомо не реализуемых [14. С. 88]. «...Любая возможность в принципе реальна, – отмечал Я.Г. Шемякин, – только степень приближения к границе с действительностью может быть разной: то, что мы называем "формальной возможностью", максимально удалено от этой границы, а то, что мы называем "реальной возможностью", максимально к ней приближено, находится на самой этой границе или уже переходит ее» [19. С. 15].

Во-вторых, такие мысленные артефакты должны соответствовать критерию логичности, позволяющему установить непротиворечивость причинно-следственных связей в их построении [13. С. 122].

В-третьих, наконец, историческая альтернативистика должна находить опору в фактах реально случившегося, в рамках реализованной истории. «...Историческая альтернатива – не просто умозрительное понятие, не некая "умственная конструкция", создаваемая историками в познавательных целях, – писал в этой связи Б.Г. Могильницкий, – а объективная категория, отражающая реальные связи, существующие в исторической действительности. Историк не конструирует бесконечное число альтернатив по принципу "могло быть и так", а обнаруживает их в реальной действительности...» [20].

С опорой на эти общие соображения, а также учитывая имеющиеся в литературе опыты конкретных альтернативно-исторических (ретроальтернативных) сценариев², вернемся к основной теме статьи. Нельзя не констатировать то обстоятельство, что принятие христианства в качестве официальной государственной религии именно на рубеже 980–990-х годов не являлось исторически predetermined, неизбежным. Не вызывает сомнений тот факт, что выбор *конкретного момента* для введения христианства был продиктован исключительно благоприятной внешнеполитической конъюнктурой в отношениях Руси с Византией, которой максимально воспользовался Владимир.

Поэтому нам кажется вполне правомерным поставить следующие вопросы альтернативно-исторического (ретроальтернативного) характера. Как развивалась бы конфессиональная история восточного славянства, если бы во второй половине 980-х годов правящая верхушка Византийской империи не оказалась на грани катастрофы в результате успехов восстания Варды Склира и Варды Фоки в ее малоазиатских провинциях, что послужило первотолчком к цепи событий, завершившихся принятием Русью христианства в качестве официальной государственной религии? Именно здесь, как считается, находилась историческая "точка бифуркации"³, на многие века предопределившая христианско-православный характер восточнославянской цивилизации. Или – что было бы, если бы это выступление оказалось успешным, и поддерживавшая "вооруженной рукой" прежних правителей Византии Русь (как известно, в

² Например, можно указать на два получивших широкую популярность эссе А.Дж. Тойнби [21], а также на ретроальтернативный очерк о ходе развития российской истории в случае победы в 1825 г. восстания декабристов [22]; И.В. Бестужевым-Лада были предприняты интересные опыты альтернативно-исторического подхода к событиям Отечественной войны 1812 г. [13. С. 114–120] и событиям 1941 г. Великой Отечественной войны [13. С. 120–122].

³ «Именно в "точке бифуркации", когда резко возрастает неустойчивость, имеет место кризис прежней организации той или иной системы, нарастают флуктуации (случайные отклонения от средней величины. – М.В.), угрожающие разрушением ее старой структуры, как раз и происходит выбор системой путей дальнейшего развития... Причем в "точке бифуркации" даже очень незначительная по своим масштабам флуктуация (в том числе чья-то индивидуальная деятельность или даже просто личное усилие в человеческом обществе) может вызвать гигантскую волну изменений» [18. С. 5–6].

помощь императору Василию II Владимировичем Святославичем был послан много-тысячный военный корпус) оказалась (по крайней мере, на какое-то время) в заведомо враждебных или по крайней мере весьма натянутых отношениях с новыми властителями империи? Иначе говоря, что было бы, если бы в Азии выступление против центральных властей Византийской империи не началось вовсе или оказалось менее, либо, наоборот, более удачным? Наконец, еще одно "или" – как складывалась бы дальнейшая история, если бы великому киевскому князю не удалось взять Херсонес (Корсунь), возвращение которого, как то традиционно считается⁴, послужило веном за византийскую порфирородную принцессу Анну, женитьба на которой поставила последнюю точку в "выборе вер" в общегосударственном масштабе?

Во всех этих случаях, надо думать, крайне выгодная для Древнерусского государства внешнеполитическая ситуация в отношениях с империей ромеев, носившая временный, преходящий, ситуативный характер, *не сложилась бы*. Если это так, то закономерно встает следующий ряд вопросов: как развивалась бы конфессиональная ситуация на Руси при подобном повороте событий? сделал бы Владимир выбор в пользу христианства *именно* во второй половине 980-х годов и принял бы его *именно* из Византии?

На наш взгляд, нет веских препятствий для допущения, согласно которому в случае воплощения обозначенных выше в форме вопросов реально вероятных исторических сценариев⁵ была возможна сравнительно долговременная реализация на Руси обозначенной пятой, языческой ("Перуновой") религиозной альтернативы. И личное крещение Владимира существенно ранее принятия христианства в качестве официальной государственной религии Руси⁶ не имело всеподавляющего значения – его бабка, христианка княгиня Ольга, не один год вполне благополучно управляла языческой страной, да и сам Владимир уничтожил официальный общегосударственный культ Перуна далеко не сразу после того, как лично принял веру Христову.

Как указывалось выше, особую весомость и косвенную опору ретроальтернативные построения приобретают, если находят себе исторические аналогии, опору в фактах воплотившейся истории.

Исторические типологические параллели потенциальной возможности сравнительно долговременной реализации на Руси обсуждаемой пятой ("Перуновой") религиозной дилеммы обнаруживаются, что представляется особо существенным, на территориально во многом той же исторической сцене, что и события исхода X в., в том же Восточноевропейском регионе эпохи средневековья, в истории оформившегося в первой половине – середине XIII в. Великого княжества Литовского. Знаменателен уже сам тот факт, что в это время складывается и начинает постепенно

⁴ А. Поппе была высказана (см., например, [23. С. 252–266, 278–279]) и затем поддержана многими исследователями (Г. Поскальски, Л. Мюллер, В. Водов, М. Арранц и др., см.: [24. С. 397, прим. 10]) точка зрения, согласно которой Владимир выступал как союзник империи, подавляя восстание сочувствовавших "союзу двух Фок" херсонитов; возражения см.: [24. С. 397–398, прим. 10]. В любом случае, именно и только *после* взятия Корсуни туда прибывает из Константинополя порфирородная принцесса Анна [3. С. 50], брак с которой и стал важнейшим внешнеполитическим статусным выигрышем Владимира.

⁵ Если бы не жесточайшее поражение, нанесенное болгарами 17 августа 986 г. в Ихтиманском ущелье (ущелье Траяновых врата, близ нынешней Софии) византийской армии под водительством императора Василия II [24. С. 194], баланс военной силы в борьбе с выступлениями в малоазийских провинциях империи вполне мог складываться в пользу центральной власти, более того, сама весть об этой катастрофе положила начало новому витку восстаний в восточных провинциях Византии, поставивших на грань гибели правителей Македонской династии [23. С. 267–268; 24. С. 194]; к концу 987 г. Варда Фока, провозгласивший себя "василевсом ромеев", овладел всей восточной частью Византийской империи, его войска стояли на берегу Геллеспонтского пролива, а флот контролировал его, падение Константинополя казалось делом едва ли не дней [24. С. 195–196]; Херсонес был взят после безуспешной изнурительной многомесячной осады только благодаря предательству [3. С. 49–50; 24. С. 223–232], и т.д.

⁶ Согласно Иакову Мниху, Владимир "на другое лѣто по крещеньи къ порогомъ ходи, на третье Корсунь городъ взя..." [25].

расширять свои границы конфессионально *языческое*, на государственном уровне, политическое образование, причем изначально населенное не только литовцами язычниками, но и православными восточными славянами. Напомним в этой связи, что переход европейских стран (кроме принадлежавших миру ислама части Пиренейского полуострова и Волжской Болгарии) к христианству в качестве государственной религии в основном завершился к XI в.

Долгое время в великом княжестве имело место сосуществование языческого и христианского начал, не венчавшееся победой последнего. Наиболее ярко это прослеживается в истории правителей Литовско-Русского государства. В 1246 г. великий литовский князь Миндовг (середина 1230-х – 1263) принял православие, в 1252 г. "крестился в веру латинскую", а позже обратился к язычеству, которое исповедовало большинство собственно литовского населения страны. До 1268 г. великим княжеством правил его сын, православный князь-инок Войшелк (о нем см.: [26]) (ситуация, во многом зеркальная по отношению к годам правления княгини Ольги и частично – князя Владимира). Язычником являлся великий князь Тройден (1270–1282), хотя четыре его брата приняли православие [26. С. 194]. Великий князь Гедимин (1316–1341) всю жизнь оставался язычником [27. С. 82–83]. Согласно отчету послов к Гедимину от папских легатов, прибывших в Ригу в 1324 г., этот правитель говорил им: "Если когда-либо я имел намерение креститься, то пусть меня сам дьявол крестит... Говорил я еще, что позволю христианам молиться по обычаю их веры, русским – по их обычаям и полякам по своему, а сами мы будем молиться по нашим обычаям" (цит. по: [28]). Великий князь Ольгерд (1345–1377) первоначально был крещен в православие, но вступив на великокняжеский престол, обратился к язычеству и даже иногда преследовал христиан-литовцев⁷, хотя это не мешало тому, что его дети были воспитаны в православии; под конец жизни Ольгерд вновь стал православным [27. С. 84–86]. К исходу XIV в. подавляющее большинство населения Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского составляли православные восточные славяне (см.: [30]), а половина жителей Вильны (Вильнюса) исповедовала православие [27. С. 87].

Но лишь при Ягайле⁸ (1377–1381, 1382–1393), согласно условиям Кревской унии 1385 г. между Польшей и Великим княжеством Литовским, *христианство* католического обряда *стало официальной государственной религией страны*, и великий князь, отрекшийся от православия и переименовавший крещальное имя Яков на Владислав, приступил к массовому обращению в новую веру в большинстве своем оставшихся язычниками литовцев.

В рамках темы статьи нами не рассматривается специально вопрос, в силу каких внутри- и внешнеполитических причин христианство, глубоко укорененное на большей части территории Великого княжества Литовского, долгое время оставалось религией не государственной. Сущностно важно здесь констатировать иное: в течение примерно полутора веков в Европе существовало государство (если брать достаточно рыхлое, "федеративно" организованное великое княжество как *политическую целостность*), окруженное (кроме южных рубежей, и то лишь с определенного времени) христианскими политическими образованиями, в период своего максимального расширения (до 1385 г.) простиравшееся от Прибалтики до Северного Причерноморья, в котором *христианство не являлось официальной государственной религией*. Иначе говоря, как *государственная целостность*, *Великое княжество Литовское конфессионально оставалось ко времени заключения Кревской унии на официальном уровне языческим*. Однако это не являлось радикальным препятствием для его адекватного международного (в первую очередь не вело к исключению мирного, в том числе союзнического, взаимодействия с соседними христианскими

⁷ Имеются в виду "три виленских мученика", придворные Ольгерда православные христиане Иоанн, Антоний и Евстафий, казненные князем в 1346 (?) – 1347 гг. под давлением его языческого литовского окружения; почитаются православной церковью в качестве святых. Подробнее см.: [29].

⁸ Ягайло "ославянился" настолько, что мог говорить только "по-русски" [31].

странами, не порождало перманентную враждебность с их совокупностью) и внутреннего (т.е. не мешало взаимовыгодному политическому и военному сотрудничеству языческой собственно Литвы и ее знати и восточнославянского христианского населения и его элиты) функционирования.

Пример Литовско-Русского государства в период до конца XIV в., таким образом, демонстрирует то, что *принципиальную возможность продолжительной реализации "языческого" религиозного альтернативно-исторического (ретроальтернативного) сценария было бы поспешно, с нашей точки зрения, исключить и для Руси, где культ "бога богов" Перуна в качестве официального общегосударственного мог сохраняться сравнительно долгое время.* При этом, конечно, едва ли могут возникнуть серьезные сомнения в том, что пусть не в 80-е годы X в., а несколько позднее, но Русь в конечном счете приняла бы христианство в качестве государственной религии. Иной вопрос – из какого центра.

Как можно предполагать, при воплощении обозначенного "языческого сценария" развития событий (продолжение функционирования "первой религиозной реформы"; отсутствие исключительно благоприятной для Руси внешнеполитической конъюнктуры в отношениях с Византией или даже натянутые, вплоть до враждебных, отношения с ней при одновременной неисчерпанности проблемы и ситуации "выбора вер") возростала вероятность принятия новой веры "от латин", т.е. противоположной реально случившейся реализации первой из рассматриваемых религиозных дилемм, альтернатив.

Есть основания считать, что в середине 980-х годов отношения между империей ромеев и Русью являлись натянутыми. И лишь успехи выступления сначала Варды Склира, но особенно Варды Фоки привнесли в них новое качество, обусловившее весь дальнейший ход событий. Согласно арабскому историку и врачу христианину Яхъе (Йахйе) Антиохийскому (около 980 – предположительно, 1066), "и истощились его (Василия II. – *М.В.*) богатства, и побудила его нужда послать к царю русов – *а они его враги*⁹ (курсив наш. – *М.В.*), – чтобы просить их помочь ему в его положении. И согласился он на это. И заключили они между собой договор о свойстве, и женился царь русов на сестре царя Василия, после того, как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны..." [2. С. 232].

Таким образом, если бы не реально (исторически) имевший место ход событий в восточных провинциях Византии, то отмеченная выше ситуация христианской религиозной дилеммы – Константинополь или Рим – могла бы сохраняться во второй половине 80-х годов X в., причем *внешнеполитически* – явно не в пользу РOMEЙСКОЙ империи и, соответственно, христианства греко-православного обряда. С точки зрения исторических аналогий показательно, как в сходной ситуации выстраивала свою внешнюю конфессиональную политику бабка Владимира княгиня Ольга. По мнению А.В. Назаренко, ее визит в Царьград в 957 г. (датировка спорная, в историографии аргументировались и иные точки зрения) не принес удовлетворивших киевскую правительницу результатов, что привело к временному ухудшению русско-византийских отношений. В результате такого развития событий в 959 г. к германскому королю Оттону I прибывает посольство из Киева с просьбой "назначить их народу епископа и священников", т.е. речь шла о крещении Руси "от латин" (подробнее см.: [32; 2. С. 266–270, 303–308]).

Сугубо умозрительно возможно, конечно, предположить, что на Руси религиозное развитие могло пойти по пути дальнейшей монотеизации общегосударственного культа Перуна и создания сравнительно развитой и общественно-политически действенной единобожной религии. Однако данная спекулятивная гипотеза, с нашей точки зрения, находится вне "поля исторических возможностей", представляя собой лишь так называемую формальную альтернативу, формальную вероятность. Она не-

⁹ А. Поппэ, однако, полагал, что данная ремарка не отражает реалии того времени [23. С. 247–248], ср., вместе с тем, [24. С. 198].

приемлема уже даже хотя бы в силу того, что во многих соседних с Русью странах к тому времени в качестве государственных функционировали монотеистические религии (в первую очередь христианство и ислам) с многовековой историей, с развитыми догматикой и организационной структурой, с богатым опытом обслуживания высокоразвитых общественных институций и сложно стратифицированных социальных отношений, с накопленным разносторонним опытом взаимодействия (и взаимоприобщения) со светскими властями. Это делало обращение к ним наиболее рациональным и простым при выборе монотеистических религий, в максимальной степени отвечавших внутривосточным и международным запросам правящих верхов молодого Древнерусского государства.

В подобной внешней конфессиональной ситуации "Перунова альтернатива" явно проигрывала и являлась нереалистичной в *долговременной* исторической перспективе. Но в перспективе *кратковременной* в 980-е годы потенциально существовала дилемма – сохранение как официальной государственной религии реформированного язычества или принятие в этом качестве одной из развитых монотеистических религий. Причем конкретно-исторически речь могла идти только о христианстве.

Однако, повторим, выбор христианства греко-православного обряда в 80-е годы X в. не был инвариантно предопределен, и достаточно высокой оставалась вероятность воплощения иной реальной исторической дилеммы – введение христианства как официальной государственной религии Руси "от латин"¹⁰. И если бы "точка бифуркации" тогда была пройдена иначе, исторические судьбы восточного славянства и его государственности (и, соответственно, Pax Orthodoxa и Pax Latina) могли сложиться радикально иным образом, а без преувеличения вся сегодняшняя мировая цивилизация оказалась бы всего лишь одной из "несвершившихся историй".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Новосельцев А.Л.* Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси // Введение христианства на Руси. М., 1987.
2. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.
3. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.
4. *Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне введения христианства: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.

¹⁰ На Руси и в X в., и много позднее Рим по большей части не воспринимался светской частью общества в качестве неперемного антагониста. "Конфликт между Римом и Константинополем, – писал Я.Н. Шапов, – приведший в 1054 г. к разрыву между ними, был чужд Руси, которая поддерживала политические, торговые и культурные связи как с западными, так и с восточными странами. Событие, о котором идет речь, не нашло отражения в русском летописании... Деятели византийской церкви на Руси, особенно митрополиты, старались, и небезуспешно, восстановить князей и русское общество вообще против контактов с Западом, браков с католическими принцессами и пр. Однако общность Руси как европейского государства со странами других частей Европы в XI–XIII вв. была большей, чем то особенное, что объединяло ее только с Византией и другими странами восточного христианства" [33]. «...В 1054 г., – отмечал в той же связи Б.Н. Флоря, – произошел раскол между Римом и Константинополем, а не между Русью и ее западными соседями... Хотя в XI–XII вв. и на Руси, и в странах Центральной Европы была известна полемика литература, появившаяся после разрыва церковного общения между Римом и Константинополем, и здесь в церковной среде возникали аналогичные памятники, между этими странами сохранялись разнообразные связи, в том числе... в сфере сакрального искусства. О наличии контактов в правящей светской среде говорят заключавшиеся вопреки предостережениям церковных иерархов многочисленные брачные союзы между представителями княжеских династий и отсутствием в исторических, более тесно связанных с интересами светской среды, памятниках специальных выпадов против "иноверцев". Наоборот, например, в древнерусской Ипатьевской летописи можно обнаружить одобрительные высказывания и о немецких рыцарях – участниках III крестового похода, и о чудодейственной силе венгерского "креста св. Стефана"» [34].

5. *Аничков Е.В.* Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.
6. *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988. Кн. I: История России с древнейших времен. Т. 1. С. 169.
7. *Фурман Д.Е.* Выбор князя Владимира // Вопросы философии. 1988. № 6. С. 92.
8. *Литаврин Г.Г., Флоря Б.Н.* Общее и особенное в процессе христианизации стран региона и Древняя Русь // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.
9. *Новосельцев А.П.* Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи // История СССР. 1988. № 4. С. 112.
10. *Филист Г.М.* Введение христианства на Руси: предпосылки, обстоятельства, последствия. Минск, 1988.
11. *Кривошеев Ю.В.* Религия восточных славян накануне крещения Руси. Л., 1988. С. 22.
12. *Гумилев Л.* Выбор веры // Истоки'89: Альманах. М., 1989. С. 374.
13. *Бестужев-Лада И.В.* Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8.
14. *Ковальченко И.Д.* Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // История СССР. 1986. № 4.
15. *Ковальченко И.Д.* Сущность и особенности общественно-исторического развития (Заметки о необходимости обновленных подходов) // Исторические записки. М., 1995. Вып. 1 (119). С. 34.
16. *Данилов В.П.* Третья волна // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 23.
17. *Гуревич А.Я.* История конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 10.
18. *Анналы: Научно-публицистический альманах. Донецк, 1992. Вып. 3: Альтернативность истории.*
19. *Шемякин Я.Г.* Теоретические проблемы исследования феномена альтернативности // Анналы: Научно-публицистический альманах. Донецк, 1992. Вып. 3: Альтернативность истории.
20. *Могильницкий Б.Г.* Историческая альтернативность: методологический аспект // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 7.
21. *Тойнби А.* Если бы Александр не умер тогда... // Знание – сила. 1979. № 12; *Тойнби А. Дж.* Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели... // Знание – сила. 1994. № 8.
22. *Экштут С.* Новорожденная свобода // Родина. 1997. № 2.
23. *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси (Русско-византийские отношения в 986–989 годах) // Как была крещена Русь. М., 1988.
24. *Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М., 1997.
25. *Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха и Житие Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1963. Вып. 37. С. 72.
26. *Огинский Д.П.* Великий князь Войшелк (Страница из истории Православия в Литве) // Богословские труды. М., 1983. Сб. 24.
27. *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3.
28. *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. М., 1938. Т. II. С. 59.
29. *Огинский Д.П.* К истории виленских мучеников // Богословские труды. М., 1984. Сб. 25.
30. *Кацель И.А.* История Литвы. 2-е изд. Ковно, 1922. Ч. 1. С. 32.
31. *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. М., 1915. С. 41.
32. *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994. С. 61–80.
33. *Шапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 172.
34. *Флоря Б.Н.* У истоков конфессионального раскола славянского мира (Древняя Русь и ее западные соседи в XIII веке) // Славянский альманах, 1996. М., 1997. С. 37.

© 2000 г. С.М. ТОЛСТАЯ

МИР ЖИВЫХ И МИР МЕРТВЫХ: ФОРМУЛА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Отношение живых к миру мертвых в архаических культурах обычно определяется понятием культа предков, подразумевающим различные ментальные, ритуальные и вербальные формы почитания, поклонения и обожествления умерших. Между тем, отношения двух миров не полностью укладываются в это понятие: кроме культа, в них явно присутствует страх перед мертвыми, сознание зависимости от них, стремление к поддержанию определенного равновесия между двумя мирами, в котором усматривается гарантия сохранения всего миропорядка. К такому типу отношений более применимо сербское слово *страхопоштовање*, т.е. почитание, переходящее в страх. Представления о "том" свете и его влиянии на земную жизнь, играющие кардинальную роль в традиционном мировосприятии, не ограничены, так сказать, идеологической сферой – они находят выражение в целой системе обрядовых форм, в конкретных запретах и предписаниях, в языке и фольклоре. В некотором смысле вся традиционная культура ориентирована на потустороннюю перспективу, каждый обряд и каждый конкретный ритуальный или ритуализованный акт поведения (а в такого типа культурах ритуализовано все) предусматривает общение с "тем" миром, узаконенное прерывание границы, отделяющей живых от мертвых; подлинный адресат ритуала (персонифицированный или неперсонифицированный) всегда принадлежит иному миру.

Каким бы ни мыслилось соотношение двух миров – зеркальным или "изоморфным", их автономность, "отдельность" никогда не ставится под сомнение, а граница между ними, разделяющая сферы влияния, всегда является предметом особой заботы. Как эти миры соотносятся – в пространстве, по "объему", по взаимной оценке? Как они воспринимают друг друга? Чего хотят живые от мертвых и чего ждут мертвые от живых? Отношения между ними не могут быть раз и навсегда установлены, они постоянно подвержены испытаниям, пересмотру, нарушению – они нарушаются каждым событием смерти и каждым событием рождения – и требуют периодического восстановления. В данном случае нас будут интересовать те конкретные формы взаимоотношения двух миров, которые сложились в ритуальной практике и отразились в народных верованиях славян, в их языках и фольклоре.

Начнем с того, как в повседневную жизнь человека вписываются представления об ином мире. Здесь следует различать две стороны вопроса. Первая касается будущего смертного существования конкретного живого человека, субъекта верований и поступков. В этом отношении заслуживают внимания прежде всего некоторые запреты (реже – предписания) и представления о грехе, в основе которых лежит убеждение, что все совершаемое человеком в земной жизни так или иначе найдет отражение в его жизни загробной. Например, считается опасным оставить недоеденным кусок хлеба – по украинским поверьям, он будет на "том" свете гоняться за тобой [1]; опасно

Толстая Светлана Михайловна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ронять на пол крошки хлеба – словенцы верят, что душа человека будет столько лет мучиться на "том" свете, сколько крошек он уронил и растоптал. Полесские крестьяне, вынув хлеб из печи, спешили положить туда полено, "чтобы была кладочка (переход, мостик) на том свете, як помрешь". Народные представления о грехе, сформировавшиеся в значительной степени под влиянием христианства (подробнее см.: [2]), включают целый реестр соответствующих друг другу земных прегрешений и посмертных воздаяний за них (ср. рус. смолен. "Што ни заслужишь на етым свети, на тым получишь" [3]). Согласно этим представлениям, женщины, умертвившие своих детей, обречены на "том" свете поедать их тело (кровавое мясо); ведьмы, отнимавшие молоко у коров, в аду изрыгают его из себя; те, кто оставляли на поле залом, чтобы нанести порчу хозяевам, на "том" свете крутят солому; пьяница будет бочкой смолу возить и пить ее; тот, кто крал, на "том" свете будет носить на спине все украденное и т.п. По восточнославянским (белорусским, полесским) поверьям, на "том" свете перед каждым на столе выставлены его "добрые дела" – то, что он при жизни отдавал другим (в том числе подавал нищим) или делал для других. Таким образом, соблюдение правил, предписаний и запретов позволяет еще при жизни обеспечить себе благополучное загробное существование и, наоборот, нарушение запретов и правил обрекает человека после смерти на муки и наказания.

Второй аспект темы касается не способов обеспечения личного благополучия после смерти, а "безличной" ориентации всего жизнеустройства социума и поведения каждого его члена на удовлетворение потребностей и условий обитателей потустороннего мира. Здесь также можно указать немало примеров, когда запреты и предписания земной жизни мотивируются интересами иномирных адресатов. В том же примере с хлебом может действовать примета: если упадет со стола кусок хлеба, то значит, на "том" свете кто-то (возможно, родственник) голоден, остался без хлеба и т.п. Белорусы считали необходимым, вынув хлеб из печи, поскорей облить его холодной водой, чтобы в аду для душ не жалели воды [4]. Общеизвестен запрет женщинам-матерям есть яблоки до Спаса (Преображения), мотивируемый в народе тем, что их умершие дети на "том" свете будут лишены этого угощения. Известны запреты в поминальные дни и некоторые праздники белить стены дома из-за опасения "замазать глаза" покойникам или прясть, чесать шерсть, подметать пол и т.п., иначе "засоришь глаза" мертвым; сновать, иначе "заснуешь дорогу дедам"; шить, чтобы не зашить глаза предкам; выливать воду во двор, так как можно облить "гостей", танцевать – затопчешь родителей" и многие другие. В Полесье, когда впервые после похорон собирались белить дом, шли на кладбище и покрывали могилу скатертью, чтобы "не закапать глаза покойнику" (Ровенская обл.). Особая забота о зрении покойников (проявляющаяся и в поминальных ритуалах) объясняется представлением о "том" свете как царстве тьмы или мрака.

Однако главным регулятором отношений между мирами выступает, безусловно, ритуал, в первую очередь сам погребальный обряд и специальные поминальные обряды, в которых каждый акт имеет целью обеспечить потребности умерших родственников и всех покойников в целом, чтобы тем самым уберечь живых от грозящих им неприятностей со стороны загробного мира. Уже при похоронах умерший снабжается необходимой одеждой, в которой ему предстоит пребывать на "том" свете, едой (клали в гроб пироги или хлеб, яйцо, яблоко, орехи, конфеты и др., южные славяне часто оставляли в гробу или в могиле вино), деньгами (чтобы заплатить за переезд или переправу по воде) и другими нужными ему предметами (старики – тростью, курившие – трубкой и табаком, дети – пеленками и игрушками и т.д.); для покойного непременно зажигают свечу, чтобы осветить ему путь на "тот" свет, ему развязывают ноги, чтобы он мог передвигаться (тем, кому забыли это сделать, приходится на "том" свете прыгать, как спутанным лошадям). Особой заботой окружается душа человека: для нее ставится у изголовья умирающего или на подоконник вода, чтобы она могла обмыться, вывешивается полотенце, чтобы она могла утереться, отворяется дверь или окно, чтобы она могла вылететь, покрываются крышкой сосуды с водой, чтобы

она не утонула в воде и не задержалась в доме, завешивается зеркало, чтобы она не осталась в нем, и т.д. Крестьяне Смоленской обл. в течение 40 дней после смерти оставляли умершему на ночь еду и "стелили постель": застилали полотенцем лавку, на которой он лежал, на полотенце ставили воду и клали хлеб, а снаружи на дом вывешивали ленту или лоскут, по которым душа должна была найти свой дом [5. С. 70].

Специальные меры принимались для того, чтобы предотвратить возвращение умершего в дом вне установленного времени: для этого выносили гроб через окно, возвращались с кладбища другим путем, чтобы "запутать дорогу", и т.п.

В поминальные дни и многие календарные праздники соблюдается множество запретов, объясняемых интересами умерших, и совершаются специальные ритуалы, адресованные им. Несоблюдение этих запретов и ритуалов влечет за собой семейные распри, падеж скота, неурожай и прочие наказания и несчастья. По верованиям белорусов, "весной, вместе с оживанием природы, с пробуждением ее от зимнего сна, оживают и души мертвых и выходят из тесных гробов на вольный свет. Полагают, что они нуждаются в пище и питье, что они едят и пьют, но редко: три-четыре раза в год с них вполне достаточно. Для удовлетворения этой потребности и в знак уважения к предкам периодически устраиваются поминальные столы, по-белорусски – дзяды" [6. С. 55]. Для мертвых в поминальные дни готовили обед или ужин с множеством блюд (иногда предписывалось их число, например, 12), приглашали их особым церемонным образом (выходя к воротам, на крыльцо, подходя к окну или к двери, протягивая им угощение и призывая их высоким голосом), оставляли им место за столом, ставили для них на столе (или на окне, возле икон) рюмку и отдельный прибор, откладывали или отливали им на тарелку, на стол или под стол понемногу от каждой еды; не убрали на ночь еду и посуду со стола, чтобы покойники могли ими воспользоваться; вывешивали им полотенце, чтобы они могли перед трапезой помыть руки; не закрывали в домах двери; выносили во двор и развешивали для умерших одежду и т.п. На Русском Севере на поминках в день похорон прибор для умершего ставили на печке, "чтобы он [покойник] обогрелся" [7. С. 250].

Белорусы готовили умершим на *деды баню*: перед ужином сами мылись в бане и, когда все перемоются, ставили на полок ведро чистой воды с веником – для дедов; так непременно нужно делать, по утверждению крестьян, потому что умершие моются всего только четыре или пять раз в году и только на это время их отпускают; если кто из моющихся в эти дни в бане слишком там замешкается, то их просто выгоняют оттуда, говоря: "пуститя ужо покойников" [8. С. 610–611]. После ужина гостей выпроваживали: хозяин поливал водой пол от стола до двери и говорил: "Святые деды! Вы сюда прилетели, пили, ели, летите теперь к себе" [8. С. 597] или брал горшок с остатками кутяи, пятился задом к двери и говорил: "Деды, деды! Поели кутяи, идите домой", после чего открывал дверь, бросал горшок во двор и быстро захлопывал дверь [9]. "Родителей" приглашали также на рождественский ужин, на масленицу "заговляться" (первый испеченный блин клали на окно или на божницу, подвешивали к крыше) и в другие праздники.

Все эти приготовления и обряды совершаются в убеждении, что в эти дни умершие приходят к живым, в свой дома, к своим родственникам. По верованиям русских Заонежья, "личный" ангел каждого покойника доставлял его домой на поминки в течение года, после этого срока души домой не приходили [10. С. 176]. Пришедших в свой дом предков можно было увидеть с помощью различных магических приемов. Для этого, по белорусским верованиям, нужно сесть на печку и присидеть там целый день, ничего не евши и ни с кем не говоря, тогда вечером увидишь, как покойники садятся за стол, при этом узнаешь даже, что они при жизни своей украли, так как все это они потащат за собой. Можно после ужина ночью сесть на пол, не спать и не говорить, тогда увидишь тех, кого поминали. Можно также увидеть мертвецов за столом, если посмотреть со двора через окно; однако тот, кто сделает это, больше года не проживет [8. С. 624–625]. Русские, чтобы увидеть покойника в сороковой день, также заранее забирались на печку и оттуда смотрели через хомут или, одевшись в

шубу левой стороной вверх, смотрели сквозь решето на место, приготовленное для покойника: если удавалось увидеть покойника, это означало, что родственники хорошо молились за него [7. С. 251]. По украинским верованиям, чтобы увидеть умерших родителей, надо запрячься в конскую упряжь [11]. Болгары Пловдивского края, чтобы увидеть души, держали над водой зеркало, пока в нем не появится отражение, или подвешивали зеркало над колодезем, однако это считалось опасным и для мертвых, и для живых [12]. Украинцы полагали, что способность видеть мертвых можно приобрести, если в полночь перед *Навской пасхой* (Пасха мертвых, четверг пасхальной недели) надеть на себя рубаху, вытканную из отходов от чесания волокна [13], а по рассказам смоленской крестьянки, чтобы увидеть пришедших на поминки покойников в сороковой день после смерти ее свекрови, ей советовали надеть на себя еще не мытую, по местным обычаям, рубаху покойницы и тихо стоять, не откикаясь ни на что [5. С. 73]. На Русском Севере на поминках сорокового дня носили вокруг стола маленьких детей и спрашивали, "видят ли они тату, дядю, тетю и т.п. Если дети повторяют последние слова, то значит, они видят незримого гостя" [7. С. 251]. В Полесье, на Житомирщине, нам рассказывали, что не раз в поминальные дни видели, как покойники вечером, в темноте, потихоньку спускались с кладбищенского холма растянувшейся процессией к деревне, их движение можно было наблюдать по колеблющимся в такт шагов огонькам свечей, которые они держали в руках. Известны также поверья о том, что предки в пасхальные дни собираются в церкви на службу, и там их можно увидеть с помощью специальных приемов (обычно ночью). Кроме поминальных дней, видеть мертвых, слышать их голоса и говорить с ними может лишь тот, кто находится на смертном одре.

Покойников, навещающих свои дома в поминальные дни, можно не только увидеть, но и услышать. У белорусов популярны рассказы о том, как деды "мстят" тем родственникам, которые не приготовили им поминальный ужин, — ночью ходят по хате, стучат в окно и т.п. В некоторых районах Болгарии в троицкую субботу, когда покойники должны были возвращаться на свои места после пребывания среди живых, женщины приносили в церковь ореховую листву, устлали ею пол, становились на колени или ложились на нее (иногда лицом вниз), веря, что умершие находятся под листьями или идут по ним; нельзя было смотреть наверх, чтобы не спугнуть мертвых, которые, увидев родных, могли не успеть вернуться в свои могилы; следовало хранить молчание, чтобы услышать, как мертвые идут. У восточных славян известны поверья о мифической стране рахманов, куда сплавляют по реке яичную скорлупу, чтобы сообщить о наступившей Пасхе; если же в день *Рахманской пасхи* приложить ухо к земле, можно услышать, как в стране рахманов звонят колокола, однако услышать это может только праведный. Обнаружить свое пребывание покойники могли и следами, оставляемыми на песке или на рассыпанной муке в доме, об их приходе судили по тому, смята ли приготовленная им накануне постель, и т.п.

В другие поминальные дни и праздники общение с умершими происходит, так сказать, на их территории, когда живые приходят к мертвым, посещая кладбища, приносят еду, расстилают на могилах скатерти и устраивают трапезу, оставляют еду покойникам, закапывают в могилы яйца, блины и другую еду, поливают могилы водой и вином, зажигают свечи, окуривают могилы, украшают их цветами, листьями, у восточных славян также полотенцами, фартуками и т.п. Согласно верованиям, умершие предки на "том" свете видят лишь благодаря свету, который до них от поминальных свечей, и питаются лишь тем, что им готовят и приносят родственники в поминальные дни. Сербь верят, что перед каждым покойником на "том" свете стоит стол, на котором лежит только то, что родные принесли ему на *задушницу* (на помин души). Белорусы в поминальные дни, однако, опасаются оказаться на кладбище в полночь, так как, по их поверьям, в это время все мертвые "встают и выходят из гробов своих; если бы кто-нибудь из живых на эту пору остался на кладбище, то мертвые непременно задавили бы его и снесли в могилу" [8. С. 587].

Кроме "кормления" предков, известны и другие формы общения с ними. Так, у

южных и восточных славян, а также кое-где в Польше известен обычай "греть покойников", т.е. возжигать костры, жечь стружки или солому, чтобы обогреть умерших. Это могла быть часть поминального ритуала или календарного праздника (весной или на святки). Иногда возжигание костров могло мотивироваться необходимостью осветить путь мертвым, приходящим на землю с "того" света.

Общение с миром мертвых может осуществляться не только ради благополучия умерших, но и в интересах живых, которые ищут у обитателей загробного мира помощи и защиты от напастей и бед. К покойникам, особенно к утопленникам и висельникам, обращаются с просьбой отвести от села градовую тучу или прекратить засуху [14]. Даже имена умерших обладают, по народным представлениям, магической силой. Так, по полесским поверьям, при встрече с волком надо назвать имена трех (или девяти) умерших родственников, тогда волк не тронет [15]. При встрече с русалкой также надо "читать молитвы и мертвых вспоминать". В случае пожара рекомендуется трижды обежать дом, выкрикивая имена двенадцати утопленников, тогда якобы огонь не распространится, а пойдет столбом вверх [16].

Один из самых главных каналов сообщения между "тем" и этим светом – сон, который трактуется в народной культуре как временная смерть. Во сне граница между мирами становится проницаемой с обеих сторон, спящий может встретиться со своими умершими родственниками двояким способом – либо они силой сна оказываются перенесенными в земную обстановку, либо спящий оказывается перенесенным на "тот" свет, и общение происходит на территории мертвых. Последнее особенно характерно для так называемых *обмираний*, т.е. летаргического сна или глубокого обморока, когда, по поверьям, душа спящего пребывает на "том" свете и наблюдает загробную жизнь, встречает своих родственников и т.п. (подробнее см.: [17]). Нередко попавший на "тот" свет живой человек получает там какие-то сверхъестественные знания и способности, которые он после пробуждения применяет в своей земной жизни. Иногда (особенно у восточных славян) в рассказах об обмираниях попавшему случайно и преждевременно на "тот" свет человеку сообщают точное время его смерти или другие важные сведения, которые ему, однако, по возвращении на землю (по пробуждении) не позволяется раскрывать под угрозой смерти. В обычном сне нередко приснившиеся покойники (особенно те, кто недавно умер) высказывают оставшимся в живых родственникам свои претензии, жалобы, просьбы и пожелания. По полесским рассказам, покойники могут жаловаться, что им не положили в гроб каких-то необходимых им вещей (например, одежды), что их погребли в сыром месте, и они лежат в воде, что им не устроили положенных поминок и т.п. В таких случаях живые всегда откликнулись на нужды умерших, например, шли на кладбище, разрывали могилу и убеждались, что, действительно, гроб плавает в воде. Если же нужно было передать нечто на "тот" свет по просьбе умершего или по желанию живых, то сделать это можно было при погребении нового покойника, достаточно было положить в гроб или закопать в могилу требуемый предмет. Еще одним каналом связи с умершими могло служить дерево: по верованиям крестьян Ростовской обл., если что-либо бросить в дупло старого, почитаемого в округе дуба, то оно "прямо попадет на тот свет"; если хотели от чего-нибудь избавиться насовсем, бросали в дупло (запись Т.Ю. Власкиной) [18]. Надежным способом передачи чего-нибудь покойнику повсеместно считается дарение нищему (ср., например, [б. С. 53–54, 2. С. 222]).

Во многих традициях принято было во время похорон передавать с покойником на "тот" свет своим ранее умершим близким приветы, пожелания и сообщения о важнейших новостях семейной жизни. Такая "корреспонденция" на тот свет могла иметь устную или письменную форму, но часто она содержалась в причитаниях и оплакиваниях покойника. Например, в русском вологодском причитании по матери дочь просит ее передать привет ранее умершей сестре и рассказать ей о том, как без нее живут ее дети-сироты: "Ой, ты пойдешь-то ведь, мамушка, / Ой, ты пойдешь ведь, родимая, / Ой, по тому свету белому. / Ой, ты увидишь ведь, мамушка, / Ой, ты увидишь, родимая, / Ой, ты родимую сестрицу – / Ой, да скажи-ко ты, мамушка, / Ой, да скажи-

ко, родимая, / Ой, от меня, от горящици, / Ой, да поклончики низкиё! / Ой, об родимой-то сестрице, / Ой, шибко я стосковалася, / Ой, шибко я сгоревалася! / ... Ой, ты, родимая сестрица, / Ой, ты не знаёшь ведь, сестрица, / Ой про своих малых детонёк! / Ой, твои малые детоньки, / Ой, всё живут-то без маменьки, / Ой, да живут без родимыя! / Ой, им всего навидатися, / Ой, да всего наприматися, / Ой, им босым находится, / Ой, голодным насыпатися, / Ой, без родимыя мамушки!" [19].

Интересным способом сообщения с иным миром, обмена информацией был, например, не приуроченный к поминальному обряду псковский ритуальный "плач с кукушкой": по местным верованиям, в облике кукушки душа умершего прилетает с "того" света домой навестить своих родных, ей же передают вести для обитателей "того" света. Женщина, желающая поговорить со своим умершим мужем, сыном, матерью, дожидается лета, прилета кукушки, идет в лес, на болото, в поле и, услышав кукование, начинает причитать: "Шерая моя жалкая, / шерая кукушечка! / Что ж ты прилетела, закуковала? / Что ж ты мне принесла, какую весточку? / Ты 'т моей дочушки-кукушки, / Ты 'т родителки-матушки?" [20].

До сих пор речь шла о формах общения между миром живых и миром мертвых, направленного главным образом в одну сторону – от живых к умершим. Но и потусторонний мир имеет свои способы и свои каналы сообщения с земным миром. На земле есть "представительства" и локусы "того" света. "Агентами" загробного мира среди живых, кроме законно посещающих их в назначенные дни душ умерших предков, являются представители так называемой низшей мифологии, демоны, генетически тоже покойники, но отличающиеся от душ тем, что они принадлежат умершим "не своей", а насильственной смертью, или же происходят от самоубийц, некрещеных детей, покойников, при погребении которых был нарушен ритуал, и т.п. В отличие от душ, локализованных в пределах иного мира, соблюдающих демаркацию границ и лишь в установленное время пересекающих ее, демоны пребывают на самой этой границе, не находя постоянного пристанища ни в пространстве живых, ни в пространстве мертвых. К этому типу "агентов" принадлежат и так называемые ходячие покойники, навещающие своих близких, – матери, приходящие кормить грудью детей, мужа, посещающие своих жен по ночам, и т.п.

Локусом иного мира на земле является прежде всего кладбище, где обитают умершие и где они "поджидают" новых обитателей (душа последнего погребенного на кладбище сидит или висит на кладбищенских воротах и ждёт – полес. *стоит на варте*, т.е. на страже, – когда ее сменит очередной новосел). Отсюда мертвые периодически, в определенные календарные сроки, совершают свои вылазки в пространство живых, и сюда они потом возвращаются.

Граница между мирами, составляющая предмет особой заботы и постоянного внимания живых, имеет не только топографическое, но и временное содержание. Если в локативном выражении граница – это прежде всего вода, водные преграды и источники, реки, колодцы, даже сосуды с водой, которые закрываются или опорожняются в момент смерти (подробнее о воде как границе миров см.: [21]), а также межи, перекрестки, развилки дорог, сами дороги и т.д. (в представлениях о загробном мире границей часто служит также гора, а из других "вертикальных" рубежей – дерево), то временная граница получает обозначение и в суточном, и в годовом (календарном) циклах. Известно мифологическое осмысление полночи и ночи вообще, полдня, восхода и захода солнца; известно и осмысление изоморфных им в годовом круге точек и периодов (Купала, святки и т.п., см.: [22]), весеннего периода [23], трактова больших праздников с характерными для них запретами и их мотивировками и т.д. В народном календаре эти периоды (особенно святки и весенний период от Пасхи до Троицы) бывают отмечены особыми ритуалами, рассчитанными на то, чтобы не навлечь на себя недовольство "гостей", задобрить их, заручиться их поддержкой или отвлечь их внимание. Заслуживают упоминания также временные ограничения, относящиеся к погребальным и поминальным обрядам, например требование хоронить до захода солнца, до полудня и т.п. У русских в Заонежье было принято ходить

на кладбище только до полудня, и это объяснялось тем, что "покойник только до обеда ждет", "с обеда у них там свой праздник" [10. С. 177]. Прерывание границы между мирами наступает и каждый раз, когда происходит рождение на свет нового человека и когда наступает смерть. Согласно одному тамбовскому свидетельству, если ребенок при рождении не обнаруживает признаков жизни, то повитуха начинает его *пригудать*, т.е. говорит: "Наш, наш, наш" [24], тем самым магически подтверждая, что ребенок преодолел опасную границу между "чужим" и "своим" миром и принадлежит пространству жизни.

Таким образом, "формула сосуществования" двух миров предусматривает их независимое существование и строго определенные способы взаимодействия между ними, соблюдение временных и пространственных ограничений, исполнение необходимых ритуалов, направленных на поддержание границы и обеспечение благополучия как живых, так и умерших.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Заглада Н.* Харчування в с. Старосілли на Чернігівщині // Матеріали до етнології. Київ, 1931. [Т.] 3. С. 182.
2. *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. Т. 1.
3. *Толстая С.М.* Грех в свете славянской мифологии. // Идея греха в еврейской и славянской народной традиции. М., 2000.
4. *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. С. 381.
5. *Листова Т.А.* Похоронно-поминальные обычаи русских // Похоронно-поминальные обычаи и обряды (Библиотека Российского этнографа). М., 1993.
6. *Богданович А.Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно, 1895.
7. Причитания Северного края, собранные Барсовым. СПб., 1997. Т. 1.
8. *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1890. Т. 1. Ч. 2.
9. Пахаванні, памінкі, галашэнні. (Беларуская народная творчасць). Мінск, 1986. С. 178.
10. *Логинов К.К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
11. *Гринченко Б.Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895. Вып. 1. С. 42–43.
12. Пловдивский край. Этнографски и езикови проучвания. София, 1986. С. 273–274.
13. *Боряк Е.А.* Традиционные знания, обряды и верования украинцев, связанные с ткачеством (середина XIX – начало XX в.). Кандидатская диссертация (рукопись). Киев, 1989. С. 159.
14. *Толстые Н.И. и С.М.* Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1981.
15. Полесский этнолингвистический сборник / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1983. С. 135.
16. Полесский архив Института славяноведения РАН. Москва.
17. Живая старина. 1999. № 2. С. 22–29.
18. *Денисова И.М.* Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995. С. 184.
19. *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховьев Кокшенги (Вологодская область). М., 1980. С. 103.
20. *Разумовская Е.Н.* Плач с "кукушкой". Традиционное необрядовое голошение русско-белорусского пограничья // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1984. С. 162.
21. *Mencej M.* Voda v predstavah starih Slovanov o posmrtnem življenju in šegah ob smrti. Ljubljana, 1997.
22. *Толстой Н.И.* Времени магический круг (по представлениям славян) // Логический анализ языка. Язык и время / Под ред. Н.Д. Арутюновой и Т.Е. Янко. М., 1997. С. 17–27.
23. *Агапкина Т.А.* Поминальная тема в пасхальных и троицких верованиях, ритуалах и календарной терминологии // В печати.
24. *Махрачева Т.В.* Лексика и структура погребально-поминального обрядового текста в говорах Тамбовской области. Кандидатская диссертация (рукопись). Тамбов, 1997. С. 71.

© 2000 г. Г.И. КАБАКОВА

ЗАПАХ СМЕРТИ

Мне уже доводилось писать о восприятии запахов в русской традиционной культуре [1], причем отправной точкой служил этнолингвистический материал из Полесья, дополненный данными, почерпнутыми из других восточнославянских традиций. В данной публикации рассматривается запах как атрибут смерти и один из маркирующих признаков "того" света.

Человек ничем не пахнет до тех пор, пока остается в "своей" среде; лишь болезни да скрытые пороки проявляются через дурные запахи. Упоминание о неприятном запахе, кроме того, встречается в описании "чужого": человек иной нации, культуры, иного социального происхождения. В эту же категорию "чужих" могут попасть люди, вызывающие антипатию и в силу иных причин, например, бохогульники, лжецы, матерщинники [2. С. 267].

Особый запах появляется у человека с возрастом. Так, о стариках на Русском Севере говорят, что они "пахнут старостью". Возникший (или приписываемый человеку) запах – первое предвестие смерти. Отсюда и своеобразный образчик полесского "замогильного юмора": "Будом воняць – закопаюць" (бел. [3. Т. 1. С. 140]). Новый, дурной запах, приписываемый старикам, – своеобразная форма отторжения. "Падацьшы фсё ванелых людзей: как грип стухнет у леси, так ы люди ванеют" (псков. [4. Т. 4. С. 145]). О дряхлом человеке, приблизившемся к концу жизненного пути, говорят, что он "трупом пахнэ" [5]. Среди запахов, упоминаемых в соответствующей фразеологии, чаще всего упоминается запах земли. Про глубокого старика говорят, что "он пахнет землей" (бел., волын., брянск.) или "от него пахнет землей", что неудивительно, ведь именно в ней он вскоре обретет последнее пристанище.

Земля как бы проникает в человеческое тело самым материальным образом, а не только посредством запаха. Недаром говорят, что из стариков "песок сыпется". Она как бы проступает наружу, меняя цвет лица и весь облик: "Если земля выступила на лице – [человек] умрет" (костром.). Про потемневшее, почерневшее лицо умирающего говорят, что его "землей заметало" (перм.) или что оно "землей подернулось" (тобол.) [6. Т. 11. С. 256]. Земля, проникшая в тело, не обязательно признак старости, зато она всегда предвещает скорую кончину. По материалам из белорусского Полесья, "если ребенок тяжел на подъем, он долго не проживет, так как в нем больше земли, чем тела, а земля в землю и тянет" [7]; ср. также русское поверье из Пошехонья: "Если ребенок растет пухлым и нежным, то говорят, что его нежит земля. Тоже умрет" [8].

Тема притяжения земли – сквозная в рассказах о смерти. Как рассказывала одна информантка-баптистка из с. Речица Ратновского р-на Волынской обл., про человека,

который скоро умрет, здесь говорят: "Одню ногою в вичности, а другю ше на землю". "У нас кажуть, людына – як уже умырае – просыцца на землю, шоб положылы. Его земля прытягуе. Як положи на землю, може легше будэ. Тягне до земли, переходы до вичности. Ох, вичность, вичность, каже, выбырай: або пэкло, або рай. Е две вичности, трэба выбрат: одна радосна, а другая мучытельная. Выбраты за жызнью на земли: пока ты в живых" (запись автора, 1997 г.).

Земля притягивает, манит как суженая. (Исследователи уже не раз обращали внимание на брачные мотивы темы смерти.) Влечет она и воздействием на обоняние того, кто скоро придет в ее объятия или, как говорят белорусы-полешуки, "ажаница з магилаю, з сырою землею". Она издает соблазнительные, аппетитные запахи, которые может воспринять, "услышать" лишь ее избранник. В Полесье говорят: "Пахтыть (пахнет) ему зэмля. Ужэ мни самому зэмля пахтыть. [Мне] зэмля обаранком пахтыть" (с. Засимы Кобринского р-на Брестской обл., Полесский архив Института славяноведения РАН (далее – ПА), 1985 г.). Ср.: "Иван був з тых людэй, шчо, як кажуть, ему земля яблыками пахне, старый горбатэнький" (с. Бобрик Пинского р-на Брестской обл.) [9].

Страх перед запахом смерти – одна из основных универсалий человечества, поэтому организация похорон подчиняется строгой "обонятельной" регламентации. Длительность срока пребывания покойника в доме зависит от того, как долго не появляются первые признаки разложения. "[У вас хоронят на второй день?] – То як холодно, то подождуть [приезда родных], а так-от сутки полежила, уже зворошили, уже воняе по хатэ" (с. Речица, запись автора, 1997 г.). Запах смерти пытаются скрыть с помощью засушенных пахучих трав, цветов, которые были освящены в церкви на Троицу или на Спаса: "Е такэ Зэлэны света, мы идом до цэркви на Зэлэны света мы нэсэм зилле з лиса сватым, а на Спаса – то с городу цвиты: мак, цвиты – всяке таке зилле. И коли корова тэлетко мае, то мы даем трошки того свяченого, и колы умрэ, то надо е под голову, по цэлый труни покласты, и подушку шьем с того зилля... Зилля, шо святять, у лиси на Зэлэны свята збыралы. Кадыло – бильым цвитом цвитэ, як мята пахнэ" (с. Красностав Владимир-Вольнского р-на Вольнской обл., ПА, 1986 г.). Среди других трав упоминают мяту, "пахучую лэпэху".

Выбор способа транспортировки тела подчиняется той же необходимости – избежать распространения зловония. Особенно отчетливо эта озабоченность прописана в карпатском похоронном ритуале. П.Г. Богатырев показывает, сколь разнообразны аргументы, с помощью которых местные крестьяне объясняли, почему вол более подходящее животное для перевозки покойника, чем лошадь. Возможно, истинная причина такого выбора – материальная престижность вола как гужевого транспорта: вол стоил намного дороже коня. Но этот социальный аспект далеко не всегда выдвигался на первый план. Информанты скорее предпочитали говорить о практической и о символической стороне дела: "Нехорошо везти покойников на кладбище, как евреев. Лошадь – нечистое животное. Вол – самое чистое животное"; "У лошади – нет дыхания (*не мае дыханіе*), она не верит в Бога. Вот почему покойников возят не на лошадях, а на волах, и не на телеге, а на санях. Волон нельзя запрячь в телегу, нет такой упряжи"; "Чтобы везти покойника на кладбище, нельзя запрягать лошадей, надо только волов. Это закон. На лошадях возят только евреев, а для русинов нужны волы. Только евреев возят на телегах. А русина нельзя так везти на кладбище, потому что его тело растряется и начнет смердить" [10].

Но карпатская обонятельная тема этим не исчерпывается. Объясняя, почему волы предпочтительнее лошадей, русины ссылаются на "обонятельные пристрастия" смерти. Оказывается, смерть не любит лошадиного запаха [11]. Данное поверье требует этнографического комментария. Отвращение смерти к лошадиному запаху вполне закономерно, поскольку вообще на Украине отношение к лошади достаточно презрительное. Ее гужевые качества не вызывают сомнений, но лошадь – животное нечистое, ее мясо несъедобно. На этот счет существует этиологическая легенда, которая объясняет происхождение запрета на употребление конины. Когда Христос

воскрес, он убежал от своих мучителей и спрятался в яслях. Животные по-разному отреагировали на его появление: куры и кони разгребали сено и тем самым выдавали Спасителя, в то время как коровы и быки зарывали его поглубже. За это предательство Господь наделил лошадь вонючим потом и запретил христианам есть ее мясо, как он запретил есть и куриные ножки. Зато христиане могут с чистой совестью есть говядину (чернигов., [12]).

Запаху смерти приписывается разрушительная сила, которая опасна не только для ближайшего окружения покойника, но и для всего сообщества. Запах смерти заразителен. В Полесье считают, что пока в деревне лежит непогребенный мертвец, женщины стараются не варить обед, иначе он тоже будет пахнуть трупом. Страдают от смрада и сады, которые червивеют, "бо мерце везут' открытого" (с. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл., [13]).

По возвращении с кладбища семья занимается очищением дома от следов пребывания покойника. Если запах первым оповестил о приближении смерти, то он же последним покидает дом. У русских в первый после похорон день принято мыть пол, чтобы "не пахло покойником" (Ильинский и Шуйский уезды Владимирской губ. [14]).

Дух покойного изгоняют из дома и с помощью "сакральных" запахов: ладана, воска: "Шчоб покойнык нэ ходыл, трэба палыты в хати воском, пахнэ мэдом и пэрэстайе ходыты" (с. Забужье Любомльского р-на Волынской обл., ПА, 1987 г.). Но не менее эффективными оказываются запахи, принадлежащие к другому регистру: не к сакральной сфере, а к сфере бытовой. Как известно, в народной традиции существовал ряд способов справиться с тоской по умершему. Хорошо известны разного рода действия, связанные с заглядыванием в печь или в дежу (квашню). Но тоску можно победить и с помощью запахов – например, запаха хлебной закваски, которая всегда остается в деже: "Из дзежи квасу панюхай, як кто муцно плачэ, коб забуваўса худко. Добре, ка, нюхай да панюхаў да стаў забуваца" (с. Жаховичи Мозырского р-на Гомельской обл. ПА, 1983 г.).

Еще более показателен способ, при котором средством борьбы со смертью, с тоской по покойному выступает нормальный человеческий запах – запах пота: "Возьми тако во свово пота, да понюхай его" (с. Любязь Любешовского р-на Волынской обл. ПА, 1985 г.). К сожалению, из этой записи трудно понять, как именно нужно нюхать свой пот. Важно подчеркнуть, что о запахе пота, самом естественном для человека запахе, и о самом поте мало что известно. Возникает впечатление, что пот вообще никак не воспринимается культурой, кроме тех случаев, когда он оказывается "неуместным": например, считается, что хороший запах младенца возникает лишь в результате крещения, а до того он пахнет потом (смолен., костром.).

До сих пор мы рассматривали "стандартную" ситуацию смерти. Но в христианской культуре посмертный запах может выступать как смыслоразличительный признак. Смерть проливает истинный свет на прожитую жизнь. Аромат, исходящий от покойного, означает, что он достойно прожил жизнь: "Почиша (мученики) бо в мирѣ, и гроби ихъ фимияномъ мирисають, и мощи ихъ цвѣтуть, яко благоуханный цвѣтъ" [15. Вып. 9. С. 167].

Аромат источают святые мощи и много лет спустя. Приведем только два примера. "Через десять лет, когда хоронили одного из ее (Юлиании Лазаревской, XVI в.) сыновей у Лазаревской церкви, нечаянно раскопали ее могилу и нашли ее наполненной какой-то жидкостью, похожей на миро. Больные, мазавшиеся этой жидкостью, начинали чувствовать себя лучше, а некоторые из них совсем исцелились" [16]. Благоухание подчас начинает источаться в момент перенесения мощей, как о том рассказано в "Указе святого Синода от 31.5.1727 о мощах Варлаама Керетского": "...а благоухания де тогда в часовне никакова от мощей ей не было, а как оныя его мощи из земли вынули и внесли в церковь великомученика Георгия, а из церкви в алтарь, и оный де иеромонах Иона с десятским досматривали, и тогда де от мощей его благоухание было видимо всем, подобно де тому, аки бы от рослого ладону дым, и тогда де он, священник Василий и дьячек Игнатий, сказывали и говорили оному иеромонаху

Ионе: исходит де от мощей преподобного благоухание, и он де иеромонах им говорил: исходит де от горна дым, а не благоухание". Несмотря на это, архиепископ приказал выкопать яму, положить мощи в раку, возвести своды и заклепать землю, а также устраивать панихиды в приличествующие дни [17].

Как благоухание служит знаком праведности и бессмертия, так и смрад обличает греховность. Гибель великих грешников, сопровождаемая страшным "злосрадием", способна вызвать гнев стихий и привести к природным катаклизмам: так случилось, когда тело убитого Лжедмитрия не было предано земле, а было выставлено "на позорище": "Сама земля возгнушалась, и звѣри и птицы такового сквернаго тѣла гнушались и не терзали... Земля возгнушалася на себѣ держати проклятаго и мерскаго трупа и воздухъ отвратишася, съ небесе дождя на землю не сотвориша, земля плода своего, дондеже тот проклятый трупъ лежаше, и солнце не возсія смрада ради трупа того, и всеплодіе исякло и поиде смрадъ не всеплодіе и отъять Господь тука пшенична и гроздіе, дондеже не исчезе трупъ его" [18. Т. 13. С. 831].

Обращаясь к этнографическим источникам, более близким к нам по времени, мы находим те же представления. Люди, которые при жизни предавались такому нечистому занятию, как колдовство, разлагаются, как считают, быстрее, чем обычные покойники: "Который знае, вин разбрыкае [разлагается], ротом тэчэ" (с. Рясно Емильчинского р-на Житомирской обл. ПА, 1981 г.). Посмертное существование колдунов подстать их земной жизни и совершенным грехам: "Чародеи все изыдут в дьявольский смрад" [19. Вып. 5. С. 213], т.е. попадут в ад. "Тамо же смрад паче всякаго смрада", – говорится в древнерусском "Луцидариусе". Точно так же праведники попадут в благоуханный рай (ср. в украинской песне: "...в Божим раі / дзвенять водограі / І пахнуть медови сади").

"Нечистые" покойники долго угрожают покою живых. У В.Н. Добровольского находим рассказ, показывающий связь дурного запаха с дурным занятием. Один крестьянин отрубил голову своей жене, посчитав ее ведьмой, вместе с сыном разрубил тело на кусочки и сжег в поле. От тела на всю округу разнесся страшный смрад: "Хто такого смуроду набраўся, на век видьмаком астаўся" [20]. Вонь, таким образом, не только выявляет греховную сущность человека, но и сама оказывается разносчиком греха.

Это в некотором смысле инобытие духа, продолжение жизни в иной форме – одна из постоянных тем украинских этиологических легенд. В текстах этого жанра, умирая, человек не исчезает бесследно, а превращается в растение. И по запаху, который источает новое растение, судят о том, каким человек был при жизни. Весьма почитаемый украинцами базилик (*васильок*) вырос на том месте, где умер святой человек – Василий Блаженный. Поэтому растение пахнет одновременно и трупом, и ладаном¹. Чеснок вырос из зубов колдуньи, табак – на могиле распутной женщины. Но в народной космогонии запах некоторых растений может быть и благоприобретенным: трупный запах бузины объясняется тем, что Иуда положил конец своим дням, повесившись на этом кустарнике.

И, наконец, последний аспект затронутой "ароматической" темы. Если "правильные" покойники по истечении года утрачивают свою индивидуальность и закономерно переходят в разряд предков, то покойники "неправильные" становятся нечистой силой, в неурочное время вторгающейся в пространство живых. Среди многочисленных способов защиты от этих "нежелательных" духов важную роль играют растения с сильным, резким запахом.

Окуривания ладаном и асафетидой, растением с сильным чесночным запахом (укр. *сафатина*, рус. *дурной дух*, пол. *smródzieniec*), помогают от ведьм. У гуцулов асафетидой кадят в стойле, под выменем коров, у белорусов с ее помощью распознают колдуна: кто не выдержит запаха асафетиды и выбежит из дома, тот знается с нечистым.

¹ С темой смерти связана и рекомендация сеять базилик на *Рахманский великдень* (праздник мертвых): он вырастает очень пахучим (гуцулы) [21. С. 208].

Пахучие растения амбивалентны: с одной стороны, они защищают от нечистой силы; с другой – способны ее приманить. На *Русалчын Велькдень* (четверг на Троицкой неделе) русалка выпытывает у своей потенциальной жертвы, какое растение та держит в руках: мята и петрушка обостряют ее сексуальный аппетит, полынь обращает в бегство (укр., полтав.); ср. формулу, упоминающую растения-апотропеи: "Хрен да полынь, плюнь да покинь!" (житомир.) [2. С. 269]. Точно так же одно лишь название чеснока, произнесенное вслух, способно прогнать лешего (рус.), ср. русскую апотропейную формулу: "Чеснок тебе под язык". Чеснок предупреждает гуцула: "Не лупи мене до живого, то я ті збавлю від усього злого" [21]. Как утверждает русская пословица, "хрен да редька, лук да капуста лихого не пропустят".

Запахи, таким образом, выступают как важный канал общения человека с потусторонним миром: с их помощью он узнает о своей скорой кончине, но в то же время с помощью "своих" домашних запахов человек может защититься от смерти и ее нежелательных посланцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабакова Г.И. Запахи в русской традиционной культуре // Живая старина. 1997. № 1.
2. Кабакова Г.И. Запах // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2.
3. Тураўскі слоўнік / Сост. А.А. Кривицкий, Г.А. Цыхун, И.Я. Яшкин. Мінск, 1982–1987. Т. 1–5.
4. Псковский областной словарь. Л., 1967 –. Т. 1 –.
5. Климчук Ф.Д. Духовная культура полесского села Симоновичи // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 344.
6. Словарь русских народных говоров. Л., 1965 –. Т. 1 –.
7. *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны беларусаў-паляшучоў. Менск, 1930. С. 158.
8. Живая старина. 1915. № 4. С. 368.
9. *Мяцельская Е.С., Камароўскі Я.М.* Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мінск, 1972. С. 117.
10. *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 265.
11. *Седакова О.А.* Обрядовая терминология и структура обрядового текста (погребальный обряд восточных и южных славян). Дисс. канд. филол. наук. М., 1983. С. 143.
12. *Заглада Н.* Побут селянської дитини // Матеріяли до етнології. Київ, 1929. Т. 1. С. 145.
13. *Свительская В.Л.* Опыт картографирования полесского погребального обряда // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 189.
14. Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 288.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 –. Вып. 1 –.
16. *Кологривов И.* Очерки по истории русской святости. Сиракуза, 1991. С. 263.
17. *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 452.
18. Русская историческая библиотека. СПб., 1872–1927. Т. 1–29.
19. *Бессонов П.А.* Калеки переходные. М., 1861–1864. Вып. 1–6.
20. *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Т. 1. С. 224.
21. *Франко І.* Людові вірування на Підгір'ю // Етнографічний збірник. Львів, 1898. С. 170.

"СЛАДКАЯ РАКИЯ" В БОЛГАРСКОЙ СВАДЬБЕ

"Сладкая ракия" (*блага ракия*)¹ – одно из знаковых понятий в традиционной болгарской свадьбе. Ее приготовление и угощение ею обозначает успешное соединение молодоженов в первую брачную ночь, причем обряд становится обязательным только при наличии явных доказательств девственности невесты. Прямая зависимость со столь важным моментом в свадьбе делает обряд "сладкая ракия" особенно интересным объектом исследования в мифологическом плане.

Следует иметь в виду, что понятием "сладкая ракия" обозначается как приготовляемый напиток, так и обряд его ношения в дом родителей невесты [1. С. 28]. В настоящей работе объектом исследования будут оба значения термина, так как они неразрывно связаны между собой. Более того, одна из наших задач заключается в рассмотрении обряда "сладкая ракия" в более широком контексте, включающем и другие ритуалы, следующие за первой брачной ночью². Последние не могут быть правильно поняты без анализа ритуальной стороны самой первой брачной ночи.

Соединение брачных партнеров начинается в доме родителей невесты, где оно совершается на символическом уровне. Представители рода жениха "овладевают" невестой путем одевания ее, покрывания вуалью, обувания, закрывания рук. Молодые смотрят друг другу в глаза, наступают друг другу на ноги и т.д. Одновременно с этим происходит и овладение "женским" пространством: проникновение в дом невесты и т.п. После долгого перехода соединение молодоженов завершается физиологическим актом в доме жениха.

Николова Ваня – старший научный сотрудник, Этнографический институт и музей Болгарской Академии наук, г. София.

¹ Ракия – плодовая водка. Во время традиционной болгарской свадьбы (после первой брачной ночи) готовят горячую, сладкую, подкрашенную в красный цвет ракию.

² Важно подчеркнуть, что речь идет об обрядах, совершаемых после первой брачной ночи. Принятое в литературе деление свадебного обряда на "свадьбу" и "послесвадебные обряды", основанное на описательном подходе к традиционной свадьбе, придает последним оттенок подчиненности и несущественности. При этом разные авторы выделяют границу в различные моменты обрядового процесса. В классификации Ст. Генчева собственно свадьба заканчивается ритуалом ношения сладкой ракии, а вождение невесты к источнику (воде) отнесено к послесвадебному циклу [2. С. 101; 3. С. 188], тогда как у Р. Ивановой все обряды описаны под заглавием "Свадьба", а в самостоятельный раздел включены только "Послесвадебные посещения" различных родственников, в том числе и родителей невесты [4. С. 139]. Мы разделяем точку зрения о единстве обрядового процесса, при котором каждая его часть имеет свой вклад при создании свадебного сюжета. Несмотря на формальную расконцентрированность и большую протяженность во времени, следующие за брачной ночью обряды являются равноценной частью свадьбы, что особенно заметно при реконструкции мифологической семантики свадебного обряда. Определение брачного акта молодых как поворотной точки и выделение "обрядов после брачного соединения" мы осуществляем на содержательном уровне свадебных обрядов.

В фольклорных текстах и в свадебном обряде движение между двумя домами выражается как заход солнца или переход небесного светила "на зиму". Движение свадебного шествия является пространственным переходом из видимого мира дневного света к некоему "другому" пространству, рисуемому в разнообразных, но сопоставимых между собой образах: животного мира, мира мертвых, нижнего мира, куда уходит солнце, мира, откуда в нашем мире появляются природные элементы, блага и дети (см. [5. С. 15–18 и цит. там лит.; 6.]).

Через различные коды, включенные в обряд, брачное ложе и совершающееся там действие представлены как последний этап пути в другой мир. Брачное соединение происходит ночью, при нем присутствуют только женатые пары – персонажное соответствие смерти в противовес остающимся в доме невесты девушкам, подругам невесты; молодожены одеты лишь в нижние рубахи, невеста в распущенными волосами, т.е. они пребывают в состоянии, близком наготы и природному облику, в отличие от богатого свадебного костюма, обозначающего новый социальный статус в культурном пространстве отцовского дома невесты. Молодые находятся в лежачем положении, подобно положению мертвых в гробу и т.п. Присутствующие сохраняют тишину, не танцуют, гасят огонь. То есть, в космическом плане брачное ложе в доме жениха более всего несет в себе характерные признаки потустороннего мира и смерти.

Система обрядов, следующих за брачным актом, решает проблему выхода из потустороннего пространства и преодоления смерти. В отличие от воскресенья, когда движение в свадебном обряде имеет одно единственное направление – к дому жениха, после соединения брачные партнеры совершают ряд передвижений в различных направлениях. Они отправляются всегда из того дома, куда были ритуально введены, а целью их движения является дом родителей невесты (передвижения туда многократны), дом посаженного отца, шафера, дом, расположенный на востоке по отношению к дому жениха, дом, лежащий за водной преградой, дом, где есть новорожденный, церковь; молодые ходят в лес (за дровами), на поле, к источнику и т.д. Система передвижений молодоженов имеет локальные различия, касающиеся времени, места, состава участников, комбинации совершаемых действий. Несмотря на то, что данный этап свадьбы необычайно важен для мифологического анализа, он остается до сего дня системно неизученным.

По аналогии с основным "возвращением" невесты в родительский дом, все передвижения после брачного акта могут обобщенно рассматриваться как противоположные основному движению в воскресный день свадьбы. Эти передвижения направлены к дому невесты, полю, лесу, источнику – тем местам, где рождается урожай и откуда вытекают воды. Эти локусы расположены на известном расстоянии от дома жениха, а достижение их связано с преодолением мифологической границы. Множественность передвижений (в отдельных случаях молодые посещают три дома в один день или в три дня, следующих один за другим), возвращение телесной активности противопоставляется покою, сохраняемому во время брачной ночи³.

В этом контексте соединение молодых является тем поворотным моментом, с которого начинается обратное движение. Об успешном завершении супружеского акта жених сообщает выстрелом из ружья. Тут же происходит смена картины обряда по всем параметрам. Тишина заменяется шумом, битьем в жесты и котлы, криками, пением; зажигается огонь (или горящий огонь усиливается); начинают танцевать смешанное хоро (мужчины около женщин), разрешенное только в этот момент; среди присутствующих появляются ряженые [2. С. 99 и сл.; 4. С. 128 и сл.].

Молодожены не выходят сразу. В некотором смысле они как будто вообще не оставляют свое место "смерти"; они как бы раздваиваются. Вместо невесты брачное ложе покидает вначале ее рубаха с кровавым пятном, в истинности которого убедилась присутствующие замужние женщины, в первую очередь, свекровь. Замена

³ О противопоставлении неподвижности как признака смерти и потустороннего мира движению, имеющему в обрядовой практике смысл пробуждения природы и человека к жизни, см. [7. С. 96].

персонажа его вещественным символом становится характерным знаком последующих действий и одним из способов отражения изменений, происходящих с женщиной в ходе свадьбы. Брачная рубашка и другие обрядовые вещи начинают жить собственной жизнью и как некая ипостась невесты и жениха и вместо них совершают обратный путь в дом родителей молодой.

Прежде всего, покой брачного соединения нарушается шумным разливанием жидкостей – воды и ракии. Сразу же начинают готовить "сладкую ракию", которой невеста угощает присутствующих; потом она поливает водой на руки гостям, чтобы они умылись. Так, оставление невестой брачного ложа сопряжено с выливанием жидкостей, символизирующим ожидаемое рождение ребенка и начало течения вод после временного застоя. Оба действия развиваются позднее в самостоятельные обряды: ношение сладкой ракии родителями невесты и вождение молодой к воде [8]. Таким образом, к ритуальным действиям в доме жениха добавляется очень существенный компонент – прохождение обрядового пути. В рамках указанных обрядов противопоставляются брачное ложе и остальная часть дома и двор как открытое пространство, а смысл пространственного перехода выражается движением сначала внутрь, а потом – наружу, из комнаты, где проходила первая брачная ночь.

Угощение "сладкой ракией" начинается сразу же после ее приготовления. Обязательным является посещение дома родителей невесты, которые с нетерпением и страхом ожидают знака девственности их дочери. Часто ракию приносят и посаженному отцу (куму), причем отправляются в оба дома одновременно или в некоторых случаях водку относят сначала куму, а затем родителям молодой; нередко ракию относят и другим важным персонажам на свадьбе (*старойкя, помайчима*), соседям, всем односельчанам и т.д. В рамках обряда "сладкая ракия" наблюдается то же умножение локусов "возвращения", которое характерно для всей системы обрядов после брачного акта.

Рассматриваемый обряд реализуется через приготовление нескольких обрядовых вещей и действий с ними. На первом месте стоит сосуд со сладкой ракией. Он может быть керамическим, деревянным, металлическим – материал не имеет значения. Его основная характеристика – быть прочным и удерживать водку. Хорошо известная антропоморфная форма сосуда подчеркивается украшением его бусами невесты, а когда сосудов много, каждый из них имеет такое украшение. Иногда сосуд увивают в брачную рубашку молодой [9. С. 96; 10. С. 155], что еще более указывает на соотношение сосуда и тела невесты. По своей функции в обряде фляга с ракией аналогична сосуду, в который наливают воду при вождении молодой к источнику (см. [8]). Различие заключается в качестве наливаемой и разливаемой жидкости: вода – природная данность, а ракия – культурный продукт. Это различие и определяет выбор места действия: ракия "протекает" между двумя домами, являющимися культурной территорией села, тогда как вода соединяет место брачного ложа с источником как природным объектом.

Иную символику приобретает сосуд с ракией в том случае, если невеста потеряла девственность до свадьбы. Такое состояние молодой (связанное с неспособностью выносить ребенка) манифестируется невозможностью удержания ракии в сосуде. Недевственную невесту называют "пробитой", "сломанной" ([11], обл. Ловеча), а ракию приносят ее родителям во фляге с дырой, которую закрывают пальцем; в момент передачи фляги палец отпускают, и водка вытекает [2. С. 100].

Ракия то наполняет сосуд, то выливается из него, когда ее выпивают. То же можно сказать о воде в обряде вождения молодой к источнику. Неслучайным представляется разделение ролей в обряде по половому признаку: жених наливает ракию в чаши при угощении в его доме, что должно представлять брачный акт между чашей-женщиной и ракией-мужчиной, а невеста подает каждому гостю чашу, угощая ракией ([12], с. Везенково, р-н Карнобата; [13. С. 186], капанцы); разливание символизирует рождение ребенка мужского пола (= ракии), что является пожеланием, направленным к женщине.

Ракия подобна мужскому семени, которое знаменует собой окончание брачного акта. Этот момент известен в народной терминологии под названием "как только вытечет ракия" ([14. С. 223], обл. Карнобата). В этом смысле красная ракия соотносится и с кровавым пятном на брачной рубашке невесты. Некоторые действия показывают, что ракия может "гасить" огонь. Этот огонь зажигают на крыше дома жениха ряженные мужчины после брачного соединения молодых. Гости кричат: "Невеста! Горит!" Тогда молодая выходит и наливает сладкую ракию в чаши, укрепленные на палках, чтобы погасить огонь и предотвратить пожар [15]; таким образом обрядовая практика обыгрывает метафору "горение" – "coitus". В другом случае шаферы забираются на высокое дерево, а невеста подает им чаши с ракией, укрепленные на посохе ([16], с. Могилово, обл. Старой Загоры) – здесь желаемое плодородие отмечено включением в ритуал растущего дерева.

Признаки ракии – это характеристики только что состоявшегося брачного акта. Прежде всего, водка – сладкая (*блага*). Лексема "благо" является ключевой в болгарской народной культуре. В частности, она демонстрирует слияние кулинарного и сексуального кода, в результате чего рождается яркий полуфункциональный и полисемантический образ блаженства и удовольствия [17]. После брачного акта все сладкое, "благо": ракия, выпекаемый слоеный пирог – *баница*; угощения, которые родственники приносят невесте утром следующего дня (пирожные, печенье с сиропом) [18. С. 299, 384]. Сладость в виде меда или сахара присутствует в большинстве используемых в обряде реалий. Сахар приносят на подносе или в плетеной корзинке. Однако чаще в свадебной обрядности употребляется мед как природный продукт. Входя в новый дом, невеста (иногда эти действия совершаются невестой и свекровью вместе) мажет медом и маслом двери дома, тогда же обе женщины мажут друг другу губы медом, невеста мажет медом края колодца во время ритуального хождения за водой и т.д. [5, С. 142]. Когда молодую вводят в дом будущего мужа, жених стоит на пороге и дает невесте облизать палец, намазанный медом ([19. С. 128], Западная Болгария). Данное действие можно трактовать как символическое представление полового акта. Таким образом, сладость ракии символизирует блаженство после брачной ночи.

Другой важной характеристикой ракии является то, что она – горячая (*жежка*, *гореща*). Этот факт отражает упоминавшуюся выше связь между огнем и сексуальным актом. Огонь занимает важное место в обрядности после первой брачной ночи, дублируя только что состоявшийся брачный акт: зажигается большой костер, через который все перепрыгивают, под полы одежды женщинам подсовывают зажженную солому, поджигают платок свекрови и шапку свекру, возле огня танцуют смешанное хоро, поются нецензурные песни и т.д. Приобщение брачной пары к силе этого огня является залогом ожидаемого от брака плодородия.

В действиях, сопутствующих брачному соединению молодых, огонь используется двояко, придавая различный смысл конкретной ситуации. Во время брачного акта погашенный (или неподдерживаемый) огонь, как и другие обрядовые характеристики момента (ночь, дом жениха, участие только женатых пар и т.д.), отражает достижение точки, близкой к "смерти". Вновь зажженный после брачного акта огонь (или его усиление), воплощает идею преодоления смерти (подобное значение имеет, например, зажигание погашенных при введении молодых в дом свечей, синхронизация действий с восходом солнца, и т.д.).

Далее, ракия – "красная" (она подкрашивается красителем, красным перцем или жженым сахаром), то есть контрастирует по цвету с белым цветом сосуда. Красный цвет характеризует все обрядовые предметы при ношении "сладкой ракии". Важнейшим признаком хроматического кода болгарской свадьбы, характеризующим разные ее этапы, является сочетание белого и красного: белое знамя у невесты и красное у жениха и их соединение, символизирующее соединение мужчины и женщины [4. С. 188 и сл.]; покрывание невесты, как вуалью, красным мужским поясом (действие имеет тот же смысл), а затем снятие его и повязывание молодой белого платка; красное пятно на белой брачной рубашке и последующая стирка кровавого пятна,

и т.д. Красный цвет ракии в сосуде, как и кровавое пятно на рубашке после брачного акта, отражает соединение мужчины и женщины.

Сосуд с ракией покрывают позолотой (золотым порошком или тонким листом металла) или привязывают к нему красной нитью золотую монету. Этот элемент присутствует и в других обрядовых предметах (букетиках, хлебе, и т.п.), используемых при ношении ракии, хотя позолота характерна и для других обрядов, следующих за брачным актом [20. С. 121–122].

Золото и, шире, металлы – один из важнейших знаков в свадьбе. Согласно мифологическим представлениям, металлы происходят из "иного" мира и отмечают переход через "тот" мир, но в обряде они имеют и другую важную характеристику: они всегда связаны с тем пространством, откуда приходит жених, и, следовательно, характеризуют это пространство как потустороннее. Ярким примером этого можно считать обязательное дарение женихом металлических украшений невесте. В этом смысле украшение золотом или золотая монета на обрядовых предметах после брачного акта отмечает переход обратно в "этот" мир после краткого пребывания в потустороннем.

Сверху на сосуд с ракией кладутся растительные символы плодородия – яблоко и букет цветов, существующие и как самостоятельные обрядовые реалии. В данном случае смысл составного символа заключается в пожелании плодородия.

В тех случаях, когда невеста потеряла девственность до свадьбы, сладкую ракию или вообще не носят, или факт "нечестности" невесты демонстрируется путем смены качеств ракии на противоположные: водка оказывается холодной, горькой или соленой; она не красного цвета; ее носят в горшке с холодны пеплом, который бросают во двор к родителям молодой; ее наливают в сосуд с дырой; вместо ракии флягу наполняют керосином, при этом поют хулительные песни [4. С. 131–132].

Итак, сосуд со сладкой горячей красной ракией представляет собой сложный символ, обозначающий единство мужчины и женщины в брачном акте. В более широком смысле он символизирует одновременно и беременную женщину, и ребенка, рожденного от брака.

В связи с этим важное значение приобретает выбор шафера как главного обрядового лица, относящего ракию (реже это делает жених, другие молодые мужчины, родственные, старики, и т.д.). Число участников процессии (они носят название *ракиджии*, *ръкъджии*) должно быть обязательно нечетным (от трех до пятнадцати).

Известно два основных варианта выбора шафера: в восточной половине болгарских земель им становится племянник жениха, ребенок *помайчимы* и *побащима* (замужней сестры жениха и ее супруга) 5–12 лет. В западных областях Болгарии шафер – это неженатый брат жениха [3. С. 177]. Иногда шаферов бывает несколько (иногда даже все мальчики – родственники жениха), но обрядовую роль играют обычно взрослые шаферы [4. С. 71–73]. Таким образом, шафер может представлять в свадьбе (и особенно в обрядах после брачной ночи), как рожденного от брака ребенка, так и самого жениха. При ношении "сладкой ракии" он реализует первое значение, соответствующее зачатоуму ребенку. Характеризующие его и всю его группу качества и действия, свидетельствуют о жизненной силе, свойственной молодости: *ракиджии* едут на быстрых конях, кричат, палат из ружей, поют, танцуют, "несут" свет, воду (ракию) и плоды.

Сама невеста не участвует в ношении "сладкой ракии", но она многократно проходит тот же путь после свадьбы. Ребенок при этом присутствует не только символически, но и реально: он сопровождает молодую женщину в ходе обряда *повратки*; он расплетает и расчесывает волосы невесты при посещении отцовского дома; молодуха приносит к своей матери рожденного от брака дитя и т.д. ([5. С. 158; 3. С. 167; 20. С. 173], обл. Разграда).

При ношении "сладкой ракии" расстояние между двумя домами представляет собой как бы канал, крайние точки которого охраняют свекровь и мать невесты. Как родившие женщины они "обеспечивают" появление ребенка. Для Западной Болгарии

характерно ношение ракии в дом невесты самой свекровью (или свекровью в сопровождении шаферки или других семи женщин ([21], обл. Благоевграда). Здесь же практиковался обычай: женщины (которые иногда называются *баби*) собираются в доме невесты для угощения "сладкой ракией" ([32], Краиште; [18. С. 292, 384]). В некоторых случаях ракию кладут матери невесты за пазуху, "чтобы она ее обожгла" [11]. Состав участниц этих ритуалов напоминает женские посещения роженицы.

Подобный же смысл действию придает и специфический способ приготовления и открывания сосуда с ракией, зафиксированный в северо-западной Болгарии. Здесь флягу запечатывают красным воском, а сверху кладут старую монету. Распечатывание сосуда происходит в доме невесты в понедельник или в среду, причем при распитии ракии присутствуют только женщины. Действие совершается на месте кладки дров: мать невесты садится, распечатывает сосуд, отпивает немного ракии, затем передает всем присутствующим женщинам по очереди. Остальной ракией в последующие дни угощают каждого, кто приходит в гости [28, С. 121–122]. Усилие при распечатывании фляги в присутствии женщин имеет характер преодоления "препятствия", подобного рождению. Место совершения обряда (поленица) добавляет к семантике ритуала плодоносящую силу сезонно возрождающегося дерева.

Заслуживает внимания способ, каким в некоторых местах доставляют ракию в дом невесты. Шафер или шаферы стреляют из ружей, гарцуют на конях и делают вид, что не могут найти дом невесты. Они неоднократно входят в другие дома или их несколько раз не пускают в дом молодой, пока шаферу не удастся прорваться на коне во двор ([22. С. 116], Краиште; [23. С. 250], Каменица]. В обоих случаях многократное проникновение в один дом или однократное вхождение в разные дома имеет один и тот же символический смысл: прохождение через двери дома означает рождение ребенка.

В других случаях шаферы находят запертую дверь, за которой темно. Они долго поют и танцуют, пока им не откроют ([20. С. 122], обл. Михайловграда; [11], обл. Ловеча). Отсутствие света может восприниматься как один из фрагментов картины, рисующей запустение в доме невесты (т.е. в мире живых) после ее ухода.

С возвращения молодоженов (их символических образов) в мир живых нарушается тишина, которой характеризовалось время их брачного соединения: *ракиджи* кричат, шумят, громко поют. Если ракию приносит жених, он именно в этот момент впервые заговаривает с родителями невесты (обл. Ловеча). Участники процессии приносят также огонь, который зажигается в домах жениха и невесты. Так постепенно возвращаются признаки мира живых.

Шаферы со сладкой ракией движутся по ходу солнца. Они отправляются "среди ночи", "на рассвете", когда "петухи пели – не пели", в некоторых случаях стараются встретить рассвет в доме невесты – все варианты соотносятся с восходом солнца, преодолевшего мертвую точку полуночи. Таким образом, передвижение шаферов во времени связывает ожидаемое рождение человека с ежедневным рождением солнца.

Во многих случаях ракию относят ряженые – *сурате*, *аране*, *мъжка булка*, что позволяет "датировать" ношение ракии концом зимы / началом весны, для которых характерны подобные персонажи. Ряженые подчеркивают тот факт, что группа приходит как бы из потустороннего мира. Они приносят в мир живых блага, посылаемые предками. Женщины, собравшиеся у матери невесты, "схватывают" это плодородие: они встречают, потчуют и одаривают шафера, устраивая угощение – *деверска трапеза* ([24], р-н Софии), или *упрук* ([13. С. 185], капанцы), во время которого выполняют символизирующие рождение действия: развязывают и расшивают рубашку невесты, распечатывают сосуд с ракией и т.п.

Иногда вместе со "сладкой ракией" в дом невесты относят и *брачную рубашку молодой*. Эта практика известна на всей этнической территории болгар.

После брачного соединения рубашка замещает в обрядах тело женщины. Рубашку кладут в сито, которое активно используется в свадьбе благодаря его "женской" семантике, и показывают присутствующим. Вначале ее предъявляют свекрови, которая

трижды встряхивает рубашку и кладет на нее монету [25. С. 288]. Иногда присутствующие мужчины пинают и разбивают сито, что символизирует брачный акт и предопределение плодородия [5. С. 192 и сл.]. Затем рубашку зашивают и завязывают в большой платок, который позднее женщины, собравшиеся в доме матери невесты, расшивают и развязывают [23. С. 250]. В правый рукав кладут приготовленные невестой небольшие букетики или деньги, которые затем раздают присутствующим. Подобным образом поступают и с рубашкой, которую невеста надевает, отправляясь за водой: в рукава завязывают просо, на котором лежали молодые во время брачной ночи, яйцо, конфеты [10]. Во всех случаях с помощью различных плодов в рубашкете женщины, в особенности, положенными в правый рукав (с "хорошей", мужской стороны), программируется беременность мальчиком. Сеяние, рассыпание и раздача зерен соотносится с ожидаемыми родами.

Общеизвестно, что "сладкая ракия" и брачная рубашка невесты демонстрируют девственность невесты. Сопровождающие обряды песни также восхваляют невесту и ее мать за сохраненную девичью честь. Однако в этом месте возникает двойственное отношение к кровавому пятну на белой рубахе. С одной стороны, оно воспринимается как знак девственности молодой, с другой – является следом только что состоявшегося брачного акта, т.е. знаком отнятой девственности. Парадокс заключается в том, что девственность констатируется лишь тогда, когда ее лишают. Получить знак-след можно лишь в том случае, если невеста девственница, и, одновременно, уже является женой своего супруга. Одновременность обоих событий и вносит двусмысленность в символ, который их представляет.

Как результат соединения кровавое пятно на белой рубашке заключает в себе мифологическое содержание этого момента в свадьбе. С одной стороны, оно иллюстрирует брачный акт мужчины и женщины. Белая рубашка соответствует девственности невесты, а кровь, подобно красной ракии, связывается с образом мужчины. Рубашка с пятном на ней представляет невесту, на которой одновременно с лишением девственности начинается "присутствие" мужчины. Подобно сосуду с ракией, в своей целостности эта совокупность означает и беременность женщины, и ребенка от брака. С другой стороны, кровавое пятно содержит в себе и идею смерти, поскольку в общем контексте свадьбы оно было получено в пространстве и времени, совпадающими с точкой мифологической смерти. Интересно отметить, что фольклорные сюжеты представляют соединение молодых как убийство невесты женихом, например, он случайно закалывает ее ножом [26]. В обряде брачный акт символизируется такими действиями, как отрывание голов курам или закалывание курицы на пороге дома [4. С. 129; 11], причем кровь здесь играет важную роль: ею мажут стены комнаты, она окрашивает белое полотно, посланное на пороге для встречи молодых и т.д.

Пониманию хроматического кода в свадьбе способствует следующее важное действие с рубашкой – ее стирка. Стирка уничтожает знак, что означает разделение мужчины и женщины – рождение ребенка. Выстиранная белая рубашка есть женщина, вновь готовая зачать. Все обстоятельства обрядовой стирки (кто, когда, где стирает рубашку) подчеркивают символику рождения, равно так и возвращение женщины статуса девушки⁴.

После брачного соединения рубашка отделяется от женщины и как одна из ее ипостасей проходит первую часть пути преодоления "смерти" – из брачного чертога. Позднее она включается в передвижения, которые всегда направлены к дому невесты: рубашку несут вместе со "сладкой ракией" на *повратки* (первое посещение родителей молодой) или в другой день недели, следующей за свадьбой. Так рубашка проходит обратный путь, который преодолевает и сама женщина после свадьбы.

⁴ Другая обрядовая и мифологическая линия выявляется при рассмотрении действия с брачной рубашкой (или венчальной одеждой от первого брака), когда их сохраняют нестиранными до погребения. В данном факте запечатлено одно из доказательств наличия смысловой связи между свадьбой и погребением.

Когда рубашку относят вместе со "сладкой ракией", ее передают матери невесты, которая ее разглядывает и показывает собравшимся в ее доме женщинам; все произносят благопожелания и кладут в рубашку зерна пшеницы, яблоки, горох, изюм, деньги [19. С. 61–62; 18. С. 384], в чем ясно прослеживаются пожелания плодородия. В с. Гореме в Македонии обряд протекает следующим образом: получив рубашку, мать невесты собирает женщин и молодых, которых называют *баби*. Они разворачивают рубашку, бросают в нее деньги и букеты цветов, пьют сладкую водку и едят фасоль. Затем поют песни (причем шаферы не уходят до тех пор, пока не споют три песни) и танцуют. Шаферы бросают острый перец в очаг, от дыма которого *баби* чихают и пускают газы [18. С. 292].

В редких случаях женщины собираются у свекрови в понедельник вечером. Обряд носит название *баницы* (т.к. все приглашенные приносят слоеные пироги – *баницы*), или *открив* (букв. 'открывание', поскольку гостям предъявляют рубашку). В это время мужчины веселятся в другой комнате. Свекровь подает рубашку посаженной матери (куме), которая ее разворачивает, трижды переворачивает и оставляет в сите. Женщины бросают деньги, кума завязывает их в узел в рукаве, а затем складывает рубашку, покрывает ее платком и возвращает свекрови. Свекровь подает куме неначатое (новое) мыло и базилик и трижды поливает ей воду на руки, чтобы та умылась. В конце обряда женщины танцуют хоро, громко топая ногами ([25. С. 289], Странджа). В другом случае свекровь и еще две женщины из ее рода (их должно быть всего три) в среду относят венчальную рубашку в дом матери невесты, где собравшиеся родственницы рассматривают рубаху и бросают на нее цветы и деньги ([11], обл. Ловеча).

Таким образом, при помощи брачной рубашки и "сладкой ракии" проводится своеобразный "диалог" между свекровью и матерью невесты и между собравшимися в их домах рожавшими женщинами обоих родов. В целом действия с рубашкой могут рассматриваться как обеспечивающие рождение ребенка: женщины развязывают и расшивают платок, кладут в рубашку цветы – символ плодородия и изобилия, выполняют действия, имитирующие роды: трясут, выворачивают рубашку несколько раз и т.д.

Вместе со "сладкой ракией" приносят хлеб (*прянна турта* или *погача*). Ее выпекает сама невеста, девушка, у которой живы родители, или "чистая" женщина. Основным требованием к хлебу является его целостность: особо следят за тем, чтобы он не треснул при печении. Готовую лепешку сверху мажут медом, яйцом или покрывают позолотой. Иногда на нее кладут целые яйца или яблоки, обвивают ее крест-накрест красными нитями, а сверху кладут красную шерсть. В некоторых случаях именно по этому хлебу судят о девственности невесты. В отдельных случаях ту же роль играет сладкая *баница*. Если невеста окажется недевственной, приносят надломленный хлеб, в середину которого втыкают зеленый лук и т.д.

В доме невесты хлеб преломляют. Это действие означает нарушение целостности (девственности) невесты и будущее рождение. Оно аналогично расшиванию и развязыванию завязанной рубашки, открыванию дверей и прохождению через них. Показателен тот факт, что иногда хлеб преломляет и делит ребенок, чье присутствие подчеркивает идею рождения.

Вместе со "сладкой ракией" шафер относит в дом невесты и *букеты*. Их изготавливают молодые жены, одна невеста или свадебный персонаж *залогньовица*. Букеты состоят из веточек зеленого самшита или базилика, украшены позолотой, к ним привязывают красной ниткой золотую монету, кусочек сахара ([19. С. 367; 27.], Дряново). Иногда таких монет с пробитыми отверстиями может быть несколько ([28.], Дряново). Букеты раздают присутствующим в доме невесты, когда угощают "сладкой ракией".

И здесь нужно отметить те же символы-качества: красный, золотой, сладкий. Только в данном случае они сочетаются с растительностью. Как один из основных знаков в болгарской народной культуре букет (*китка*) был объектом подробного ана-

лиза, в котором вечнозеленым растениям приписывается значение, сближающее их с деревом жизни как связующим звеном между мирами [29. С. 76–77]. Растительная символика в свадьбе присутствует и в фольклорном образе невесты, которая изображается в виде вырванного из отцовского дома и посаженного в доме жениха дерева (ели), обрядовым эквивалентом которого является свадебное деревце, проходящее путь невесты [4. С. 194–195]. Дерево и букет функционируют в свадьбе как предметное воплощение девушки [1. С. 168]. И здесь красный цвет соотносится с мужчиной: красная нить – вариант красного покрывала [29. С. 61], которым покрывают голову невесты представители рода жениха. Красная нить может быть рассмотрена как аналогия красному огненному змею [4. С. 194] в песнях о свадебном деревце. Так сочетание зеленого растения с красной нитью создает другой образ соединения мужчины и женщины.

Подобную роль может играть и другой известный в болгарской культуре знак – *красное яблоко*. Вместе с ракией шафер приносит ветку, на которой наколоты три красных яблока, покрытые позолотой, и висят гирлянды из воздушной кукурузы. Позолоченное яблоко кладут также на хлеб. Два красных яблока привязывают к покрытым позолотой рогам обрядового барашка. Разнообразные сочетания подчеркивают различные аспекты общей мифологемы. Красное яблоко – прежде всего плод и ассоциируется с ожидаемым ребенком; надетое на ветку яблоко замещает целое дерево и соответствует невесте – вырванному дереву, которое "возвращается" с плодами. Комбинация с *барашком*, которого несколько парней относят матери невесты после брачного соединения молодых ([30. С. 830], Копривштица), указывает на медиативную функцию животного, переносящего плодородие из потустороннего мира.

Некоторые детали дают возможность соотнести ожидаемый плод с урожаем зерновых. Когда *ракиджи* приносят матери невесты "сладкую ракию", она передает с ними для дочери серп и деревянную палочку (*паламарка*), которыми невеста, будучи еще девушкой, пользовалась при жатве (запись автора в с. Стоил войвода, обл. Новой Загоры). Следует отметить, что эти два важнейших инструмента, синонима жатвы, невеста всегда получает из дома родителей. Это происходит в день, когда ее забирают из родительского дома, но чаще – во время одного из посещений родителей после свадьбы: когда носят "сладкую ракию", когда невеста приходит к матери мыть волосы, во время обряда *повратки*, или когда молодая вместе с супругом участвует в первой после свадьбы жатве на поле ее родителей. Возвращение для жатвы есть пожелание плодородия молодой женщине и полю.

Символами плодородия служат и различные животные, иногда приносимые вместе с ракией (баран, козел, курица или петух) ([14. С. 222], обл. Карнобата; [30. С. 830], Копривштица; [11], обл. Ловеча; [31]). Курица, приносимая вместе с ракией, может свидетельствовать о девственности невесты: в этом случае она обязательно должна быть с головой; отсутствие головы – знак позора молодой [9. С. 80]. Стоит отметить и использование яйца в обряде как символа жизни: его кладут на хлеб или в специально приготовленное гнездо (*трън*) ([11], обл. Ловеча). В общем контексте свадьбы использование животных облегчает связь между мирами при "рождении" плодородия.

Таким образом, обряд "сладкая ракия" является первым посещением невестой родительского дома после свадьбы, причем молодая представлена своими вещественными заместителями. Позже она сама многократно пройдет тот же путь. Рассмотренные вещественные символы демонстрируют девственность невесты. Их анализ показывает, что брачная рубашка, сосуд со "сладкой ракией", свадебный хлеб и букеты представляют собой сложные символы, в которых женщина (невеста) является одним из элементов. При этом девственность восхваляется через символы беременности и будущих родов.

Значение вещественных атрибутов обряда – соединение мужчины и женщины. Оно выражено через повторяющиеся и по-разному сочетающиеся знаки, среди которых качества: целостность, крепость, сладость; цвета: белый, красный, золотой; реалии: зеленое растение, яблоко, и т.д. Независимо от того, что символизирует девственную

невесту, – целый сосуд, целый хлеб, белая рубашка или зеленое растение, любая из этих реалий несет на себе знаки мужчины, выраженные цветовым кодом: красная кровь, красная ракия, красные нитки, шерсть. Обрядовые предметы изготавливаются после брачного акта и являются его символами. Идея соединения мужчины и женщины становится доминирующей во время веселья в доме жениха после брачной ночи. Она находит свое выражение в смешанном танце, нецензурных песнях, фривольном поведении, в переодевании в одежду противоположного пола, участии ребенка и т.п. В этом ряду стоит и обряд "сладкая ракия" вместе с используемыми в нем атрибутами. Позднее в доме невесты символы соединения в реалиях будут разрушены: рубашку стирают, ракию выпьют, хлеб разломают, – и эти действия будут иметь новую символику – рождения.

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на два факта. Первое – исключительно важным в системе свадебных обрядов оказывается кулинарный код, в том числе при оповещении о результате брачной ночи. Второе – в ходе свадьбы ракия всегда "вытекает" из дома жениха, например: на первую помолвку (в западной Болгарии – *запив, впив* [3. С. 175]) флягу с ракией или вином приносит отец жениха (принятие ракии является знаком согласия невесты на брак); отец жениха обеспечивает также еду и ракию для угощения на помолвке (помолвках), равно как и все необходимое для трапезы (западная Болгария [2. С. 39], реже – восточная [19. С. 71], и т.п.). Подобная обязанность обусловлена мифологическим осмыслением дома жениха как потустороннего, а следовательно, как страны изобилия [32. С. 117]. Так в ходе свадьбы демонстрируется способность жениха и его рода обеспечивать пищей, питьем и воздействовать на плодородие вообще. Истечение "сладкой ракии" является доказательством плодovitости совершенного брака.

Перевод с болгарского Е.С. Узеновой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Българска митология. Енциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София, 1994.
2. *Генчев Ст.* Сватбата. София, 1987.
3. *Генчев Ст.* Семейни обичаи и обреди // Етнография на България. София, 1985. Т. 3.
4. *Иванова Р.* Българската фолклорна сватба. София, 1984.
5. *Николова В.* Плитка на нивата. Български обичаи при отглеждане на житните култури. София, 1999.
6. *Николова В.* "Повратки" в Троянско // Културно-историческото наследство на Троянският край. Книга девета. Троян, 1996. С. 92 и сл.
7. *Толстая С.М.* Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движение в языке и культуре. М., 1996. С. 96.
8. *Николова В.* За семантиката на някои български следсватбени обичаи // Българска етнография. 1991. № 4.
9. *Генчев Ст.* АЕИМ. Инв. № 456-II.
10. *Вутова В.* Етнографско изследване на с. Типченица, Врачанско. ФСР. Арх. № 336. София, 1946.
11. *Николова В.* Сватбени обичаи и обреди // Ловешки край. София, 2000.
12. Фолклорен еротикон. / Съст. Ф. Бадаланова. София, 1995. Т. II. С. 299.
13. *Генчев Ст.* Семейни обичаи и обреди // Капанци. Етнографски и езикови проучвания. София, 1985.
14. *Василева М.* Традиционни календарни и семейни обичаи в Карнобатско // История и култура на Карнобатския край. София, 1993.
15. *Колева Т.* АЕИМ. Инв. № 697-II. С. 129.
16. *Генчев Ст.* АЕИМ. Инв. № 582-II. С. 97.
17. *Бадаланова Ф.* "Блажният фолклор" – етнокултурна парадигма на БЛАГО и БЛАЖЕНСТВО // Фолклорен еротикон. София, 1993. Т. I. С. 78.

18. Етнография на Македонию // Извори за българската етнография. София, 1998. Т. 3.
19. Арнаудов М. Българските сватбени обреди. Етнологички и фолклорни студии. Ч. 1. Преглед на обичаите у народа // ГСУ ИФФ. Кн. 27, 3.
20. Елчинова М. Сватбената обредност в Михайловградско // От Тимок до Искър. Регионални проучвания на българския фолклор. София, 1989. Т. 1.
21. Георгиева Ив. Обичаи при сватба // Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980. С. 405.
22. Захариев Й. Кюстендилското Крайще // СбНУ. 1918. Кн. 32. С. 116.
23. Захариев Й. Каменица. Географско-етнографско изучаване // СбНУ. 1935. Кн. 40.
24. Генчев Ст. Семейни обичаи и обреди // Софийски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1993. С. 217.
25. Даскалова Н. Сватбени обичаи и обреди // Странджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1996.
26. Български народни балади и песни с митически и легендарни мотиви // СбНУ. София, 1994. Кн. 40. Ч. 2. № 720–728.
27. Арнаудов М. Фолклор от Еленско. Наблюдения и материали // СбНУ. 1913. Кн. 27. С. 370.
28. Дончева К. Етнографско изследване на гр. Дряново. ФСР. Аарх. № 13. София, 1945. С. 232.
29. Михайлова Г. Костюмът в българската обредност // Обреди и обреден фолклор. София, 1981.
30. Груев И. Обичаи и обреди по свадби в Копривщица // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец. 1896. Кн. 54. С. 824–834.
31. Георгиева Ив. АЕИМ: Инв. № 765-II. С. 18 и др.
32. Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕИМ – Архив на Етнографския институт с музей (Архив Етнографического института и музея БАН, София).

ГСУ ИФФ – Годишник на Софийския университет, Историческо-филологическият факултет.

СбНУ – Сборник за народни умотворения, наука и книжнина.

ФСР – Дипломна работа, представенна на кафедрата славянска етнография на Софийския държавен университет. Университетска библиотека, фонд "Ст. Романски". София.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АРХЕТИПЫ В БОЛГАРСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ (ПОИСКИ АРХЕТИПИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ В ФОЛЬКЛОРЕ И СОЗДАНИЕ "НОВЫХ МИФОВ")

В болгарской литературе конца 60-х интерес к мифологическому выражается в представлении регионального ("малой родины") как Космоса. Интерес к мифу сводится к поискам идентичности и к освоению новых литературных моделей. В середине 70-х для мифологической прозы открывается еще одна сфера – писатели, обращаясь к архетипу, поднимают фольклорно-бытовое начало до универсального. Таким образом их проблематика выходит за региональные рамки. Литература ищет механизмы, позволяющие превращать фольклорный сюжет в универсальный "новый сюжет", т.е. способы создавать "новые мифы".

"Сказки для вас и для меня" (1975) Георгия Величкова на самом деле – рассказы для взрослых. В них сказочный мотив¹, опираясь на архетип, превращается в новый миф. Достигается, в сущности, нарративная трансформация сказки в новеллу (в данном случае – новеллу нового времени) [1]. С точки зрения мифологической прозы, "Сказки" Г. Величкова раскрывают простейший механизм создания неомифологической прозаической "единицы" (если такое определение допустимо). Формула такова: уже известный культуре сюжетный "блок" (в данном случае сказка, по определению содержащая в себе мифологемы и архетипы) – плюс его экзистенциальная трактовка (в окружении современных бытовых реалий).

Для примера рассмотрим "Сказку о золотом яблоке" [2. С. 9–17]. Ее сюжет представляет собой контаминацию следующих фольклорных вариантов (по Каталогу болгарских народных сказок – [3]): № 301 ("Три брата и золотое яблоко"), № *550** ("Золотое яблоко"), № *430з ("Золотая девушка"), № 550 ("Золотая птица и трое братьев"), № 555 ("Птица, исполняющая желания"), № 750А ("Волшебник (или самодива) исполняет желания"). В своих литературных сказках Г. Величков кладет в основу повествования характерное для фольклора комбинирование, устойчивые сочетания мотивов и сказочных сюжетов². Архетипическую ситуацию "Сказки о трех

Георгиева Цветана – д-р Шуменского университета им. епископа Константина Преславского (Болгария).

¹ 14 "сказок" Г. Величкова из сб. "Сказки для меня и для вас" [2] уже в заглавиях содержат указания на то, что в них использованы: а) сказочные мотивы, б) архетипы, или в) волшебные предметы. Ср.: "Сказка о золотом яблоке", "Сказка о Красной Шапочке", "Сказка о ведьме и трех братьях", "Сказка о Золушке", "Сказка о Белоснежке и семи гномах", "Сказка о Крылатом коне", "Сказка о волшебной палочке", "Сказка о шапке-невидимке" и т.д.

² Пример устойчивого сочетания двух мотивов народной сказки – "Летающий деревянный конь" – комбинация сказок № 575 и 881, причем третий эпизод сказки служит связкой между этими сюжетами.

братьях" – испытание всех трех братьев, старшего, среднего и младшего поочередно – Г. Величков представляет как испытание мужчины в три периода его жизни, проводя через это испытание трех различных персонажей: деда, отца и внука. Так получился новый мифопоэтический рассказ о периодах человеческой жизни и о желаниях человека, о чудесах в нашей повседневности. По сути дела, "матрица" двух народных сказок послужила для создания третьего варианта – усложненного, отсылающего читателя к экзистенциальным проблемам. Новую сказку мы назвали бы философской (на манер сказок Экзюпери), или иначе – сказкой-мифологемой.

У Г. Велиčkова знакомая концовка фольклорного сюжета появляется в узнаваемом, но сильно трансформированном виде. В финале его "Сказки о Красной Шапочке", например, совершенно неожиданно волк появляется в роли волшебного помощника, который дает девочке возможность преодолеть страх перед жизнью и впервые наладить контакт с человеком, не входящим в ее семью. В отличие от рассмотренного выше случая, здесь сказка сокращена (отсутствуют события, происходящие после встречи с волком). Вместо эпизодов, где волк глотает Красную Шапочку и ее бабушку, рассказывает о переживании двух детей на поляне. Получившаяся сказка, как и большинство сказок Г. Велиčkова, внушает мысль об инициации (в данном случае – девочки) как переходе от детства к зрелости³, но здесь уровень интерпретации – лирико-философский.

По-иному расставлены акценты в неомифологической "Сказке о Крылатом коне". В ней мифологический образ крылатого коня⁴ (медиатор между небом и землей, с помощью которого герой творит свои чудеса и восстанавливает космическое равновесие) снижается до объекта потребления. "Карета – автомобиль – самолет", овещенное вдохновение, снизошедшее на деда и внука, превращается в туристический объект "У крылатого коня". Изобретение, творение искусства двух мастеров, коммерциализуется. И это – новый миф, сотворенный в сказке Г. Велиčkова – миф об "употреблении" чудес в конце XX в.

Поскольку механизм переосмысления в сборнике "Сказки для вас и для меня" один и тот же, а основная мифологема (инициационный переход юноши и девушки в новый житейский статус) служит опорой повествования, – в подобном аспекте могут быть рассмотрены все 14 сказок Велиčkова. Созданные им сказки с отчетливым присутствием архетипических ситуаций обнажают механизм авторской интерпретации знакомых мифологем. Поэтому они представляют интерес с точки зрения принципов нарративности в неомифологической прозе.

В 80-е годы стремление болгарской литературы к универсальной проблематике проявляется и в ином направлении. Мифологическая проза психологизируется, обретая связи с архетипами и архаическими психологическими структурами мифа. Некоторые авторы отказываются от традиционных сюжетов в пользу типичных для

³ Инициация (от лат. *initio* – начало, посвящение, введение в культовое таинство; *initiatio* – совершение таинства, мистерия) представляет собою переход индивида из одного статуса в другой, включение его в замкнутый круг посвященных (в мужской союз, в эзотерический культ, в круг жрецов или шаманов) и обряд, представляющий этот переход. В узком смысле – переход юноши или девушки во взрослое, способное к браку состояние. В "переходные", или "посвятительные" обряды входят как составная часть и мифы, сообщаемые неофиту во время обряда. Ритуалы инициации отличаются трехчастностью: отделение индивида от общества (переход должен происходить вне пределов установленного социума), пограничный период (который продолжается от нескольких дней до нескольких лет) и возвращение (воплощение в новом статусе или новой подгруппе общества). В ритуалах инициации можно говорить и о мифологическом осмыслении пространства: выход за пределы освоенной социумом территории приравнивается к смерти. В героических мифах и волшебных сказках этот момент выражается в форме испытаний, которым героя подвергают в царстве мертвых, или на небе, где живет верховное божество, или в другой стране, населенной чудовищами и злыми духами [4].

⁴ Крылатый конь – Пегас из греческой мифологии – божественного происхождения (рожден от связи Медузы Горгоны с Посейдоном). Он возносится на Олимп, отвозя Зевсу гром и молнии. Существуют и другие версии мифа о Крылатом коне; в одной из них Пегас ударом копыта изводит из Геликона ключ, дарящий вдохновение поэтам [4].

мифологического романа психологических техник: прибегают к архетипам, потоку сознания, сновидениям, психоанализу. Поскольку мы не стремимся исчерпать все произведения болгарской прозы 80-х, в основе которых лежат архетипические сюжеты, остановимся только на функционировании двух архетипических оппозиций: Анима и Анимус (на материале сб. "Сады Адама и Евы" Любена Петкова) и Мудрый Старец и Дитя (на материале "Баллады о Георге Хенихе" Виктора Паскова).

Сборник Любена Петкова "Сады Адама и Евы" [5] представляет собой нечто среднее между романом и сборником рассказов, объединенных местом действия (Бургасское побережье)⁵. Оба подцикла книги (Сады Адама и Сады Евы) объединены, за исключением трех-четырех "историй", темой таинственного влияния женщины на мысли и поведение мужчины. Персонажи Петкова – люди зрелые (им в среднем около сорока), в том возрасте, когда человек подводит итог и производит переоценку прожитой жизни, и особенно интимной ее стороны, связанной с женским (или, соответственно, мужским) началом. Они добились внешнего социального благополучия, но внутренне они – неудачники; обыкновенно та жизненная дилемма, которую они не могут разрешить, связана с женщиной. Из их биографий (Петков часто пользуется этим приемом для характеристики персонажей) становится ясно, что герои – интеллигентные люди, вполне преуспевшие в карьере, но вдруг ощутившие пустоту и охваченные сознанием того, сколько важного они не успели пережить. Это духовно ориентированные люди, не агрессивные а, скорее нарциссистичные по натуре, испытывающие страх и неудобство в общении с противоположным полом. Рассказы из "Садов Адама и Евы" открывают возможности для психоаналитических рассуждений, возводя необъяснимое поведение к архетипическим ситуациям. Они воссоздают неуловимые и часто нелогично сплетенные нити, связывающие мужчину и женщину.

Уже само название – "Сады Адама и Евы" – задает библейский ключ к текстам сборника. Тем не менее, библейская и христианская парадигма в образной системе сборника отсутствует. Автор кладет в основу повествования мифологему "Рай – Адам – Ева – Искушение", но текст строит в психологическом ключе – через архетипы "Анима – Анимус" и психоаналитические исповеди Мужчины и Женщины. Психология и душевное состояние героев переданы при помощи типичных для повествований такого рода приемов: "потока сознания", "сновидений", "символизации" (пес), "воспоминаний" (детство).

Образ Евы, пришедший из библейской легенды, беллетрист трактует в символическом плане – как "Еву вообще", т.е. архетип Евы. В заглавии его "романа" Ева – ключевое имя, его носят многие героини текста (агронома из яблоневых садов зовут Ева; другая Ева появляется в "Искушении" – она играет роль утешительницы, когда жизнь Димо резко меняется; в рассказе "Ева" кроме героини, свидетелями исповеди которой мы становимся, Евой называют и девочку, которую мужеубийца рождает в тюрьме; внучку знахаря из "Собачьей жизни" тоже зовут Ева).

Согласно религиозно-мистическим представлениям, Ева (иначе Хава) – жена Адама, первая женщина и праматерь человеческого рода [4]. В Библии (где Ева упоминается весьма спорадически: Быт 3, 20; 4, 1; 2 Кор 11, 3; 1 Тим 2, 13) ее имя связано со "вкусением запретного плода". В Новом Завете Ева – женщина, созданная Богом после сотворения Адама и соблазненная змеем.

В Библии слово "Адам", кроме того, что это "первый человек" (только в четырех местах: Быт 4, 1, 25; 5, 1, 3; 1 Пар 1, 1; Тов 8, 6) имеет еще целую гамму значений: "некий человек" (Иов 14, 1; Еккл 2, 12), "люди" (Исх 6, 12), "всякий" (Зах 13, 5), "никто" (3 Цар 8, 46; Пс 104, 14), "они" (Пс 94, 11; Ос 11, 4) [6] – собирательное

⁵ Кроме общего места действия – черноморское побережье, "городок Б". – рассказы цикла, который мы могли бы назвать и романом, объединены и образом городского психиатра, д-ра Рашкова. Изображенный Л. Петковым топос – это собирательный психологизированный образ маленького городка, жители которого связаны между собою сложными психологическими отношениями и попадают в неразрешимые дилеммы.

значение имени явно преобладает. То же касается и словосочетания "сыны Адамовы", которое никогда не применяется к непосредственным потомкам Адама, но употребляется вместе со словом "человек" и означает "некто" или имеет собирательное значение "люди". Когда это слово противопоставляется слову "Бог", то подчеркивается значение "плоть", слабость и недолговечность, присущие человеку. "Сыны Адамовы" – это люди в их земной жизни⁶.

Персонажи романа Л. Петкова представляют собой скорее собирательный образ сынов Адама – через них ставится проблема греха, унаследованного от праотца. Однако мотив греха не этиологизируется, не возвышается до уровня христианских ценностей (например, "новый Адам" – Христос) и не ставится как проблема социальная. Логика образов указывает на наследственную психологическую обремененность человека, на его блуждания в поисках собственной идентичности. Герои Петкова не могут психологически "обрести рай", т.е. прийти к душевному покою, найти целостность собственной личности, если воспользоваться терминологией К.Г. Юнга. Имея от природы склонность к пессимизму и нарциссизму, они, скорее, деградируют психически и кончают психиатрической клиникой. Персонажи-сознания медленно "тонут" в глубинах своего беспокойства, достигая, наконец, социальной неадекватности вследствие психоза или проявлений шизофрении.

Идея искушения, которое имело место в раю, в цикле Л. Петкова связано, хотя и мимоходом, с искушением Адама и Евы от змея (по Библии)⁷. В рассказе "Искушение" [5. С. 168–211] отношения шефа Стоила, Димо и секретарши Нины заставляют толковать слово "искушение" так же широко, как толкует его Св. Писание. Искушение, по Библии, идет не от Бога (Иак 1, 13), и одна из его причин – похоть (Иак 1, 14). Искушением может служить как нищета, так и благополучие (Прит 30, 9; Мф 4, 8) и светская слава (Числ 22, 17; Мф 4, 8). Так может быть истолкован образ шефа Стоила, который достиг "светской славы" – директорского поста и двухэтажного дома. Искушение, согласно Св. Писанию, приводит к упованию на себя самого (Мат 4, 6) и часто заканчивается грехом и погибелью (1 Тим 6, 9; Иак 1, 5), а силу оно обретает с помощью плоти (Мф 26, 41). Эта аксиологема присутствует во фрагменте "Искушение" [5. С. 168–211] имплицитно, без прямых отсылок к библейской аксиологии, но именно в соответствии с одной образ шефа Стоила получает архетипическую весомость.

В рассказе, о котором идет речь, акцент делается на внутреннюю, психологическую драму героя, шефа Стоила, как и на неоднозначности этой драмы. Поток сознания, раскрывающий мысли и душевные кошмары персонажа, лучше всего объясняется в свете психоанализа и архетипов. Так, например, в первой части фрагмента шеф Стоил переживает проекцию своей анимы на секретаршу Нину, почему и не может преодолеть свое стремление к ней. В его чувствах к Нине переплетаются "обожание", "трепет", "волнение" и "бес в ребро"⁸. В рассказе также присутствует

⁶ Эти значения объясняют, почему в первом Адаме не следует видеть отдельную личность. Именно этот смысл имеет и переход от единственного числа ко множественному в словах Бога-Творца: "Сотворим Адама (в синодальном переводе – человека. *Прим. перев.*) по образу Нашему... и да владычествуют они..." (Быт. 1, 26).

⁷ В обычных представлениях примером того, кто поддался искушению, служит прежде всего Ева, уступившая уговорам змея вкушать от плода запретного древа (Быт 3, 1, 4, 5). Но под искушением понимают не только любопытство плоти, но и другие дьявольские внушения, которым поддаются другие библейские персонажи: Архан (Ис. Нав 7, 21), который поддался сребролюбию; Давид (2 Цар 11, 2), соблазненный купавшейся женщиной, которую и совращает; Иеровоам (3 Цар 15, 30), который своими грехами ввел в грех весь Израиль и прогневал Бога, Петр, отрекшийся от Иисуса (Мк 14, 67–71) и Павел (2 Кор 12, 7), который испытал искушение превознести и возвеличить себя [7].

⁸ О проекции Анимы К.Г. Юнг пишет в "Связях между Я и бессознательным": "Женщина, с ее особенной психологией, всегда была источником информации о вещах, незримых мужчине. Она может быть его вдохновением: ее интуитивная способность, часто более высокая, чем у мужчины, способна к своевременным предупреждениям, а ее чувства, всегда направленные на личное, могут указывать ему пути и способы, которые его личное чувство, выраженное более слабо, никогда бы не открыло" [8. Ч. 1. С. 175].

идея, что через женщину мужчина познает жизнь души⁹. Перед шефом Стоилом женщина раскрывает свою противоречивую сущность. На винограднике женщина видится ему как воплощение "похотливости" и "страсти", греха, "который свил гнездо в каждой частичке ее тела", но вместе с тем и как "источник неописуемых радостей". В трактовке Л. Петкова женщина здесь – "мелкий хищник", эгоист, искренний только наполовину, стремящийся убажывать свои прихоти, в то время как Женщина, не поддавшись плотским влечениям, остается в своих желаниях чистой.

Один из способов, какими раскрывается внутренняя неуравновешенность персонажей-мужчин в "Садах Адама и Евы" – изображение душевной травмы героя (в форме потока сознания) как симптома процессов распада в его психике. Душевные терзания и грехи шефа Стоила, например, приводят к его моральному и социальному падению, к почти клинической душевной неуравновешенности: ср. эпизоды, где он теряет чувство времени, когда не может вспомнить течение своих будней и обращается к помощи д-ра Рашкова. В ассоциативном стиле нанизаны фрагменты о маленькой придорожной гостинице и бесцельной прогулке по полям, объединенные желанием "подняться в небеса", к "неизвестным звездам". Переживания, сопутствующие персонажу – это чувство усталости, раздвоенные мысли. Он ощущает, что он "всегда не один", что он "всегда нигде", в его душе "копошатся" "болезненные человечки", с хихиканьем насмехающиеся над ним. Неосознанно он приходит ночью к дому Нины, ему мерещится "свирепый пес с белым пятном над ухом". В конце концов, после всех бредовых представлений о времени и пространстве автор, чтобы передать окончательный душевный распад героя, так разрывает логику и связи в тексте, что он превращается в странный поток слов, рожденный расколотым человеческим сознанием. Поток сознания Л. Петков рисует, используя формы третьего лица, меняя при этом точки зрения так, что становится невозможно увязать этот поток мыслей с каким-нибудь определенным героем. Этот прием передает расстроенное душевное состояние персонажей, обыкновенно больных, находящихся в депрессии или в сильном возбуждении. Так "Кроткий" Атанасов – герой "Истории пятой: Розовый пеликан" [4. С. 76–97] – представлен как депрессивный, невротичный человек. Причина его душевных заболеваний в том, что он неспособен постоять за себя даже тогда, когда под угрозой его любовь, личное счастье, карьера. "Кроткий" Атанасов одинок; для каждого он находит доброе слово, защищает и даже утешает виновных, а они платят ему тем, что ругают его в лицо. Он стыдлив, всегда смущен; его еще в школе дразнят "Розовым пеликаном" – т.е. редкой птицей (как "белая ворона" – несоциальный, редко встречающийся человеческий тип), но учитывается и символическое значение пеликана – "отцовская любовь", "Христос", "самопожертвование"¹⁰. Последнее значение проявляется в поведении Атанасова после того, как Верочку бросил муж, – он заботится о ней и ее дочке, помогает ей найти работу, и наконец, уступает шефу Стоилу свою большую любовь. Почему Атанасов отказывается от "осуществления" своей любви к Верочке – психологически не обосновывается. С точки зрения психоанализа мотивацию следует искать в его комплексе страха перед женщиной-матерью (по Юнгу – воздействие архетипа матери). Неосознанные комплексы порождают у Атанасова чувство вины, депрессию и сильный невроз: он с трудом отрывается от травы перед тем, как побежать. То, что он бежит по лесу куда глаза глядят, теряя представление о времени и пространстве, тоже свидетельствует о нарушении психических функций. Речь Атанасова похожа на бред, героя бьет лихорадка, он не способен разобраться в своих чувствах и в образах, которые ему являются.

⁹ О женственной природе душевного комплекса см. "Анима и Анимус" в "Связях между Я и бессознательным" [8. Ч. 1. С. 175–200].

¹⁰ Символом отцовской любви пеликана изображали потому, что считалось, что он выкармливает птенцов своей плотью и кровью. По той же причине в христианской иконографии он превратился в символ Христа, Его Жертвы и Воскресения, а также воскресения Лазаря [9].

Женскую психологию Л. Петков пытается изобразить в образах Машинистки и Евы. Машинистка из "Истории шестой: Записки одной машинистки" [5. С. 98–112] живет одна со своим псом Крумом, о котором заботится больше, чем о себе самой. Она трижды была замужем и все же осталась одна, и единственный мужской образ, перед которым она благоговеет – это образ писателя, с которым она познакомилась, работая над его рукописью. Очевидно, писатель олицетворяет Анимус, который в общих чертах совпадает с архетипом Смысла [8. Ч. 2]: "Вы так недолго были со мною – и так надолго остались!" Как реликвию хранит героиня сочинение писателя: для нее эта рукопись – символ всей нежности, какую она только способна испытывать.

В "Еве" [5. С. 240–253] воссоздано душевное состояние зрелой женщины, которая едет на мотовозе через яблоневый сад. В ее сознании смешиваются негативные и позитивные проекции архетипа матери: отвращение к супругу, преданность и материнские чувства к нему, и тут же – подсознательное стремление его уничтожить [8. Ч. 2], находящее выход в желании вытолкнуть его из открытой двери вагона. Эти неосознанные импульсы переплетаются с интересом, который Ева испытывает к молодому машинисту. Средствами "потока сознания" автор раскрывает состояние женщины, которая испытывает непреодолимую досаду от своего омещавшегося брака и от скуки в семейной жизни. Воспоминания Евы о своей юности придают рассказу дополнительную психологическую плотность. Ева всю жизнь борется с "вечно стонущим Адамом, преследующим ее по пятам". Вспоминая о своей первой связи, она понимает, что любила не самого мужчину, а свой идеал (т.е. анимус). Ева, как и машинистка из "Дневника", укоряет себя в способности "бессознательно внушать себе" несуществующую красоту. Свою жизнь она видит в перспективе той "я", которую сама переживала, и в то же время – глазами "множества разных Ев".

Психологические находки Петкова в изображении персонажей (прежде всего "Адамов") можно определить как "проекцию Я", по выражению К.Г. Юнга [10. С. 14–19]. Проекция (анимы, анимуса, учителя и т.д.), исходящая из бессознательного, не осознаются личностью, а разум и воля оказываются беспомощными в борьбе с эмоциями, которые вызваны архетипами. Герои Л. Петкова в "Садах Адама и Евы" – инженер, шеф Стоил, "Кроткий" Атанасов – оказываются в заколдованном круге, который внешнему наблюдателю показался бы объяснимым и разрешимым. Но для персонажа, который не может осознать свои проекции, бессознательное превращается в серьезную психологическую проблему. По Юнгу, сигизия "анима – анимус" иногда бывает "трагически неразрешимой" [10. С. 28]; эти два архетипа могут стать причиной трагических поворотов в жизни человека. Именно таковы финалы персонажей в историях с шефом Стоилом, с Атанасовым, как и в легенде, в которой принимает участие фантаст.

Другой прозаический текст, "Баллада о Георге Хенихе" Виктора Паскова, при чтении сквозь призму архетипов и универсальных культурных символов открывает истинное, духовное бытие героев. Возвращение повествователя к светлым воспоминаниям детства, которое обрамляет начало текста, можно рассматривать как своего рода терапию, помогающую восстановить "целостную личность" (по Юнгу) в угнетенной психике героя. Еще в самом начале "Баллады" авторский голос слышен как в документальном сообщении о смерти Георга Хениха в доме престарелых села Хайредин, так и в изображении душевного состояния, в котором пребывает рассказчик. "На улице – мелкая изморось: поздний осенний вечер. Высотки напротив в этой грязно-серой мгле кажутся лиловыми... В комнату заползают тени... Я еще никогда не ощущал так сильно одиночества" [11. С. 12]. Душевный пейзаж рассказчика отображает состояние подавленности, мистического поиска истины, скрытой от других. Многократное упоминание смерти в этой части текста ("ты умер", "мертв", "похоронен") внушает, что ситуация, в которой находится рассказчик, безнадежна, – и находит свой смысловой эквивалент во фразе: "Потому что я забыл, кто я такой!" [11. С. 15]. Впавший в депрессию, утративший способность ориентироваться в настоящем,

рассказчик должен обрести собственную идентичность. Пройдя через "терапию" воспоминанием, "оживив" духов предков и почерпнув у них жизненную силу, в конце "Баллады" рассказчик констатирует: "...я уверен: ты меня не забыл", "туман перед моими глазами развеялся, и я увидел..." [11. С. 172]. "Вызывание" отеческих теней (в данном случае маленький Виктор уподобляет старого Георга Хениха своему дедушке) совершило чудо в психике повествователя: из реального пространства-времени он перенесся в универсальное. В этом мистическом или неосознанно-архетипическом "пространстве" рассказчик (уже взрослый Виктор) обрел "смысл" и "значение" – отсюда и положительная эмоциональная доминанта в композиционном конце "Баллады". Подавленный и невнятный вначале, голос повествователя становится вдохновенно-взволнованным, его настоящее наполняется светлым ожиданием. Как указывал Юнг, "процесс индивидуации", к которому личность стремится всю жизнь, никогда не протекает гладко: как только сознание оторвется от своей инстинктивной, архетипичной основы, оно становится к ней в оппозицию. Тогда возникает потребность синтезировать эти две позиции, что равносильно психотерапии. Целительное действие такого рода психотерапии предполагает осознание архетипов и осуществление идентификации (например, у австралийских аборигенов – с их праотцами, или в мистериях Изиды – с Гелиосом) [8. Ч. 2. С. 194]. Виктор идентифицирует себя со скрипичным мастером, с Учителем жизни, с творцом, подчинившим "смысл" своего творения – "любви". Первое лицо, в котором идет повествование – еще один маркер, отсылающий нас к языку психоанализа как типу художественного дискурса. Сам процесс воспоминания и сама исповедальная трактовка воспоминания в повести ассоциируется с рассказами-исповедями, приведенными как примеры клинической работы психоаналитика в трудах З. Фрейда и позднее – К. Юнга. По словам Юнга, архетип может переживаться непосредственно в персонифицированной форме; во время этого процесса архетипы являются как действующие лица в снах и фантазиях личности. Рассказ о действе в "Балладе" включает в качестве главной фигуры старика скрипичного мастера Георга Хениха. Его образ напоминает архетип Мудрого старца (wise old man), которого еще К. Юнг назвал архетипом знания [8. Ч. 2. С. 190]. Один из аспектов Мудрого старца – мастерство, творчество. Творческое состояние, в котором находится рассказчик в начале повествования, актуализирует важность фигуры Творца. В тексте мастер Хених изготавливает свое последнее произведение – Виолу д'аморе, – предназначая ее Богу. Более того: подробное описание работы над инструментом воспринимается как повторение Творения, как знак связи человека-творца с сущностью Бога-Творца. Привязанность мальчика к этому невзрачному старику, "почти гному", как и его необыкновенные переживания от каждой встречи с мастером отсылают нас к параллели между образом Хениха и тем, что Юнг называл "мана-личность", характеризующей Мудрого старца. По Юнгу, это личность, которая обладает квазибожественной силой, приписываемой волшебникам, медиумам, священникам, целителям, факирам, святым – всем, кто имеет достаточно общего с духовным миром, чтобы служить по нему проводником или излучать его энергию [12].

Посвящение Виктора в тайну изготовления скрипки – "разговор" с деревом, постепенное оформление частей скрипки из грубых кусков древесины, как и сама работа скрипичного мастера с тем или иным орудием, наводят на мысль об отношениях "Учитель – Ученик". По этому поводу К. Юнг говорит о психологическом влиянии, которое оказывает духовная личность (Учитель) на неопита и о его воздействии на переходные состояния и пограничные периоды созревания личности. Юнг объясняет психологическое состояние ученика его убежденностью в том, что Учитель достиг более высокой степени сознания и, стало быть, что достичь такой ступени возможно. Поэтому ученик верит, что и сам он сможет осуществить этот переход с помощью Учителя. Мудрый старец, высший господин и учитель, по Юнгу – это архетип Духа, который символизирует скрытый в хаосе "предвечный смысл". Несомненно, момент, когда Георг Хених приглашает Виктора участвовать в создании

скрипки – это своего рода посвящение в таинства. Жест старого мастера представляет собою выбор духовного преемника. Для "инфанта Виктора" это ритуал передачи секретов ремесла, усвоение "магии" творчества. Посвящение (инициацию) Юнг рассматривает преимущественно как процесс индивидуации. Дж. Хендерсон говорит об архетипе посвящения¹¹. М. Элиаде интерпретирует посвящение как обретение экзистенциального опыта через теоретическое и практическое обучение старыми учителями [14. С. 392–420]¹². Посвящаемый – Виктор, которого Хених называет "царь Виктор", "инфант" – тоже несет архетипические черты. По Юнгу [15. С. 95], чаще всего мотив Дитяти появляется в процессе созревания личности (т.е. индивидуации). Не случайно мастер Хених называет Виктора "царем Виктором". В "Einführung in das Wesen der Mythologie" (1951), написанном вместе с К. Керени, Юнг говорит об архетипе предвечного младенца, имея в виду образы бога-младенца в различных мифологиях. Мифологическое дитя – это или чудо-ребенок¹³, или оно имеет дом, но чувствует себя одиноким и оставленным – с этим связан архетип трудного детства. Юнг указывает, что мотив Дитяти связан обыкновенно с картиной каких-либо забытых фактов из нашего детства. Этот образ могут вызвать несовместимости разного рода – скажем, сегодняшнее состояние человека может находиться в конфликте с его детским состоянием, или с трудом отделился от своего первоначального характера под воздействием определенных факторов и личностей. Однако теряя детскую непосредственность и усваивая искусственные манеры, человек лишается корней [15. С. 97–98]. В аспекте универсального архетипического содержания основной проблемой "Баллады о Георге Хенихе" Виктора Паскова можно было бы считать проблему Духа, духовного и человеческого существования. Более того: изъясняя множественность значений у архетипов трансформации, Юнг указывает, что дух воспринимается как "старец и юноша сразу" ('senex et juvenus simul'). Повествование в "Балладе о Георге Хенихе" начинается с конкретного (биографического) и реально-исторического (действительное существование чеха – мастера). Далее оно движется через психоанализ воспоминаний к раскрытию архетипических черт Мудрого Старца, Учителя и "смысла", чтобы достигнуть целостности в просветленной психике личности рассказчика. Заканчивается же апофеозом и мифологизированием реальной личности, которая уже символизирует Любовь, Дух, Искусство.

Перевод В. Николаенко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мелетинский Е.М.* Историческая поэтика новеллы. М., 1990.
2. *Величков Г.* Приказки за мен и за вас. Пловдив, 1975.
3. Български фолклорни приказки. Каталог. Състав. Л. Даскалова-Перковска, Д. Добрева, Й. Коцева, Е. Мицева. София, 1994.

¹¹ По Дж. Хендерсону [13] инициация представляет собою ценностно амбивалентный акт: разрыв с миром детства наносит удар по изначальному архетипу родителей и в этом смысле воспринимается как зло. Но с другой стороны, присоединение юноши к племени в качестве полноправного члена воспринимается как компенсация утраты родителей и как благо. Так символическая жертва – потеря родителей – компенсируется тоже символически: восприятием общества как нового родителя.

¹² Акт посвящения вершат духи и другие шаманы (колдуны, medicine man). Волшебная сила, которую они обретают в этих обрядах, передается через невидимую субстанцию, которую ученик получает от учителя. Так, через откровение, ученик осуществляет свой личный опыт. От своего наставника он узнает священный язык шаманов – код для общения с трансцендентным. Смена языка имеет еще один аспект: ученик преодолевает профанное и осуществляет переход к сакральному. Это – поиск самого смысла духовной жизни, – того, который осознается и как "истина", и как "жизнь" [11. С. 408].

¹³ Бог-дитя – обычно подкидыш, подвергающийся большим опасностям. Иногда ему угрожает отец – Кронос; или он брошен матерью, как Пан, в других вариантах мать разделяет сиротство с сыном (Лета с младенцем-Аполлоном). Так дом для ребенка приобретает двусмысленность и он чувствует себя одиноким. Архетип тяжелого детства иллюстрирует лучше всего Вогульский бог (из индийской мифологии), а архетип чудо-ребенка – Нараяна [12. С. 41–59].

4. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. II-е изд. М., 1991.
5. *Петков Л.* Градините на Адам и Ева. София, 1989.
6. Словарь библейского богословия / Под ред. К. Леон-Дюфруа и др. Bruxelles-Belgique, 1990.
7. Библейски показалец или Сборникъ от библейски предмети. Пловдив, 1911.
8. *Юнг К.Г.* Избрано. В 3 части. Плевен, 1993.
9. Речник на символите. Митове, сънища, обичаи, ритуали, форми, фигури, цветове, числа и др./ Авт. Ж. Шевалие, А. Гесрбрант. В 2 тома. София, 1996.
10. *Юнг К.Г.* ЕОН. Плевен, 1995.
11. *Пасков В.* Балада за Георг Хених. София, 1990.
12. Критически речник на аналитична психология на К.Г. Юнга (А. Самюелз, Б. Шортър, Ф. Плауг). Плевен, 1993.
13. *Хендерсон Дж.А.* Архетип посвящения // Человек и его символы. М., 1997. С. 127–134.
14. *Елиаде М.* Шаманизмът и архаичните техники на екстаза // Съвременик. 1996. № 3.
15. *Юнг К.Г.* Душа и миф. Шест архетипов. Киев; М., 1997.

© 2000 г. Р.П. ГРИШИНА

КОМИНТЕРН, РКП(б) И КУРС БОЛГАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА ПОДГОТОВКУ НОВОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1924 ГОДА: ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ*

К началу марта 1924 г. в балканской проблеме появились новые обстоятельства. 7 марта Чичерин лично обращается в Секретариат ЦК РКП(б) с просьбой поставить на ближайшем заседании Политбюро болгарский вопрос с приглашением Коларова и Менжинского (напомним, В.Р. Менжинский в то время – председатель ОГПУ и непосредственный начальник Трилиссера). Заседание необходимо, писал Чичерин, "с целью использовать присутствие в Москве т. Раковского" [5. Д. 91. Л. 11]. 10 марта с подобной же просьбой в Политбюро обращается Зиновьев, указывая на необходимость вызвать на заседание Чичерина, Коларова, Уншлихта, Менжинского [5. Д. 91. Л. 10]. В обоих обращениях говорится о срочности и чрезвычайности дела: "Материал придется сообщить исключительно устно" (Чичерин), "Бумаг разослать невозможно. Изложу устно" (Зиновьев).

Что же произошло? По какой причине возникла такая тревога?

Объяснение надо искать прежде всего в том, что решения Президиума ИККИ по болгарскому вопросу, поддержка в Москве идеи вооруженного прокоммунистического восстания в Болгарии в расчете на союз коммунистов с массовой и неплохо вооруженной Внутренней македонской революционной организацией (ВМРО) Т. Александрова не могло долго оставаться тайной. От некоторых европейских спецслужб не укрылось, кроме того, что 20 февраля 1924 г. в Москве между членом Загранкомитета БКП Г. Димитровым и членом Загранпредставительства БЗНС К. Тодоровым было заключено соглашение о единых действиях обеих партий и о совместной подготовке ими вооруженного восстания, причем даже при возможной поддержке со стороны Югославии. Просочившиеся в прессу слухи вызвали в европейском общественном мнении волнение, политики стали спешно принимать меры. Вернувшийся из Москвы в Вену Милютин уже 26 февраля писал оттуда, что в венских газетах появились сообщения о перевороте в Болгарии и что болгарское правительство "по-видимому, в известной мере осведомлено о грозящей опасности и заняло несколько пунктов вдоль сербской границы отрядами македонцев и врангелевцев" [6. Ф. 498. Оп. 1. Д. 50. Л. 6].

Муссирование в печати слухов о готовящемся будто бы восстании в Вардарской Македонии не могло не вызвать ухудшения болгарско-югославских отношений и контрмер со стороны как югославского, так и болгарского правительства. Первое действовало наиболее активно, потребовав, с одной стороны, от Болгарии в ульти-

Гришина Ригта Петровна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
* Окончание. Начало см.: Славяноведение. 2000. № 5.

мативной форме акций против ВМРО и угрожая вторжением и занявшись, с другой стороны, перемещением болгарских эмигрантов в глубь Югославии, подальше от болгарско-югославской границы.

3 марта правительство Цанкова провело в Болгарии аресты ряда деятелей ВМРО, фактически с согласия Александра, опасавшегося югославской интервенции. Уже 4 марта Милютину пришлось сообщить в Москву, что автономисты "намеченное ими выступление на апрель месяц отложили" [6. Ф. 498. Оп. 1. Д. 50 а. Л. 12].

Таким образом, благодаря принятым правительствами Югославии и Болгарии мерам планы коммунистов были серьезно нарушены, ибо в результате отпал главный их движитель – восстание в Македонии, на которое до этого делалась ставка. То, что восстанию македонцев, ожидавшемуся весной 1924 г., коммунисты придавали роль импульса для последующего развертывания революции, следует из документов Президиума БКФ, составленных в Вене с учетом резолюции Президиума ИККИ по болгарскому вопросу от 14 февраля. В частности, в протоколе заседания Президиума БКФ от 3 марта 1924 г., указывалось: "6. В случае восстания в Македонии Югославская, Болгарская, Греческая коммунистические партии должны выступать самым решительным образом в его защиту (...) и помогать ему, чтобы оно закончилось победой угнетенного населения. 7. В случае восстания или же попытки восстания в Македонии, которое бы сопровождалось военной интервенцией и оккупацией частей Болгарии со стороны Югославии, задачей Болгарской коммунистической партии является поднять трудящиеся массы на восстание против режима Цанкова для образования рабоче-крестьянского правительства, для освобождения страны от оккупации и восстановления мирных отношений с соседними государствами. Задачей Югославской коммунистической партии является выступить решительно против оккупации и требовать эвакуации оккупированных областей, выступить в целях защиты рабоче-крестьянского правительства в Болгарии, как правительства, гарантирующего мирные отношения с народами Югославии, и вести борьбу в пользу самоопределения македонского населения" [7. Ф. 509. Оп. 1. Д. 44. Л. 17].

Изменение политической обстановки на Балканах – такова, на наш взгляд, основная причина, требовавшая корректировки курса в отношении балканской революции на уровне Политбюро ЦК РКП(б).

Стоит обратить внимание и на пребывание в Москве в это время Х.Г. Раковского, заместителя наркоминдел СССР и полномочного представителя СССР в Лондоне. По-видимому, было бы правильно считать его главным специалистом по Балканам в начале 1920-х годов среди членов большевистского руководства. Вместе с Чичериным он участвовал в международных конференциях 1922–1923 гг. в Генуе и Женеве, на которых делегация Советского Союза открыто заявила о поддержке национально-освободительного движения угнетенных народов, а в Лозанне выступила с меморандумом фактически о федерализации Югославии [13. С. 132–133]. Есть веские основания считать Раковского автором этого меморандума.

Раковский как политический деятель пережил на протяжении жизни неоднократные крутые изломы. Будучи участником румынского и болгарского социалистического движения и II Интернационала, он проделал эволюцию от крайне левой позиции в начале XX в. к центристской. Став в 1917 г. жестким большевиком, Раковский в первые годы советской власти предпринимал усилия, нацеленные на превращение Балканского региона в своего рода базу для распространения революции на всю балкано-дунайскую территорию. Исследования последних лет свидетельствуют о прямом участии правительства Украины и его тогдашнего главы Раковского в секретных подрывных операциях на Балканах в начале 1920-х годов [14. С. 96]. Необходимость заняться с лета 1923 г. такого рода деятельностью, как правительство интересов СССР в Лондоне, потребовала новой смены, хотя бы внешне, политического облика Раковского. В результате его приезд в Москву после того, как в начале февраля 1924 г. в большой мере благодаря его усилиям в качестве полпреда Советского Союза состоялось официальное признание СССР правительством

Великобритании, был поистине триумфальным. Теперь Раковский выступал перед партийными товарищами с опытом заключения компромиссов, необходимых, по его мнению, и в дальнейшем. Политический вес Раковского, несомненно, был высок в это время. При этом интереса к балканским проблемам он не потерял, и именно о его приглашении на заседание Политбюро просил Чичерин в своей записке от 7 марта.

Это заседание состоялось 13 марта 1924 г. К сожалению, в распоряжении исследователя имеется только резолюция "О Болгарии", принятая Политбюро ЦК РКП(б) и хранившаяся затем в Особой папке, и нет протокола или стенограммы хода обсуждения вопроса. В заседании Политбюро участвовали 15 человек, включая Сталина, Зиновьева, Каменева, Молотова, Фрунзе. В числе выступивших по болгарскому вопросу обозначены Зиновьев, Чичерин, Литвинов, Раковский, Коларов, Менжинский, Уншлихт, Крестинский [б. Ф. 17. Оп. 3. Д. 425. Л. 3].

В одном из пунктов резолюции, казалось, четко говорилось о невозможности для СССР вмешаться во внутренние дела другой страны: "Политбюро считает, что болгарское революционное движение должно рассчитывать исключительно на внутренние революционные силы: болгарских рабочих и крестьян. В частности, БКП должна иметь в виду, что СССР – ввиду общего положения вещей – вооруженной силой (или даже военной демонстрацией) болгарской революции в ближайшее время помочь не мог бы" [б. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 38].

Этот пункт заключал в себе новый и весьма существенный момент – отграничение руководства РКП(б) от политики БКП, и связан он был в первую очередь с изменениями в международной обстановке, учитывать которые стало важно для СССР. В частности, только что признанный Великобританией Советский Союз должен был принять во внимание незаинтересованность Лондона в нарушении мира на Балканах [15. С. 43–44]: из информации Милютина в Москву от 13 марта, что в урегулировании болгарско-югославских отношений "большое участие принимает... Англия. Под ее давлением югославское правительство воздержалось от немедленного вторжения (в Болгарию. – Р.Г.)" [б. Ф. 498. Оп. 1. Д. 50а. Л. 13]. Недаром следующий пункт резолюции гласил: "В отношении Югославии Политбюро рекомендует величайшую осторожность" [б. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 38]. Кроме того, СССР следовало учитывать и заявление о положении армии на Февральском пленуме ЦК начальника ПУРККА С.И. Гусева, которую, по его мнению, нельзя считать боеспособной.

Означало ли решение Политбюро полный отказ РКП(б) от идеи балканской революции? Отнюдь нет. Скорее инициатива только внешне целиком отдавалась БКП. Об этом свидетельствовал первый и основной пункт резолюции: "Политбюро считает весьма вероятным революционное обострение кризиса в Болгарии и присоединяется в этом смысле к оценке возможных перспектив, данной Болгарской компартией и Коминтерном". А дальше шли пункты, говорившие, в чем конкретно будет заключаться соучастие СССР в подготовке революции, а именно: "г) Предложить Коминтерну и Болгарской компартии обдумать известную политическую комбинацию для Болгарии, выяснившуюся в обмене мнений на заседании Политбюро. д) Принять предложение т. Уншлихта относительно подготовительной работы. Увеличить смету Коминтерна на соответствующие суммы" [б. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 38]. На основе наличного материала выяснить, в чем заключалась "политическая комбинация для Болгарии" не представляется возможным. Что касается предложения Уншлихта о подготовительной работе, то на основании приписки к этой фразе: "10 000 винтовок" в повторном решении Политбюро ЦК РКП(б) от 19 июня 1924 г. на ту же тему [б. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 38], можно заключить, что Уншлихт, выступая на Политбюро, привлекал материалы Балканской комиссии по вопросу о нелегальной военной организации (НВО), касавшиеся конкретной подготовки восстания (см.: Славяноведение: 2000. № 5. С. 41).

На наш взгляд, резолюция Политбюро ЦК РКП(б) от 13 марта явилась отражением некоей внутренней раздвоенности, в которой оказалось руководство СССР

после смерти Ленина. Недаром на том же заседании при рассмотрении вопроса об отношении к Лиге Наций (выступали Чичерин, Раковский, Литвинов) было принято такое же "двуглавое" постановление: с одной стороны, считать целесообразным принятие предложения Генерального секретариата Лиги Наций о посылке представителя НКВД в Комитет Лиги в качестве наблюдателя, а с другой – агитацию против Лиги наций продолжить и усилить [6. Ф. 17. Оп. 3. Д. 425. Л. 3].

Что касается собственно болгарского вопроса, полагаем, что известная противоречивость резолюции давала возможность руководству БКП дополнительно подумать о степени неотложности-необходимости восстания и обеспеченности его успеха. Резолюция от 13 марта могла стать для болгарских коммунистов сигналом для отмены повстанческого курса, сделай их вожди выводы, адекватные той ситуации неопределенности, в которой они оказались.

Однако идти путем дальнейшей вооруженной борьбы руководители Сентябрьского восстания, быстро оправившиеся от замешательства, решили, очевидно, невзирая ни на что. 30 марта 1924 г. Димитров от имени Заграничного представительства ЦК БКП направил из Вены в Софию, в ЦК БКП письмо. В нем, ссылаясь на разъяснения Коларова по поводу резолюции Политбюро ЦК РКП(б) от 13 марта, Димитров указывал на сложность международной обстановки и на опасность для СССР быть втянутым в войну по меньшей мере с Румынией и Польшей в случае оказания им вооруженной поддержки революции в Болгарии. Вместе с тем, передавая слова Коларова: "ЦК русской партии считает международное положение для нашей акции благоприятным..., оно, сказал З. (надо понимать, Зиновьев. – Р.Г.), никогда не было столь благоприятно", Димитров так формулировал собственную позицию: "Считаю, что это решение никоим образом не может повлиять на наши решения. Оно только заставит нас быть очень внимательными ... и когда наступит момент принять судьбоносные решения, быть по возможности полностью осведомленными о том, чего можно ожидать извне и прежде всего от наших соседей" [8. Ф. 3. Оп. 4. Д. 56. Л. 70]. Председатель Коминтерна тоже упорно держался своей линии: 20 апреля Зиновьев опубликовал в "Известиях" статью о международном положении, в которой заявил: "3-й Интернационал готов гарантировать Европе революцию".

Таким образом, идея восстания, как цель и задача, не была оставлена. В мае близ Софии была проведена Витошская конференция БКП, которая в основу своих постановлений положила именно "боевую" резолюцию Президиума ИККИ от 14 февраля 1924 г., избрала в новый состав ЦК БКП в основном "леваков" и, не вдаваясь в глубокий анализ ситуации в стране, провозгласила курс на новое вооруженное восстание в близкое время [16. С. 147]. Ориентироваться стали на осень 1924 г. 13 мая Димитров, например, писал в Москву Коларову о том, что "все *предварительные условия* для нашего восстания осенью *назревают* в стране. Мы должны очень серьезно готовиться к нему и организовать его с полной верой в его победу" [17. С. 51]. В таких условиях вопрос о военно-технической подготовке восстания стал предметом постоянного внимания в переписке коммунистов по линии Москва–Вена–София.

Из Москвы в Болгарию были посланы специальные уполномоченные, в том числе "Борис". 10 апреля Пятницкий писал Милютину: "Все люди уже в Вене. Ожидая в самое ближайшее время получить аутентичные сведения о ходе технической подготовки в Б[олгарии]" [6. Ф. 498. Оп. 1. Д. 50а. Л. 3]. Как свидетельствуют документы, особую напористость проявлял "Борис", настаивавший на необходимости работу по НВО вести с полным напряжением сил и на том, чтобы партизанские действия болгарских товарищей были связаны с работой подрывной организации НВО [6. Ф. 495. Оп. 19. Д. 345. Л. 21]. В этом отношении его горячим сторонником в Вене являлся Димитров, в свою очередь направлявший в Москву письмо за письмом с требованием поддержки. Так, 28 мая он писал Коларову о необходимости поторопиться с отравлением сумм, предусмотренных для военной организации, подчеркивая, что "дорогое

время, которым мы располагаем для подготовки, *быстро улетучивается, и можно не успеть сделать возможное*" [8. Ф. 146. Оп. 2. Д. 1545. Л. 1].

После отъезда Димитрова из Вены в Москву на V конгресс Коминтерна, "Борис" стремился использовать его авторитет и личную заинтересованность в подготовке восстания для нажима на московские службы. 10 июня "Борис" сообщал Димитрову, что отправляет по начальству свои доклады и в них ребром ставит "вопрос о том, что у нас осталось только три месяца времени и что если на осень мы что-нибудь хотим подготовить, то нельзя жалеть ни денег, ни работников". Считая, что настоящей работы не ведется, а есть "скорее симуляция ее", "Борис" требовал: "Т-щ Виктор (псевдоним Димитрова. – Р.Г.), нажимайте там на всех. Промедление времени – смерти подобно. Надо решить вопрос, что мы намерены делать осенью: да или нет. Если да, то нужно сформировать и центр единого управления подготовкой событий и приступить к работе по македонцам, врангелистам и транспорту материальных средств" [6. Ф. 495. Оп. 282. Д. 95. Л. 16].

12 июня он направил новое послание Димитрову с приложением плана дальнейшей работы и просьбой к адресату: "Поддержите его. Время идет. У нас только три месяца. Пусть бросят торговаться о средствах и во всяком случае то, что решено дать, пусть дадут без проволочки" [6. Ф. 495. Оп. 282. Д. 95. Л. 17]. Из этих писем следует, что Москва не направляла обещанных средств. Возможно, чтобы получить их, "Борис" в искривленно-радужном свете представлял Москве картину положения в Болгарии, хотя не исключено, что в своих посланиях он просто давал волю левацко-молодеческим настроениям. В них он сделал упор прежде всего на якобы политическую готовность восстания. "Большая часть населения, – писал он, – только насильем удерживается от открытого вооруженного выступления против правительства". Сильно преувеличивая также готовность политических союзников БКП к совместным с нею действиям, "Борис" заявлял, что автономисты фактически раскололись и что «сейчас уже можно ставить вопрос о том, какое количество автономистов выступит с нами против Цанкова и нельзя ли уже думать о дезорганизации полицейского аппарата, добываясь выхода из него автономистов, которые сейчас являются "лучшими" его элементами». "Не исключается, – продолжал он, – возможность вовлечения ЦК ВМРО и в открытую борьбу с болгарским правительством". Провозглашая левых земледельцев "нашими несомненными союзниками", "Борис" планировал захватить их нелегальную вооруженную организацию "в наши руки, ведя нашу организационную военную работу отдельно от них". Врангелевцам он также находил место в боевом строю, считая, что они "сравнительно легко поддадутся нашей обработке, и некоторая часть из них *во время переворота* (курсив мой. – Р.Г.) может даже стать с оружием в руках на нашу сторону" [6. Ф. 495. Оп. 19. Д. 345. Л. 22].

Вместе с тем военно-техническая сторона подготовки восстания, судя по реляциям того же "Бориса", сильно отставала. Боевые силы болгарских коммунистов он количественно определял примерно в 7 тыс. человек, из которых около 3,5–4 тыс. "может быть втянуто в НВО". Однако это, по-видимому, еще предстояло сделать, так как в конце мая в НВО входили всего 500 человек. Но с чем очень плохо, по его признанию, обстояло дело, так это с оружием, поскольку было немногим более тысячи винтовок, около двух десятков пулеметов и 61 револьвер. Лишь в будущем времени писал "Борис" о возможности пополнить этот арсенал путем покупки или "похищения внутри страны не менее 3 тыс. винтовок".

Подводя итог, "Борис" действительно ставил перед Москвой вопрос ребром, заявляя, что сейчас самое время решать, "готовимся мы к восстанию осенью или нет", ибо фактически осталось только два месяца, "даже если вы немедленно примете решение начать работу по широкому плану".

"Мы не говорим, – продолжал он, – о массовой отправке из СССР работников на усиление НВО Болгарии, но необходимо НВО дать: 1) технического руководителя, 2) организатора транспорта и 3) начальника разведки НВО. Сверх этого необходимо дать и товарища для ВМРО, облеченного достаточными полномочиями. За границу

должен быть командирован и один работник по врангелевцам" [6. Ф. 495. Оп. 19. Д. 345. Л. 24]. Далее следовали финансовые расчеты по осуществлению всех этих планов – речь шла о десятках тысяч долларов. Для успеха подготовки восстания "Борис" считал необходимым создание в Вене полномочного центра, в распоряжение и подчинение которого должны быть поставлены все учреждения СССР, ведущие нелегальную работу по Балканам [6. Ф. 495. Оп. 19. Д. 345. Л. 26].

В общем многое из указанного является, по нашему мнению, очевидным, если говорить о серьезной подготовке восстания. И также очевидно, что ничего из организационно необходимого Москва не сделала, кажется, все отдав на волю случая.

Отчаянное положение дела фиксировал и некто "Александр". Его письмо из Болгарии от 17 июня на болгарском языке, переведенное на русский, наверное, уже в Москве, гласило: "Без отлагательства необходимо приступить к закупке и отправке нужных нам товаров, т.к. если не начать сейчас, то останемся с самыми пустяками. Внутри страны оружие ни в коем случае не успеем раздобыть. Здесь есть возможность получить только малое количество оружия, но нет денег и для этой цели. Хранилища для оружия не готовы – работа по ним приостановлена из-за отсутствия денег" [6. Ф. 495. Оп. 19. Д. 478. Л. 59].

В начале июля уже не отдельные агенты, а ЦК БКП сообщал в БКФ в Вену о том, что до сих пор в Болгарию не переброшено ни одной винтовки, не говоря уже о другом оружии, и о том, что русские хотели сгрузить оружие прямо на берег, но все еще ничего не сделано. Крайний срок наступил, говорилось в документе, необходимо принять быстрые меры, иначе БКП ждет новое поражение [8. Ф. 3. Оп. 4. Д. 55. Л. 56].

Положение с подготовкой восстания было столь тяжелым, что один из "делегатов" Коминтерна – И. Дзевалтовский ("Мариан"), пробыв в Софии около двух недель, привез оттуда в Вену, в ИК БКФ, доклад с выводом: условия для победы восстания в Болгарии неблагоприятны (что он мог оценить как кадровый военный). Однако его доводы не были восприняты венскими коллегами. Когда же последние стали настаивать на его новой поездке в Болгарию для участия в конференции БКП (названной позже Витошской), где партия должна была официально принять курс на новое вооруженное восстание, Дзевалтовский, очевидно, испугавшись быть вовлеченным в явную авантюру, решил просто исчезнуть с "коммунистического горизонта". Его долго искали по разным каналам, а найдя – физически уничтожили как предателя.

Особенно остро несогласованность действий БКП и БКФ, с одной стороны, и Москвы, с другой – проявилась в связи с "македонскими переговорами". Они велись тайно между уполномоченными на то "людьми Москвы" (материалы поступали прежде всего к Трилиссеру [9. Ф. 04. Оп. 7. П. 61. Д. 831. Л. 40]) и руководящими центрами ВМРО и других македонских организаций. Не углубляясь в суть очень сложного сюжета, подчеркнем только, что болгарские коммунисты крайне отрицательно относились к лидеру ВМРО Т. Александрову, считая его принципиальным врагом БКП, а переговоры возможными только с левой частью ВМРО, в то время как Москва усиленно добивалась соглашения именно с ЦК ВМРО.

Между тем 29 апреля добились, казалось, невозможного: за подписью всех трех членов ЦК ВМРО, включая Александрова, в Москву была направлена Декларация ЦК ВМРО. В ней провозглашалось стремление образовать единый "македонский фронт", который при опоре на всемерную поддержку СССР будет бороться за объединение "разделенных частей Македонии" в самостоятельную политическую единицу и за образование Балканской федерации. В доказательство искренности этих намерений ЦК ВМРО, заявляя, что относится к сербскому, греческому и болгарскому правительствам как к орудиям "собственных или иностранных стремлений в отношении Македонии", говорил о готовности дать доказательства полного разрыва с политикой софийского правительства [6. Ф. 509. Оп. 1. Д. 56. Л. 2]. Несколько дней спустя появился подписанный теми же тремя членами ЦК Манифест ЦК ВМРО к македонскому народу.

Как только руководству БКФ стало известно о Декларации ВМРО от 29 апреля, Президиум БКФ на своих заседаниях 3 и 5 мая 1924 г. заявил о несогласии с происшедшим. "Декларация является малоудовлетворительной, слишком общей по своему характеру и неясно определяющей изменение направления деятельности македонско-автономистской организации", – говорилось в постановлении Президиума БКФ от 5 мая [6. Ф. 509. Оп. 1. Д. 44. Л. 95]. После перечисления ряда неучтенных в Декларации условий постановление заканчивалось словами: "Президиум БКФ считает продолжение переговоров ЦК с македонскими автономистскими организациями целесообразным, но таковые должны вестись в тесном контакте с Президиумом БКФ" [6. Ф. 509. Оп. 1. Д. 44. Л. 96].

Решительно выступил с позиции неприятия подписанных автономистами документов и ЦК БКП. 13 мая Димитров телеграфировал Коларову в Москву: "Решение по македонским делам задержите до получения посланного нами доклада ЦК БКП" [6. Ф. 509. Оп. 1. Д. 37. Л. 27], а затем в специальном письме четко сформулировал позицию ЦК: "Центральный комитет самым настоятельным образом просит не оказывать никакой моральной, политической и материальной поддержки крылу Т. Александрова в Македонской автономистской организации, состоящей из болгарских националистов и форменных буржуазных фашистов. Он настаивает оказывать поддержку только революционной оппозиции в этой организации, сплывающей надежнейших македонских революционеров и стремящейся ориентироваться все более в сторону и в духе декларации ильинденцев (легальная организация македонских беженцев, выступившая в апреле 1924 г. оппозиционно правительству Цанкова. – Р.Г.). Основательным считается, что всякая поддержка, оказанная крылу Александрова, будет использована против оппозиции, следовательно, и против нас" [6. Ф. 495. Оп. 19. Д. 478. Л. 56].

Все это заставило Москву серьезно заняться болгарскими делами. Прежняя Балканская комиссия после февральских заседаний, кажется, больше не собиралась и разногласиями между ее членами Политбюро ЦК РКП(б) специально, по-видимому, не занималось. Теперь настало время организовать такую комиссию вновь.

Поскольку члены ЦК ВМРО свою Декларацию от 29 апреля отправили по официальному каналу, через советское полпредство в Вене, первым в Москве забеспокоился Чичерин. Он обратился в ИККИ с письмом по поводу болгарских дел, так что уже в конце апреля Секретариат ИККИ постановил "назначить комиссию в составе Коларова, Трилиссера, Уншлихта и Пятницкого, которая должна согласовывать деятельность всех учреждений, связанных с балканскими делами" [6. Ф. 495. Оп. 18. Д. 228. Л. 161]. В комиссию естественно вошел и Чичерин, так что, как видим, речь шла фактически о восстановлении прежнего ее состава.

Между тем Коларов, собрав все "македонские" документы, полученные им из Вены и Софии, обратился 21 мая к Чичерину как к главе комиссии с просьбой созвать совещание ее членов с приглашением приехавшего из Вены Милютина [9. Ф. 04. Оп. 7. П. 61. Д. 831. Л. 29]. Созвать комиссию оказалось делом непростым, так как большевистские руководители были заняты подготовкой и проведением (23–31 мая) бурного (включая "тайности" письма Ленина к съезду) XIII съезда РКП(б). Тем не менее касательно острого македонского вопроса Балканская комиссия все-таки собралась, и в Вену ушло ее постановление от 7 июня: "Не разрывая с Т. Александровым, поддерживать тайные связи с оппозицией и оказывать ей тайно моральную и материальную поддержку... Подтвердить необходимость проникновения в организации ВМРО и развития нелегальных связей с оппозицией". [9. Ф. 04. Оп. 7. П. 61. Д. 831. Л. 41 б].

С места, однако, поступали сообщения, что никаких благоприятных изменений в поведении автономистов по отношению к болгарским коммунистам не происходит и что люди, ведущие переговоры с автономистами, действуют, не соблюдая приличий. И. Генчев, член Загранпредставительства БКП в Вене, писал уехавшему в Москву на V конгресс Коминтерна Димитрову: "Люди, которые здесь руководят переговорами с

автономистами, в частных разговорах всегда соглашались с нами, но все делают за нашей спиной, не спрашивая ни Федерацию, ни партию. Нужно было или заставить автономистов выполнить взятые на себя обязательства или порвать с ними. Ни того, ни другого не произошло. И что теперь? Даем кредит организации, которая может только помешать нашему делу. Нужно и в этом вопросе развязать руки партии" [8. Ф. 3. Оп. 4. Д. 55. Л. 39].

В Балканской комиссии между тем опять возникли разногласия. С уверенностью об этом можно говорить в отношении контрпозиций Милютина–Коларова, а возможно, также Уншлихта–Трилиссера. 15 июня Чичерин, не в силах совладать с ситуацией, обратился от имени комиссии в Политбюро ЦК РКП(б) для ее разрешения. При этом, сообщал он, нужно бы сделать общий доклад в Политбюро о работе комиссии и указать на Трилиссера как на наиболее компетентного в вопросе и "непосредственно руководящего этой работой" [5. Д. 91. Л. 22].

На Политбюро ЦК РКП(б) вопрос "О Македонии" слушался уже 19 июня. В обсуждении участвовали Чичерин, Трилиссер, Коларов, Димитров, Уншлихт, Пятницкий, Милютин, Менжинский, Крестинский. Постановление звучало своеобразно: подтвердить предыдущее решение Политбюро от 13 марта (с сохранением пункта о поручении Уншлихту провести подготовительную работу – десять тыс. винтовок и т.д.) [6. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 38]. То есть в вопросе о болгарском восстании Политбюро не сделало ни шагу вперед по сравнению со своей мартовской позицией.

Но далее в резолюции были новые и весьма важные пункты. Так, относительно "партизанства" постановили согласиться с позицией большинства комиссии о нежелательности развивать партизанское движение в Болгарии, признав мнение Милютина, наиболее рьяно отстаивавшего партизанскую тактику, неправильным. На практике это означало скорую отставку Милютина с поста уполномоченного ИККИ в венском бюро Коминтерна – обстоятельство, которое можно считать своего рода знаковым для РКП(б), ибо Милютин на протяжении всего периода своей деятельности на Балканах проявлял себя как убежденный сторонник практической реализации идеи мировой революции. Очевидно, теперь наступало время постепенно спускать на тормозах осуществление этого большевистского идеала.

Кроме того, в резолюции имелся пункт о целесообразности опубликования в СССР в открытой печати статьи о событиях на Балканах "в духе проекта, предложенного т. Чичериным". Под событиями на Балканах подразумевались "македонские дела" – направление, занимавшее Москву не меньше, чем болгарское восстание. При этом проект Чичерина носил, на мой взгляд, откровенно провокационный характер. Ничтоже сумняшеся наркоминдел предлагал фактически обнажить перед всем миром "прокоммунистическую" сущность Декларации автономистов и Майского манифеста и подставить тем самым руководство ВМРО под огонь. В предложенном им тексте значились такие заявления, как: "Македонское революционное движение выступает таким образом с этого момента (имелось в виду заявление ВМРО от 15 марта 1924 г. – Р.Г.) в официальных изданиях ВМРО как борющееся и против болгарского, и против югославского правительств" [9. Ф. 04. Оп. 7. П. 61. Д. 831. Л. 44]. Это утверждение иначе как фальсификацией назвать, по моему мнению, нельзя, ибо в заявлении 15 марта лишь выражался протест против преследования македонских деятелей. Не менее безапелляционно звучал и такой пассаж в проекте Чичерина: "Целый ряд правительственных постов в Болгарии заняты лицами, принадлежащими к автономистскому македонскому течению; следует ожидать в этом вопросе реального осуществления разрыва между ВМРО и софийским правительством" [9. Ф. 04. Оп. 7. П. 61. Д. 831. Л. 44].

Именно в ключе подстегивания "македонских событий" был выдержан и последний пункт решения Политбюро от 19 июня, сыгравший на деле роковую роль в судьбе ВМРО да и всего македонского движения. Он гласил: "Декларацию македонских автономистов опубликовать за их подписью". Этот пункт был принят в нарушение дого-

воренностей с Александровым о необходимости согласования с ним времени публикации документа [6. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 38]¹.

Невольно приходит на ум текст, обнаруженный среди записей Коларова, сделанных им во время заседания Президиума ИККИ в феврале 1924 г. Документ представляет собой рукописный набросок на правильном русском языке и является, возможно, планом выступления одного из советских участников обсуждения болгарского вопроса. "1. Главное, – говорится в нем, – подготовка, как *политическая*, так и военная вооруженного восстания. ...6. Не толкать македонцев. 7. Иметь в виду две перспективы: 1) выступаем *обязательно* с македонцами; 2) выступаем *после*, когда македонцы скомпрометированы гср югослав. ...(одно слово неразборчиво. Р.Г.)..." [8. Ф. 3. Оп. 4. Д. 101. Л. 279 об]. Это косвенно подтверждает, что в Москве заблаговременно прорабатывалась комбинация с целью "подставы" и компрометации Александра как наиболее авторитетного в македонских кругах лидера, в случае если не удастся добиться его полной лояльности при осуществлении планов коммунистов. Весной 1924 г. выступить вместе с македонцами, как помним, коммунистам не удалось. Похоже, в июне большевистские деятели стали уповать больше на "вторую перспективу". Вот только выступить, как увидим далее, все равно не удалось.

На заседании Политбюро 19 июня вопрос о вооруженном восстании в Болгарии как будто ничего не приобрел в своем развитии. Но проявившаяся в начале 1924 г. тенденция к постепенному оттеснению на второй план идеи мировой революции не была преобладающей среди руководства РКП(б). V конгресс Коминтерна (17 июня – 8 июля 1924 г.) и сразу за ним начавшаяся VII конференция БКФ продолжали отстаивать воинственную революционную линию.

Выступая на VII конференции с отчетом о деятельности БКФ, Димитров так оценивал революционную обстановку на полуострове: "Лично мне наиболее важным представляется положение в Болгарии. Современное политическое положение в Болгарии не может продолжаться. Кризис все более и более обостряется. Существует пропасть между правящим классом, правительством и рабоче-крестьянскими массами. Движение становится с каждым днем все сильнее". И на основании этого своего представления обратился к конференции с просьбой "выработать точные директивы", поскольку БКП "остро нуждается в них" [6. Ф. 509. Оп. 1. Д. 39. Л. 12]. Речь шла, разумеется, о революционных директивах.

Примечательным было выступление на конференции Бухарина. Заявив, что недостаточно знаком с событиями в Болгарии, он тем не менее строил свое дальнейшее выступление, исходя из посылки о революционной обстановке на Балканах и о том, что "революция становится вопросом нынешнего дня". В ней Болгария якобы будет революционным центром, а Югославия – контрреволюционным; чтобы победить эту контрреволюцию, КПЮ должна правильно ставить национальный вопрос.

Бухарин специально остановился на национальном вопросе, считая, что "основными лозунгами и здесь должны быть по возможности самые радикальные: отделение, независимость всех республик и т.д., так как нам необходимо поддерживать национальные конфликты. Впоследствии разберемся, – надеялся он. – Прежде всего мы должны добиться гегемонии коммунистической партии. Что потом? Ну что же, остается снова обратиться к примеру Советской России, где коммунистическая партия едина и прекрасно руководит всеми независимыми республиками. То же произойдет и в Болгарии, если мы будем следовать этой политике. Самое необходимое – это иметь сильную коммунистическую партию, способную руководить республиками, как бы самостоятельны они ни были" [6. Ф. 509. Оп. 1. Д. 39. Л. 12–15].

¹ Последовавший за публикацией документа скандал, связанный с отказом Т. Александрова и А. Протогеровова от своих подписей, означал полную компрометацию лидеров ВМРО и перед болгарским правительством, и перед членами самой организации. В ходе состоявшихся выяснений отношений Александров был убит 31 августа. Во взаимонстребительной резне в начале сентября погибли десятки македонских деятелей.

Общими усилиями ультрареволюционно настроенные лидеры БКФ, при поддержке левацких деятелей РКП(б) и несмотря на сопротивление ряда делегатов компартий Югославии, Румынии, Греции, тянули конференцию влево, так что она в конце концов приняла резолюцию, уполномочившую Коларова и Димитрова обратиться в Политбюро ЦК РКП(б) для продвижения вопроса о восстании в Болгарии.

21 июля 1924 г., ссылаясь на эти полномочия, Коларов и Димитров озаботили своеобразным меморандумом Политбюро ЦК РКП – "крупнейшей и руководящей партии Коминтерна". Исходная позиция авторов состояла в признании неминуемости нового восстания в Болгарии. О ближайшем осеннем восстании, утверждали они, все говорят открыто и готовятся к нему; правительство Цанкова фактически имеет против себя буквально всю нацию.

Далее авторы в благоприятном для себя свете сообщали, на какие военные силы опирается в настоящее время правительство Цанкова и в каком направлении должна вести военную работу БКП. Специальный раздел был посвящен вопросу о том, какие перспективы болгарское восстание откроет с точки зрения международных отношений на Балканах. Во-первых, они ожидали, что "общие действия македонцев, кроатов и других против белградского правительства могут создать не только величайшие затруднения Югославии в деле интервенции (в объятую восстанием Болгарию. – Р.Г.), но и поставить само существование Югославии под угрозу распада" и тем, очевидно, нарушить непризнаваемую СССР Версальскую систему мирных договоров. Во-вторых, (еще одна "затравка" для руководства СССР) авторы выражали надежду, что в случае низвержения правительства Цанкова возникнет "возможность для нас замаскировать рабоче-крестьянское правительство формальным преобладанием в нем крестьянских левых элементов при условии сохранения аппарата власти и вооруженной силы в руках рабочего класса и его партии". Далее следовал тезис о выгоды "такого прикрывающего диктатуру пролетариата правительства", что, несомненно, было подыгрыванием Зиновьеву, выступившему на V конгрессе Коминтерна с тезисом о рабоче-крестьянском правительстве как синониме диктатуры пролетариата.

Авторы меморандума считали невозможным для БКП уклониться от приближающегося боя, как и остаться пассивными. "И Коминтерн, – утверждали они, – не может предоставить решение судеб болгарской революции фаталистическому развитию событий". Далее был поставлен вопрос: "Выгодна ли Коминтерну и РКП в нынешний период консолидации международной реакции та сумятица, которую вызовет болгарское восстание на Балканах?", подразумевая положительный ответ на него.

Меморандум кончался просьбой к Политбюро. Она, как и ее тональность, весьма выразительны, поэтому приведем эту часть документа целиком. Итак, Коларов и Димитров просили Политбюро ЦК РКП(б):

"1. Дать твердую директиву всем органам как партийным, так и советским, в частности, Комиссии под председательством т. Чичерина. – Р.Г.), объединяющей деятельность всех этих органов в деле помощи Болгарской революции, держать курс на болгарское восстание со всеми вытекающими отсюда политическими и военнотехническими последствиями. Неопределенности, которая наблюдалась до сих пор в работе соответствующих органов, должен быть положен конец.

2. Делегировать на Балканы группу ответственных политических работников из РКП для усиления работы руководящих органов на Балканах и при непосредственном участии которых должен быть налажен контакт со всеми революционными организациями на Балканах в целях общего выступления.

3. Делегировать на Балканы группу военных работников, способных участвовать в подготовке и руководстве движением с военно-технической точки зрения.

4. Усилить работу по разложению врангелевцев.

5. Усилить материальную и техническую помощь, размеры которых должны быть установлены Комиссией в кратчайший срок.

Остальные практические мероприятия должны быть разработаны Комиссией, в которую желательно делегировать представителя Политбюро.

При разбирательстве этого меморандума просим пригласить т.т.: Чичерина, Фрунзе, Уншлихта, Мануильского, Милютина, Трилисера, Пятницкого" [5. Д. 91. Л. 24–26].

24 июля Политбюро постановило создать комиссию в составе М.В. Фрунзе, Ф.Э. Дзержинского и Л.Д. Троцкого, которая должна была "подробно ознакомиться с положением дел в Болгарии и с предложениями, вносимыми представителями БКП" [6. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 11]. Таким образом, к проблеме вооруженного выступления в Болгарии был привлечен новый круг большевистских руководителей, более высокого партийного и государственного уровня, считавшихся квалифицированными военными специалистами. И уже 29 июля Политбюро утвердило новую резолюцию по болгарскому вопросу, предложенную этой комиссией.

Резолюция от 29 июля, выполненная в единственном экземпляре в виде приложения к протоколу заседания Политбюро ЦК РКП(б), совершенно изменяла планы руководства БКП. Само Приложение было подписано непосредственно Дзержинским, Троцким и Фрунзе, что позволяет предположить, что детально оно не обсуждалось на заседании Политбюро, очевидно, целиком положившегося на мнение авторитетных товарищей. В первом и главном пункте резолюции говорилось: "Признать, что до укрепления партии на железных дорогах, на почте и телеграфе, в армии и в деревне партия не может ставить себе вооруженного восстания в качестве неотложной практической задачи текущей осенью". Но далее резкость первых фраз смягчалась уклончивыми выражениями. Так, хотя международная обстановка была определена как наименее благоприятная для восстания, выражалась надежда, что ситуация на Балканах "будет изменяться, вероятнее всего, к лучшему". Несмотря на туманность формулировки, революционная перспектива таким образом не снималась. Наоборот, перед БКП ставилась задача усиленной и всесторонней политической, организационной и технической подготовки вооруженного восстания и захвата власти рабоче-крестьянским блоком под руководством коммунистической партии. "Именно к этому, – говорилось в документе, – нужно вести крестьян, удерживая их от преждевременных вооруженных выступлений и разъяняя им, что победа мыслима только в теснейшем союзе с рабочим классом, которому предстоит вести борьбу в городах, центрах правительственной власти, и которому поэтому необходимо всесторонне подготовиться к этой борьбе" [5. Д. 91. Л. 13].

В заключение составители резолюции попытались подробнее объяснить свою позицию, говоря, что Политбюро исходит из тех соображений, что БКП, жестоко пострадавшая в результате Сентябрьского восстания, еще не успела восстановить свой организационный аппарат и создать для себя опорные пункты в тех областях, которые имеют решающее значение для исхода восстания. Подготовиться к руководящему не только политическому, но и организационно-боевому участию в восстании, по их мнению, вряд ли возможно в течение одного или даже двух-трех месяцев. "В этом смысле, говорилось в документе, мы высказываемся за то, чтобы партия применяла необходимые меры для оттяжки восстания примерно до весны следующего года, прикрывая свою напряженную подготовительную работу ответственными политическими маневрами". Признавая далее, что изменение обстоятельств может поставить вопрос "о скорейшем открытии революционных действий", Политбюро требовало: "Но до наступления такого рода событий, которые подлежали бы особой оценке, наша болгарская партия должна руководствоваться директивами, изложенными в настоящей резолюции" [5. Д. 91. Л. 14].

При столь безапелляционной тональности последних слов Коларову и Димитрову не оставалось ничего другого, как согласиться. Сообщая об этом в письменном заявлении в Политбюро ЦК РКП(б) 29 июля и подтверждая в нем, что БКП имеет ясное представление о тяжелых последствиях в случае нового поражения вооруженного восстания в Болгарии и поэтому "авантюры не сделает и без достаточной и всесторонней подготовки призыва к массам к восстанию не отправит", Коларов и Димитров не преминули упомянуть, что в резолюции Политбюро признается быстрое

назревание кризиса в Болгарии, что допускает "возможность в течение развивающихся событий принять новое решение" и подчеркивает необходимость усиленной политической, организационной и военно-технической подготовки [5. Д. 91. Л. 27].

Новая возможность остановиться и отказаться от мало чем обеспеченного курса на вооруженное восстание при фактическом отказе СССР от всеобъемлющей помощи оказались проигнорированной Коларовым и Димитровым, что, очевидно, было в рамках их тогдашних левацко-авантюрных умонастроений.

На заседании Политбюро 29 июля было также принято решение о ликвидации "ранее существовавших комиссий по болгарскому вопросу" и об учреждении новой комиссии под председательством Фрунзе, куда вошли опять-таки Чичерин, Трилиссер, Пятницкий, Уншлихт и Коларов, а также новый член – Д.З. Мануильский. Последний вместе с "группой товарищей" был откомандирован в распоряжение ИККИ специальным постановлением Политбюро еще 19 июня 1924 г. [6. Ф. 17. Оп. 3. Д. 444. Л. 8]. Состав комиссии, оставшийся в основе прежним, был таким образом расширен и укреплен. Ему предстояло действовать в дальнейшем: курс на вооруженное восстание в Болгарии после всех обсуждений в Москве в июне–июле 1924 г. окончательно снят не был и в той или иной степени продолжал осуществляться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Косев Д.* Выступление в дискуссии // Известия на Института по истории на БКП. София, 1969. Т. 20.
2. *Косев Д.* Положението в България и проблемът за курса на БКП след Септемврийското въстание през 1923 г. (до април 1925 г.) // Известия на Българското историческо дружество. София, 1970. Т. 27.
3. *Гришина Р.П.* Сентябрьское восстание 1923 г. в Болгарии в свете новых документов // Новая и новейшая история. 1996. № 5, 6.
4. *Гришина Р.П.* Формирование взгляда на македонский вопрос в большевистской Москве. 1922–1924 гг. (По документам российских архивов) // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999.
5. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 20.
6. Российский государственный архив социально-политической истории.
7. БКП в резолюции и решения. София, 1957. Т. 2.
8. Централен държавен архив (София).
9. Архив внешней политики РФ.
10. *Колпакиди А.И., Прохоров Д.* Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. М., 2000. Кн. 2.
11. Российский государственный военный архив. Ф. 33998. Оп. 2. Д. 444.
12. Славяноведение. 1994. № 5.
13. Документы внешней политики СССР. М., 1962. Т. IV.
14. *Головко В.А., Станчев М.Г., Чернявский Г.И.* Между Москвой и Западом. Дипломатическая деятельность Х.Г. Раковского. Харьков, 1994.
15. *Василев В.* Майският манифест на ЦК на ВМРО от 1924 г. – обстановка, преговори и последици // Исторически преглед. София, 1980. № 5.
16. *Даскалов Д.* В. Коларов и Г. Димитров и революционните събития в България. 1923–1925 гг. София, 1978.
17. *Димитров Г.* Съчинения. София. 1989. Т. 16.

КРУГЛЫЙ СТОЛ "НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939 год): СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ"*

27 января 2000 г. в Институте славяноведения РАН (ИС РАН) после многолетнего перерыва, состоялся "круглый стол", посвященный проблемам кануна и начала Второй мировой войны¹, а именно событиям 1939 г., организованный Отделом истории славянских народов периода мировых войн. Потребность в его проведении была продиктована рядом причин, среди которых выделю основные.

Прежде всего серьезным побудительным мотивом явилась ситуация, сложившаяся в последнее десятилетие в отечественной историографии проблем 1939 г. Нельзя сказать, что их разработка не ведется, выходят в свет книги [2], (среди самых последних – "Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.", подготовленная в ИС РАН [3]), появляются статьи, официальные документальные публикации [4; 5]². Вместе с тем вся эта работа, особенно в последние годы, носит в значительной степени спорадический характер, осуществляется вне рамок продуманной общей концепции, которая основывалась бы на результатах, достигнутых мировой исторической наукой, и дополнялась отечественными исследованиями последнего десятилетия, базирующимися в основном на ставших доступными архивных материалах. Подобная несоординированность работы ведет к неизбежным издержкам, связанным с распылением усилий немногочисленных историков, занимающихся проблемами 1939 г. Как правило, они настолько увлечены поиском новых документов, что не замечают или не хотят замечать, над чем работают их коллеги³. В появляющихся публикациях редко можно встретить ссылки на работы других историков, не говоря уже о полемике с ними. Не удивительно, что в подобной обстановке ушли в прошлое и дискуссии специалистов по проблемам 1939 г. [8], ставшие одним из важных этапов деидеологизации исторической науки. И это отнюдь не свидетельство господствующего единодушия, а нечто, имеющее скорее отношение к научной этике.

Не может не беспокоить и то, что подготовка и издание документов, относящихся к предыстории Второй мировой войны, не являются объектом усилий отдельных групп исследователей, а отданы на откуп официальным организациям, что отнюдь не лучшим образом влияет на характер публикуемых документов.

* Автор благодарит канд. ист. наук Е.П. Серапионову, д-ра ист. наук А.Л. Шемякина и аспиранта ИС РАН А.А. Силкина за информационное обеспечение публикации.

¹ Ряд "круглых столов" на эту тему был проведен в 1988–1989 гг., дав толчок серии сборников [1], подготовленных тогдашним Сектором истории международных отношений.

² Первый в отечественной историографии серьезный анализ XXII тома серии "Документы внешней политики", посвященного 1939 г., см. в рецензии В.П. Софронова [6].

³ На этом фоне заметно выделяется монография М.И. Мельтюхова [7], представляющего свое видение внешней политики Сталина во второй половине 1930-х – начале 1940-х годов, но при этом создающего представление практически обо всех основных позициях отечественных историков по рассматриваемой им проблеме.

Разобщенность отдельных исследователей и их усилий по разработке конкретных проблем, связанных с переломным в истории человечества 1939 годом, несомненно, не может не сказываться на результатах работы, уровне анализа нового материала. К тому же, многие важные проблемы вообще остаются вне поля зрения историков, чего скорее всего можно было бы избежать при координации их усилий.

Все это вместе взятое и побудило вновь обратиться к такой форме обмена мнениями между специалистами по наиболее важным и по-прежнему дискуссионным проблемам 1939 г. как "круглый стол". Правда, в отличие от "круглых столов" 10–12-летней давности, которые отличались большой публичистичностью и высоким эмоциональным накалом, стремлением буквально выплеснуть ранее закрытую информацию, на этот раз ставилась иная задача. Речь должна была идти о конструктивном обмене мнениями по строго очерченному кругу проблем, степени их разработанности в отечественной и зарубежной историографии, о введении в научный оборот новых документов, о творческих планах участников дискуссии и т.п. С этой целью заранее были намечены четыре ключевые дискуссионные проблемы (Советский Союз, Восточная Европа и предвоенный политический кризис; англо-франко-советские переговоры: была ли реальная перспектива?; советско-германский пакт и Мюнхенское соглашение: общее и особенное; советско-германское сотрудничество осенью 1939 г.) и докладчики. После каждого из сообщений состоялась часовая дискуссия с участием всех присутствующих (более 40 человек из различных институтов РАН и университетов). Нижеследующие заметки, не претендуя на полноту, преследуют своей целью не только передать основное содержание произошедшего обмена мнениями, но и критически оценить их, т.е. в известной степени "продолжить начатый разговор", а также поделиться впечатлениями как о замысле "круглого стола", так и о его содержании.

Первым с сообщением на тему "Советский Союз, Восточная Европа и предвоенный политический кризис" выступил директор ИС РАН чл.-корр. и проф. *В.К. Волков*. Он начал с характеристики мировой историографической ситуации, отметив, что интерес исторической науки к генезису Второй мировой войны, хотя и несомненно уменьшившийся, по-прежнему сохраняется, о чем свидетельствуют новые публикации книг и особенно статей в научных журналах, основывающиеся на широкой документальной базе. Вместе с тем сегодняшнее положение серьезно отличается от предшествующих десятилетий, особенно от периода 1950–1970-х годов, когда стали доступны архивы, и в научный оборот были введены основные массивы документов многих стран, в том числе большинства ведущих "игроков" на международной арене предвоенной эпохи. Все это открыло исключительно благоприятные возможности для исследователей, позволившие создать немало по-настоящему крупных трудов о предыстории Второй мировой войны.

Перейдя к характеристике атмосферы, в которой происходило в конце 1980-х годов обсуждение вопросов, связанных с советско-германским договором о ненападении 1939 г., *В.К. Волков* отметил, что определенные политические круги в Прибалтике и в Москве, а также группы радикально настроенных интеллигентов использовали накал эмоций в попытках дискредитации сталинского руководства, разоблачения его закулисных маневров и т.д. Одновременно по решению II Съезда народных депутатов была создана специальная комиссия по изучению комплекса вопросов, связанных с договором 23 августа 1939 г. во главе с *А.Н. Яковлевым*, собравшая огромный материал, дальнейшая судьба которого неизвестна. Правда, в последующие годы МИД продолжил выпуск серии "Документы внешней политики СССР", вобравшей очень интересные документы и доведя ее до 22 июня 1941 г. [9]. В свою очередь международный фонд "Демократия" подготовил двухтомник "1941 год" [10], содержащий немало документов предшествующего периода. Однако, несколько уточнил свою мысль докладчик, как опубликованные документы, так и те из них, что вводятся в научный оборот исследователями, не дают оснований для надежд на какие-либо "открытия",

способные сколько-нибудь существенно изменить наши представления о предыстории Второй мировой войны.

Это, разумеется, не означает, что проблема генезиса величайшего конфликта XX в. исчерпана. По мнению В.К. Волкова, несомненно перспективными являются новые концептуальные подходы в изучении происхождения Второй мировой войны. Сама история межвоенного двадцатилетия, сопровождавшаяся массой самых различных радикальных изменений в системе международных отношений, стала своего рода лабораторией для изучения многих методологических и теоретических построений. Речь идет, например, о разработке проблемы зарождения, развития и кризиса Версальской системы международных отношений, обладавшей как общими для большинства систем международных отношений, так и специфическими, присущими только Версальской системе закономерностями: блокообразованием, союзоспособностью государств, входящих в нее и соприкасающихся с ней, внутренней перестройкой и кризисными фазами развития, которые периодически сотрясали систему, начиная с Рапалльского кризиса и кончая кризисом 1939 г.

В этой связи небезынтересно, особенно принимая во внимание специализацию ИС РАН, рассмотреть, как в рамках этой глобальной системы международных отношений (начиная с Первой мировой войны есть все основания вести речь именно о глобализации международных отношений) развивался регион Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), включивший в себя ряд независимых государств, возникших после распада Австро-Венгерской и Российской империй. Это особенно важно, потому что именно данному региону было суждено сыграть огромную роль в вырезании Второй мировой войны. Именно с этим регионом были связаны основные международные кризисы в межвоенный период, что предполагает более глубокое изучение всего комплекса проблем, так или иначе относящихся к Центральной и Юго-Восточной Европе.

Далее докладчик перешел к вопросу, выходящему за рамки обсуждаемой проблемы, хотя и несомненно с ней связанному, а именно – отправной или переломной точке в международном развитии на пути ко Второй мировой войне. Вопрос этот на протяжении многих десятилетий серьезно дебатировался в западной историографии, которая предложила большой набор ответов на него в широком диапазоне от Версальского мирного договора, мирового экономического кризиса, прихода к власти Гитлера до нападения Японии на Маньчжурию в 1931 г., Абиссинского кризиса, "большого террора" Сталина и даже стремления западных демократий к миру [11]. Как известно, советская историография в духе известной сталинской схемы сводила все к двум "очагам войны" – милитаристской Японии и нацистской Германии, как основным вехам на пути ко Второй мировой войне.

Концепция, предложенная В.К. Волковым, сводится к следующим положениям. Переломным в развитии кризиса системы международных отношений и вехой на пути к войне был 1936 г. Это объясняется обилием важных событий, произошедших в этом году: германо-австрийский договор об особых отношениях; создание Антикоминтерновского пакта; на первый взгляд второстепенное событие, но отразившее серьезные изменения в Центральной и Юго-Восточной Европе – падение правительства Н. Титулеску в Румынии; поворот в германо-польских отношениях, выразившийся в сближении Ю. Бека с Гитлером⁴; начало гражданской войны в Испании, подтолкнувшей систему международных отношений к трансформации в нужном для Берлина направлении; нарастание широкомасштабного террора в СССР. Если объединить эти события под углом зрения их влияния на существовавшую систему международных отношений, то станет очевидно, что именно здесь произошел перелом, началось дви-

⁴ В 1936 г., на мой взгляд, не произошло никакого дальнейшего сближения между Германией и Польшей, хотя бы несколько углублявшего достигнутое в ходе подписания пакта о ненападении от 26 января 1934 г. Положение национальных меньшинств в обеих странах по-прежнему отягощало отношения между Варшавой и Берлином [12].

жение по пути к мировой войне. По мнению докладчика, эти процессы не осмыслены в нашей историографии, да и вообще не затрагивались в исторической литературе⁵.

В.К. Волков затронул также вопрос о роли Советского Союза в развитии кризиса международной системы. По его мнению, массовые чистки в СССР, в том числе среди высшего партийного, государственного и военного руководства, подробно освещавшиеся и комментировавшиеся печатью на Западе, самым серьезным образом сказались на отношении многих европейских государств к договорам, заключенным ими с Москвой. Не следует забывать и о личном восприятии страны "большого террора" государственными и политическими деятелями мира, и без того в своем подавляющем большинстве не питавшими особо теплых чувств к "цитадели мирового коммунизма". Среди договоров, которым массовые эксцессы в Советском Союзе нанесли особенно заметный ущерб, – советско-чехословацкий и советско-французский 1935 г. В конечном счете, союзоспособность СССР была самим советским руководством доведена практически до нуля. Уже в ходе кризиса 1938 г. вокруг Чехословакии в дипломатических кругах проговаривался вопрос об эвентуальном пропуске Красной армии через территории сопредельных государств – Польши и Румынии – на помощь Праге, если в этом возникнет необходимость. Разумеется, ответ на этот вопрос мог быть только отрицательным. Советская да и российская историография объясняли причины отказа боязнью руководства этих стран перед большевизацией и т.п. Действительно боялись, но помимо этого, кто же разрешит пропуск, т.е. даже кратковременное присутствие на своей территории, войск такого государства, в котором уничтожаются носители государственности, политической системы, идеологии и т.д.

Под влиянием всех этих событий в отношениях между Советским Союзом и восточноевропейскими странами произошел, как считает В.К. Волков, гигантский перелом. Последние фактически оказались изолированы, раздираемы серьезными противоречиями и зажаты между Германией и СССР. Любые изменения на международной арене, особенно с участием Берлина или Москвы, моментально отражались на положении стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Так, после Мюнхенского соглашения распался блок восточноевропейских государств – Малая Антанта. Балканский пакт тоже превратился в пустышку. Таким образом, когда фашистская Германия стала разворачивать ширококомасштабную экспансию на континенте, все договорно-правовые отношения, связывавшие страны ЦЮВЕ, фактически превратились в труху.

В связи с подобным развитием в восточноевропейском регионе, отмечает В.К. Волков, возникает еще один чрезвычайно интересный вопрос общего плана. Известно, что система международных отношений – это саморегулирующийся организм, в конечном счете всегда достигающий известного баланса, равновесия сил. Во второй половине 1930-х годов это равновесие было резко нарушено в результате стремительного возрастания военной мощи нацистской Германии, с одной стороны, и заметного отставания в военной сфере Англии, Франции и Советского Союза – с другой. Причем если западные державы отставали от третьего рейха под влиянием серьезных, но достаточно ординарных издержек внутренней и внешней политики (внутриполитической нестабильности во Франции и курса на "умиротворение" держав фашистского блока в ведущей в этом тандеме Великобритании), то отставание в военной области СССР являлось следствием не только общей материально-технической отсталости, но прежде всего результатом экстраординарной внутренней политики сталинского режима, массовых репрессий в стране, которые с особой силой обрушились на высший командный состав и офицерский корпус Красной армии. В ходе репрессий второй половины 1930-х годов Сталин уничтожил больше офицеров

⁵ Еще в середине 1960-х годов была опубликована статья западногерманского историка, посвященная кризису международной системы в 1936 г. [13], однако высказанные в ней положения, по существу, не получили поддержки со стороны других ученых. См. также крупное исследование американского историка Г. Уайнберга, рассматривавшего новации, привнесенные внешней политикой третьего рейха в 1933–1936 гг., как "дипломатическую революцию" в Европе [14].

и генералов Красной армии, чем Советский Союз потерял в годы Великой Отечественной войны. Все это в совокупности указывает на то, сколь сложен и многогранен был процесс, связанный с возникновением Второй мировой войны.

В заключение В.К. Волков обратил внимание на то обстоятельство, что существует немало проблем, затрагивающих предысторию Второй мировой войны, которые все еще не осмыслены. Поэтому дальнейшее продвижение в изучении ее генезиса должно быть связано не столько с привлечением нового материала, сколько в новых подходах к исследованию уже введенного в научный оборот. Не менее важно еще раз вернуться и к тем вопросам, которые считались давно решенными, попытаться взглянуть на известные факты с позиций не только более разностороннего знания о предмете, но и более объемного, в том числе и нетрадиционного, его видения.

Выступление В.К. Волкова вызвало оживленную дискуссию, особенно в связи с его тезисом о 1936 г. как переломном в истории предвоенных международных отношений.

Д-р ист. наук, проф. *В.П. Смирнов* (МГУ), не согласившийся с В.К. Волковым, полагает, что эрозия Версальской системы международных отношений началась еще в 1925 г., когда были заключены Локарнские соглашения, а поворотным пунктом в развитии международной обстановки в Европе стал приход Гитлера к власти в 1933 г., тогда как начало предвоенного политического кризиса связано с событиями 1938 г.

Схожей позиции придерживается и проф. *Э. Дурачинский* (постоянный представитель Польской АН в Москве при Российской АН), считающий, что отсчет процесса ломки Версальской системы международных отношений, имевшей для Польши большое положительное значение, следует начинать с Рапальского договора (1922 г.). 1933 г. был переломным не только в истории Германии, но и для международных отношений в целом. Однако решающую роль на пути ко Второй мировой войне сыграл, несомненно, 1938 год (аншлюс Австрии и Мюнхенское соглашение).

Л.Я. Гибанский (ИС РАН) поставил вопрос о необходимости найти четкие дефиниции самой Версальской системы международных отношений, в частности, определив ее взаимоотношения с СССР: являлся ли последний частью этой системы или нет? По его мнению, ключ к пониманию предвоенного политического кризиса – 1938 год, когда фактически рухнула вся система международных отношений.

Д-р ист. наук *Н.С. Лебедева* (Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН) считает, что многое, из-за чего в дискуссии ломаются копыя, связано с терминологическими неточностями. Предвоенный политический кризис – это кризис, который непосредственно предшествовал началу Второй мировой войны, т.е. с 15 марта 1939 г. до 1 сентября 1939 г. Другое дело – кризисные явления, которыми были затронуты международные отношения в целом. Однако здесь имели место существенные региональные или, точнее, континентальные различия. Поэтому выделять в качестве переломного какой-то год для всей системы международных отношений было бы неправильно. Что касается Европы, то для нее перелом наступил в ходе первой насильственной акции фашистской Германии по отношению к суверенному государству – Австрии в марте 1938 г.

Д-р ист. наук *И.В. Михутина* (ИС РАН) выразила несогласие с тем, что союзоспособность СССР в 1936 г. была равна нулю, принимая во внимание заключенные годом ранее договоры с Францией и Чехословакией. По ее мнению, переломным моментом на пути ко Второй мировой войне стал аншлюс Австрии в марте 1938 г.

Канд. ист. наук *В.В. Малай* (ИВИ РАН) также поставила под сомнение утверждение о нулевой союзоспособности Советского Союза в период до начала "Большого террора". Британские архивные документы свидетельствуют, что в Лондоне в 1936 г. по-прежнему присматривались к СССР, и однозначное мнение об эвентуальной политике по отношению к нашей стране в Форин оффис еще не сформировалось. Поэтому говорить об изоляции Советского Союза как результате целенаправленной политики западных держав можно только с конца 1937 г.

Д-р ист. наук, проф. *Г.Ф. Матвеев* (МГУ) обратил внимание на генетические слабости Версальской системы международных отношений, только частично воплощенной на практике теоретические построения президента США В. Вильсона. Поскольку право наций на самоопределение не было реализовано в межвоенной Европе, то созданная в Версале международная конструкция подверглась очень серьезному испытанию и фактически была обречена не из-за политических противоречий, а в результате межнациональных конфликтов. Г.Ф. Матвеев оценил Мюнхенский договор как зафиксировавший в межгосударственном соглашении признание права наций на самоопределение, а Гитлера – как впервые на международной арене добившегося реализации этого права для судетских немцев⁶. Подобные, мягко говоря, не совсем обычные для российских историков оценки политики третьего рейха, основывающиеся не в последнюю очередь как на формально-односторонней интерпретации произошедшего, так и на принятии на веру публичных заявлений Берлина, сделанных для оправдания его агрессивных действий, не вызвали интереса у участников "круглого стола".

Канд. ист. наук *С.З. Случ* (ИС РАН) напомнил, что развитие международной обстановки на Европейском континенте во второй половине 1930-х годов в решающей степени находилось под влиянием политики третьего рейха. Поэтому решения, которые принимались в Берлине, оказывали серьезное влияние на политический климат в Европе. В этой связи этапным моментом в развитии внешней политики нацистской Германии, а тем самым и международной обстановки в целом, стало совещание в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 г. На нем Гитлер выступил с программным заявлением о переходе рейха к политике территориальной экспансии уже в обозримой перспективе. Произшедшая на протяжении 1938 г. резкая динамизация внешней и внутренней политики Германии в решающей степени связана именно с этим выступлением фюрера [16].

В заключительном слове *В.К. Волков* постарался ответить на возникшие в ходе дискуссии вопросы и возражения. Он подчеркнул, что Версальская система международных отношений не могла быть устойчива без Германии и Советской России. Ее кризисными точками были Рапалльский договор, Локарнские соглашения, а также заключение в 1933 г. "пакта четырех" (Англии, Франции, Италии и Германии)⁷. Общий же кризис Версальской системы проявился, по его мнению, именно в 1936 г., а его наиболее значимыми составляющими были: ремилитаризация Рейнской области, конференция в Монтрё и ее решения о режиме проливов, начало Гражданской войны в Испании и вмешательство в нее других держав, принятие Германией "четырёхлетнего плана" подготовки страны к войне, отстранение в Румынии от власти министра иностранных дел Н. Титулеску и, наконец, подписание Антикоминтерновского пакта. Что же касается предвоенного политического кризиса, то точкой отсчета здесь является март 1939 г. – оккупация Чехии.

Как показала дискуссия по другим сообщениям, представленным на "круглом столе", интерес к тезисам *В.К. Волкова* не был в полной мере исчерпан, хотя далеко не все его аргументы показали участникам убедительными, особенно в том, что касается роли 1936 г. в генезисе Второй мировой войны. И это не удивительно, принимая во внимание, что мотором, движущей силой процесса, который неуклонно приближал мир к войне, прежде всего являлась политика нацистского рейха, политика Гитлера. Действительно, 1936 г. был ознаменован двумя важными событиями в процессе динамизации этой политики: восстановлением полного суверенитета Германии над ее территорией, определенной Версальским мирным договором, в ходе

⁶ Эта концепция, как правило, представлена в работах праворадикальных историков, пытающихся оправдать агрессивную политику нацистской Германии. См., например [15].

⁷ Этот пакт, как известно, хотя и подписанный всеми его участниками, не вступил в силу, так как не был ратифицирован ни Францией, ни Германией, и уже только по этой причине не мог быть "кризисной точкой" в развитии международных отношений [17].

введения частей вермахта в демилитаризованную часть Рейнской области [18] и издание Гитлером меморандума по "четырёхлетнему плану" подготовки германской экономики к войне [19]. При этом первое из них представляло собой по существу последнюю важную внешнеполитическую акцию третьего рейха в процессе ненасильственной ревизии Версальского договора. Второе – этапный момент в процессе перевода экономики Германии на военные рельсы, последствия которого в 1936 г. были далеко не очевидны. Все это свидетельствует о том, что 1936 г. представлял собой несомненно важный, но все-таки отнюдь не переломный этап в развитии внешней политики нацистской Германии, а тем самым и международных отношений межвоенного периода в целом.

В проблемно-постановочном выступлении В.К. Волкова целый ряд конкретных вопросов, непосредственно связанных с заявленной темой "Советский Союз, Восточная Европа и предвоенный политический кризис", не был затронут. Прежде всего это касается оценки того места, которое занимал восточноевропейский регион в политических расчетах Кремля в период его активного сближения с нацистской Германией. Хотя В.К. Волков был единственным из докладчиков, кто уделил внимание положению в историографии проблемы, однако данные им ее характеристики носили общий характер, а оценки были размыты.

С сообщением на тему "Англо-франко-советские переговоры: была ли реальная перспектива?" выступил научный руководитель Центра истории войн XX века ИВИ РАН д-р ист. наук, проф. О.А. Ржешевский. Его эмоционально окрашенный доклад был сконцентрирован на англо-франко-советских военных переговорах в августе 1939 г., хотя заявленная для обсуждения тема звучала шире.

По мнению О.А. Ржешевского, в череде насыщенного событиями 1939 г. англо-франко-советские переговоры по-прежнему привлекают особо большое внимание историков потому, что от хода и исхода этих переговоров, в конечном счете, зависело дальнейшее развитие событий, в том числе и то, будет заключен советско-германский договор или нет. В сегодняшней российской историографии существует на этот счет немало версий, в основе которых лежат не понятийные расхождения, а сугубо политические, так как, по утверждению О.А. Ржешевского, история была и всегда будет наукой политической, отстаивающей определенные ценности, трансформирующиеся в определенные утверждения. Среди них, например, такие: СССР вел эти переговоры с западными державами чисто формально, поскольку в Кремле уже было все решено относительно заключения договора с Германией; советская военная делегация, получив распоряжение Сталина, оформленное в виде записки А.Н. Поскребышева Е.Е. Ворошилову следующего содержания "Клим, Коба сказал, чтобы ты кончал эту шарманку" [20], якобы преждевременно прервала военные переговоры. Все это, по мнению докладчика, разумеется, лишь версии, и только имеющиеся документы могут служить ориентиром для тех или иных научных выводов, в том числе и в ходе проходящей дискуссии.

За последние годы стал известен только один новый документ, имеющий принципиальное значение для оценки хода и исхода англо-франко-советских военных переговоров в Москве. Речь идет об инструкции главе советской военной делегации маршалу Ворошилову на ведение этих переговоров [5. Кн. 1. С. 584.]. По мнению О.А. Ржешевского, эта инструкция позволяет сделать два вполне определенных вывода. Во-первых, она свидетельствует, что советское руководство сомневалось в позиции Англии и Франции, в их готовности заключить военную конвенцию. Во-вторых, СССР, со своей стороны, был готов к заключению этой конвенции и стремился к этому на вполне определенных условиях, но не на основе сформулированных лишь в общей форме обязательств, которые ему ничего не давали.

В ходе переговоров военных миссий все сконцентрировалось на одном вопросе: пропустит ли Польша советские войска на свою территорию в случае немецкой агрессии против нее. Это требование советской делегации, обращенное к западным державам и Польше, было, с военной точки зрения, совершенно обоснованно, так как

диктовалось необходимостью своевременно войти в непосредственное соприкосновение с вермахтом. Наличие у поляков и у руководства западных держав опасений относительно возможной в этом случае большевизации Польши, ее захвата Красной армией и т.д. необходимо, по утверждению докладчика, отнести к категории политических спекуляций, ибо речь шла о вопросе большой стратегии, т.е. строго военной проблеме. Для всякого зреломыслящего человека и сегодня совершенно очевидно, что СССР не должен был дожидаться, пока немецкая армия подойдет к западной советской границе, а выдвинуть свои войска навстречу германским.

Хорошо известно, продолжал О.А. Ржешевский, чем закончились военные переговоры Советского Союза с западными державами. Польское правительство официально заявило, что оно против любых военно-политических соглашений с Москвой и категорически против пропуска советских войск через свою территорию. Из не так давно опубликованных французских документов стало известно, что позиция французской военной делегации была ясной и четкой. Французы понимали, что вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши является кардинальным, без него не может быть заключена военная конвенция. Поэтому французская делегация приложила максимум усилий для того, чтобы подтолкнуть польское руководство к какой-то форме согласия с советскими требованиями, позволившего Западу хотя бы продолжить переговоры в Москве. О позиции французской делегации свидетельствует и то, что ее телеграммы в Париж возымели действие: премьер-министр Э. Даладье прислал главе делегации генералу Ж. Думенку полномочия на подписание военной конвенции. Однако англичане и поляки молчали, и на этом переговоры военных миссий завершились.

Возникает вопрос, отмечает О.А. Ржешевский, хотя он и относится к области виртуальной истории: была ли возможность заключения военного соглашения между СССР и западными державами в августе 1939 г.? По мнению докладчика, шансов на заключение такого соглашения в то время не имелось. Это объясняется, прежде всего, позицией Великобритании, которая продолжала вести сложную интригу на международной арене, в основном заботясь о собственной безопасности. Обеспечение последней связывалось в Лондоне с подталкиванием германской экспансии в восточном направлении, которое было главным в политике фашистского руководства, т.е. против Советского Союза. Это обстоятельство и сделало невозможным военный союз между тремя державами в конце лета 1939 г. Вместе с тем, утверждает О.А. Ржешевский, Ворошилов оказался прав, когда он сказал 26 августа, что переговоры могут быть продолжены, и они будут продолжены⁸. На сегодняшний день мы уже располагаем совершенно конкретными документами о том, что действительно англо-советские переговоры были продолжены, но уже по английской инициативе, в октябре 1939 г.⁹, сразу после заключения 28 сентября советско-германского договора о дружбе и границе.

Заканчивая выступление, О.А. Ржешевский заметил, что в сложной обстановке лета 1939 г., когда параллельно шли не только советско-германские, но и англо-

⁸ По-видимому, О.А. Ржешевский имеет в виду заявление Ворошилова, сделанное им 25 августа в ходе прощальной аудиенции с главами английской и французской военных миссий. Оно, как явствует из сделанной записи, носило чисто дипломатический характер, отражало своего рода стремление хозяина, указывающего на дверь своим гостям, несколько смягчить не очень приятную, но предусмотренную протоколом процедуру прощания. "К сожалению, – заявил Ворошилов, – нам на этот раз не удалось договориться. Но будем надеяться, что в другое время наша работа будет носить более успешный характер" (5. Кн. 2. С 595–596. Прм. 192).

⁹ Действительно, на протяжении октября 1939 г. И.М. Майский неоднократно встречался с британскими политиками, в том числе с главой внешнеполитического ведомства Э. Галифаксом, который выразил озабоченность состоянием англо-советских отношений и предложил в целях их улучшения начать "переговоры по вопросам торговли" (см. телеграмму Майского в Наркоминдел от 16 октября 1939 г. [5. Кн. 2. С. 190]). Предложений о каких-либо других переговорах с английской стороны не поступало.

германские переговоры, для него остается совершенно не проясненным один исторический факт, а именно: действительно ли происходила во второй половине августа подготовка полета Геринга в Англию, решение о котором Гитлер отменил сразу же, как только получил послание Сталина с согласием на приезд Риббентропа в Москву 23 августа. В ходе состоявшегося в сентябре 1999 г. в Берлине заседания российско-германской комиссии историков, приуроченной к 60-летию начала Второй мировой войны, он задал этот вопрос немецким коллегам, но не получил на него ответа.

Прежде чем началась дискуссия по докладу О.А. Ржешевского, ему был задан ряд вопросов.

Вопрос: Прошло 10 лет, как вышла книга "1939 год: Уроки истории", первая крупная работа эпохи перестройки, посвященная событиям кануна Второй мировой войны, в которой Вами написана глава, относящаяся к англо-франко-советским переговорам летом 1939 г. [21]. Что изменилось за истекшее время в Вашей оценке этих переговоров?

О.А. Ржешевский: В основном ничего не изменилось. Пожалуй, только то, что советской стороне следовало настаивать на участии в этих переговорах польской военной делегации.

Вопрос: Анализируя текст инструкции Ворошилову на ведение переговоров, не кажется ли Вам, что советская сторона была прекрасно информирована о том, с каким "багажом" придут в Москву западные партнеры по переговорам? Что, наверное, и неудивительно, принимая во внимание деятельность "кембриджской пятерки", работавшей на советскую разведку¹⁰.

О.А. Ржешевский: Материалы разведки нам неизвестны. В последнее время мы работаем с дневниками советского посла в Лондоне И.М. Майского, но там таких сведений нет.

Вопрос: У Вас не создается впечатление при чтении инструкции Ворошилову, что вокруг вопроса о проходе советских войск через территорию Польши, ответ на который был давно известен в Кремле, было умышленно сосредоточено столь большое внимание, чтобы завести переговоры в тупик?

О.А. Ржешевский: Странная постановка вопроса. На какой же основе мы должны были заключать военную конвенцию? Ведь речь шла о защите наших национальных интересов.

Вопрос: Кто в 1939 г. представлял большую опасность для Великобритании – СССР или Германия?

О.А. Ржешевский: Достаточно посмотреть выступления У. Черчилля¹¹, чтобы убедиться в том, главную опасность в Лондоне видели в Германии.

Вопрос: Известно ли Вам, что нарком обороны Ворошилов получил летом 1939 г. приглашение прибыть для переговоров в Лондон, которое было отклонено?

О.А. Ржешевский: Я о таком приглашении ничего не знаю, здесь надо оперировать документами, а не слухами.

Вопрос: Почему, все-таки, СССР не настоял на приглашении Польши для участия в военных переговорах? Может быть, ее реакция была заранее известна в Москве?

О.А. Ржешевский: Это была ошибка советского руководства, Польшу надо было обязательно приглашать на переговоры. Отказалась бы Польша, или нет, этого нельзя утверждать однозначно. Ведь обстановка в Москве была иная, чем годом ранее в Мюнхене.

¹⁰ В 1939 г. в британском посольстве в Париже работал Д. Маклейн, один из членов "кембриджской пятерки" [22].

¹¹ Выступления У. Черчилля этого периода совершенно не показательны для характеристики официальной позиции Лондона. На протяжении большей части 1939 г. Черчилль являлся одним из решительных критиков правительственной точки зрения по ключевым международным проблемам и вошел в состав кабинета Н. Чемберлена только после начала Второй мировой войны.

Первым в дискуссии по сообщению О.А. Ржешевского выступил Э. Дурачинский. По его мнению, у Советского Союза имелись немалые сомнения на военных переговорах с западными державами, но при этом он все-таки стремился к соглашению. Разумеется, в Кремле была заранее известна негативная позиция польского руководства в том, что касается допуска советских войск. И она объясняется необходимостью обеспечения суверенитета страны, вне зависимости от того, о каких иностранных войсках шла речь. Тем не менее, остается открытым вопрос, когда же произошел поворот во внешней политике СССР – 11 или 19 августа?¹² От ответа на него зависит и оценка содержания инструкции Ворошилову. В целом же ответственность за провал переговоров лежит на всех его участниках.

Канд. ист. наук В.А. Голубев (Институт российской истории РАН), вернувшись к поднятому В.К. Волковым вопросу о союзоспособности СССР, отметил, что наряду с союзоспособностью государств существует и такая немаловажная категория, как союзопотребность во внешней политике. Так, у Франции она была в межвоенный период очень высока, у Великобритании – на среднем уровне, а у СССР – низкая. Последнее не удивительно, так как высокая степень манипулирования массовым сознанием в условиях тоталитарного режима навязывала обществу стереотип тотального враждебного окружения СССР. Поэтому на проблему союзников население Советского Союза смотрело исключительно через идеологическую призму, что создавало для верхушки дополнительные возможности для обработки масс в зависимости от ситуации.

Н.С. Лебедева считает, что все европейские державы, кроме Германии, стремились избежать войны. При этом Польша рассматривалась в Лондоне в качестве разменной карты в англо-германских отношениях, и влиятельные силы в правительственных кругах даже готовы были пойти на организацию "второго Мюнхена", на этот раз для Польши. Однако Берлин это уже не устраивало, он стремился к разгрому Польши. Великобритания и Франция не могли с этим согласиться, не утратив полностью лица на международной арене. Поэтому англо-германский сговор на условиях, продиктованных нацистскими лидерами, был невозможен.

Возможен ли был иной исход переговоров, которые велись в то время в различных местах главными участниками событий? – так поставил вопрос В.К. Волков. По всей видимости, нет. Для Англии и Франции договоренность за счет Польши была исключена из-за общественного мнения этих стран, для Германии и СССР подобной проблемы не существовало. Но и договоренность с Советским Союзом для Великобритании являлась весьма проблематичной, если даже иметь в виду только военный аспект: Англия могла выставить пять дивизий, СССР – 120. И это при том, что в Лондоне традиционно занимались поисками ландскнехтов для борьбы с Германией. Сталин, более всего опасавшийся сговора западных держав с Берлином, пошел на переговоры с Англией и Францией ради зондажа, давления на них и одновременно на Германию, в первую очередь в пропагандистских целях, считает В.К. Волков. По его мнению, ни один из участников переговоров в Москве не мог похвастаться безупречностью замыслов и предложенных путей их реализации, при этом все они и Польша демонстрировали большую, явно излишнюю самоуверенность, что было на руку только Берлину.

Д-р ист. наук, проф. И.С. Яжборовская (Институт сравнительной политологии РАН) указала на необходимость не отождествлять интересы СССР с деятельностью

¹² Э. Дурачинский связывает поворот во внешней политике СССР с формальными моментами в развитии советско-германских отношений: 11 августа, по данным Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 г., вопрос о советско-германских отношениях рассматривался на Политбюро, принявшего решение "вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов" [23]; 19 августа В.М. Молотов вручил германскому послу В.Ф. фон Шуленбургу советский проект пакта о ненападении, и сообщил о согласии Сталина на приезд в Москву 26–27 августа министра иностранных дел Германии Й. фон Риббентропа [5. Кн. 1. С. 617]. В действительности, поворот во внешней политике СССР в сторону активного сближения с Германией произошел значительно раньше, в конце 1938–начале 1939 г. [24. С. 8; 25. С. 68–69].

Сталина, политика которого привела к результатам, диаметрально противоположным декларированным публично намерениям. Позиция Польши относительно пропуска советских войск через ее территорию была давно известна в Кремле и объективно никак не могла повлиять на исход англо-франко-советских военных переговоров. Другое дело – угроза капиталистического окружения на западе и востоке, гипнотизировавшая советское руководство, вне зависимости от степени ее реальности. Характеризуя состояние польской историографии событий 1939 г. (более 1200 позиций), И.С. Яжборовская обратила внимание на несопоставимые масштабы усилий историков России и Польши на этом направлении.

Г.Ф. Матвеев считает, что для успешной разработки проблем 1939 г. нужны прежде всего новые идеи. С огромным трудом выйдя из международной изоляции в первой половине 1939 г., СССР оказался перед альтернативой: продолжать политику коллективной безопасности М.М. Литвинова или найти иные пути обеспечения собственной безопасности. Переговоры с западными державами были для Советского Союза необходимы, чтобы не допустить "второго Мюнхена", а также являлись своего рода проверкой Запада, искренности его намерений на деле противостоять германской агрессии. В советском требовании о пропуске войск через территорию Польши не было ничего необычного, так как подобная возможность предусматривалась и Уставом Лиги Наций¹³. По мнению Г.Ф. Матвеева, поворот советской политики в сторону соглашения с Германией представлял собой прагматичный выход из сложившейся ситуации.

С.З. Случ обратил внимание на некоторые нюансы советской внешней политики на протяжении 1939 г., имевшие самое непосредственное отношение к "польской проблеме". Например, внося 17 апреля на обсуждение Англии и Франции свой пакет предложений о сотрудничестве, выработанный при непосредственном участии Сталина [27; 5. Кн. 1. С. 283], советская сторона включила, в частности, следующий пункт: "4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии" [5. Кн. 1. С. 284]. Странно, что, читая этот документ, историки до сих пор не задались вопросом: в случае агрессии с чьей стороны советское руководство стремилось "обезопасить" Польшу от британской помощи? И еще один штрих в этой связи. В июне советская сторона отказалась от заключения специального соглашения о взаимном транзите товаров через территорию Польши и СССР и даже от переговоров на этот счет, что было большой неожиданностью для поляков, рассчитывавших на получение оружия и других военных грузов от западных держав через СССР¹⁴. Эти и другие подобные факты, по мнению С.З. Случа, свидетельствуют о том, что советское руководство даже косвенным образом не собиралось облегчать положение своего соседа в условиях надвигавшейся германской агрессии, хотя сохранение независимости и территориальной целостности Польши объективно отвечало национально-государственным интересам Советского Союза.

¹³ Г.Ф. Матвеев слишком буквально трактует статью 16 Устава Лиги Наций, действие которой не носило столь обязывающего, а тем более автоматического характера, сопровождаясь рядом немаловажных оговорок. Согласно ей, члены Лиги Наций "принимают необходимые постановления для облегчения прохода через их территорию сил всякого Члена Лиги, участвующего в общем действии для поддержания уважения к обязательствам Лиги" (курсив мой. – С.С.) [26. С. 12]. Неслучайно советские дипломаты ни в 1938 г., ни в 1939 г. никогда не ссылались на эту статью Устава. Впрочем, на то могли быть и совсем иные причины.

¹⁴ [5. Кн. 1. С. 450–451]. Вплоть до заключения торгового договора должен был действовать запрет на транзит оружия и военного снаряжения через территорию обеих стран, оговоренный ст. XXII Рижского мирного договора 1921 г. [28]. Однако в Дополнительном протоколе к торговому договору между СССР и Польшей от 19 февраля 1939 г. констатировалось, что вопросы, касающиеся урегулирования транзита товаров через территорию обоих государств "будут предметом особого соглашения, переговоры о заключении которого начнутся в Москве не позже чем через четыре месяца со дня вступления в силу настоящего протокола" [29].

В заключение взял слово *О.А. Ржешевский*, возразивший тем выступавшим, кто утверждал, что Сталин был беспринципным и циничным политиком, а также тем, кто поставил под сомнение реальность угрозы, исходившей для СССР в 1939 г. от капиталистического окружения. По его мнению, в наши дни российские историки расколоты на "западников" и "славянофилов", как некогда в XIX в., поэтому необходимо искать консенсус, в частности, опубликовав материалы данной дискуссии.

Полностью соглашаясь с заключительным выводом *О.А. Ржешевского* о невозможности достичь положительного результата на англо-франко-советских военных переговорах, полагаю, что данные этому объяснения вызывают серьезные возражения. Во-первых, обособление англо-франко-советских военных переговоров в августе 1939 г. от предшествовавших им дипломатических контактов и политической дискуссии представляется мне в принципе неверным, ибо невозможность прийти к соглашению по политическим вопросам по сути дела предопределила неудачу и военных переговоров. Во-вторых, внешнеполитические цели советского руководства и западных держав в 1939 г. были трудно совместимы, основываясь на резко отличающихся базовых принципах и подходах к существовавшей системе международных отношений; находясь под влиянием огромного недоверия друг к другу, сформировавшегося под воздействием внешней политики обеих сторон и в значительной мере внутривластического развития в СССР; наконец, из-за отсутствия некоего мощного общего знаменателя, интегратора, который позволил бы преодолеть существующие серьезные противоречия. В-третьих, рассуждения относительно "подталкивания" германской агрессии на Восток как чуть ли не одной из доминант британской внешней политики относятся к числу пропагандистских клише, в свое время взятых на вооружение советской исторической наукой, а не итогом серьезного анализа такого сложного явления, каким являлась политика "умиротворения". В этой связи, я думаю, отнюдь не случайно в советской историографии, изобиловавшей критикой этой политики западных держав, не было ни одного серьезного исследования политики "умиротворения", как комплексного явления международной жизни в 1930-е годы. В-четвертых, вопрос о пропуске иностранных войск на территорию суверенного государства, причем не просто о транзите, но для ведения боевых действий на его территории – это, разумеется, в первую очередь вопрос политический, а не военный. Его решение могло быть результатом только прямых переговоров и договоренностей между всеми заинтересованными сторонами на самом высоком уровне. Нежелание польской, как, впрочем, и советской, стороны даже вести подобные переговоры убедительно свидетельствует о том, что "польскому вопросу" на англо-франко-советских переговорах отводилась Кремлем исключительно инструментальная роль, а именно – роль рычага срыва этих переговоров (см. выше упоминавшуюся инструкцию Ворошилову, а также: [3. С. 164–166]). Кстати, никто пока еще убедительно не обосновал, уже с военной точки зрения, преимущества ведения боевых действий с противником на территории сопредельного государства, а не на своей собственной, с опорой на имеющуюся систему оборонительных сооружений, хорошо известный театр военных действий и собственную транспортную сеть. В-пятых, опасения в Варшаве, связанные с эвентуальными последствиями появления советских войск на территории Польши, относятся отнюдь не к категории политических спекуляций, о чем весьма убедительно свидетельствует трагическая судьба Прибалтийских государств.

И последнее. Из доклада *О.А. Ржешевского* стало известно, что опубликованные за последнее время французские документы проливают дополнительный свет на действия военной делегации Франции на переговорах в Москве, что британские архивы по-прежнему хранят многие тайны. Но из выступления *О.А. Ржешевского* мы абсолютно ничего не узнали о том, что *нового* дали публикации документов и исследования российских историков в 1990-е годы. Вместе с тем совершенно очевидно, что уже известные советские документы, как архивные, так и опубликованные, позволяют по-новому взглянуть на весь комплекс англо-франко-советских как политических, так и военных переговоров весной-летом 1939 г. И возникшая при этом кар-

тина будет выглядеть, очевидно, иначе по сравнению с той, что предстала в докладе О.А. Ржешевского. При этом необходимо соблюсти лишь два условия: не отрывать внутреннюю политику государств – участников переговоров от внешней и принимать во внимание весь комплекс имеющихся в распоряжении исследователей документов, в том числе и не вписывающихся в наезженную схему "СССР в борьбе а мир".

С сообщением "Советско-германский пакт и Мюнхенское соглашение: общее и особенное" выступил д-р ист. наук, проф. *М.И. Семиряга* (РГГУ).

История войн подтверждает, что любой войне, особенно коалиционной, а тем более мировой, предшествует предвоенный политический кризис. Предвоенный политический кризис – это такое состояние международных отношений, когда враждующие страны уже не могут мирно преодолеть существующие между ними противоречия и неуклонно двигаются к войне. Подобная обстановка сложилась в 1938 г. и в первой половине 1939 г. К сожалению, отметил М.И. Семиряга, в отечественной исторической литературе эта проблема разработана еще недостаточно, хотя дефицита в архивных документах здесь не ощущается. Другой вопрос, что мы все еще по-разному оцениваем одни и те же факты. Это может быть совсем неплохо для научного процесса, но явно негативно сказывается на преподавании истории в средней и высшей школе.

Наиболее значимыми событиями, которые содействовали агрессору в развертывании Второй мировой войны и составили суть предвоенного политического кризиса, стали Мюнхенское соглашение (сентябрь 1938 г.) и советско-германский пакт (август 1939 г.). Каждая из этих договоренностей была вызвана своими особыми обстоятельствами, различалась составом партнеров и конечными результатами, но их и объединял ряд общих черт. Во-первых, их вдохновителем и инициатором была наиболее агрессивная военно-политическая сила того времени – нацистская Германия. Под предлогом исправления несправедливости Версальской системы Гитлер стремился решить проблему "жизненного пространства" за счет своих соседей. Во-вторых, общей чертой договоренностей как в Мюнхене, так и в Москве, было то, что по своему политическому характеру они являлись имперскими реваншистскими сговорами, жертвами которых стали третьи страны. В Мюнхене – одна Чехословакия, а в Москве – пять стран-лимитрофов, расположенных на западе и северо-западе от СССР. Румынию к этой категории М.И. Семиряга не причисляет, так как, по его мнению, акция по возвращению Советскому Союзу летом 1940 г. Бессарабии, оккупированной еще в 1918 г., имела справедливый характер и соответствовала международному праву¹⁵. В-третьих, оба соглашения, в которых участвовала Германия, под видом умиротворения Гитлера разрушили существовавшую относительную стабильность в Европе и создали обстановку, благоприятствовавшую германскому агрессору в развязывании Второй мировой войны. В-четвертых, участники этих соглашений единолично решали судьбы третьих стран, совершенно игнорируя их интересы. Наконец, в-пятых, Германия, как участница обеих договоренностей, вскоре нарушила их, открыто продемонстрировав свои агрессивные намерения как в отношении Чехословакии, так и СССР.

Но, как известно, общих черт в подобного рода политических соглашениях в чистом виде не бывает. Поэтому они проявлялись вперемешку с особенностями, которые в значительной мере и отличали один договор, или сговор, от другого. Состав партнеров Германии по переговорам был разным: в Мюнхене имело место четырехстороннее соглашение, в Москве – двустороннее. Далее. В Мюнхене Гитлер стремился к расчленению и ослаблению Чехословакии, и он добился своей цели при

¹⁵ Акция СССР по возвращению Бессарабии, а тем более Северной Буковины, которая никогда не входила в состав Российской империи, едва ли может быть признана соответствующей международному праву, поскольку была осуществлена в форме ультиматума Москвы правительству Румынии 26–27 июня 1940 г. [9. Кн. 1. С. 380–384, 385–386, 389], опиравшегося на секретный протокол к советско-германскому пакту от 23 августа 1939 г. о разделе сфер интересов в Европе [5. Кн. 1. С. 632].

помощи западных держав, хотя последние и пытались в какой-то мере ограничить его аппетит. Однако, полагает М.И. Семиряга, когда Гитлер в нарушение достигнутых договоренностей оккупировал Чехию, то Чемберлен и Даладь признали свое поражение и обещали военную помощь эвентуальной следующей жертве германской агрессии – Польше. Иные задачи стояли перед Гитлером, когда он направил в августе 1939 г. Риббентропа в Москву. Ему необходимо было заручиться благожелательным нейтралитетом СССР на время Польской и, самое главное, Западной кампании вермахта. Ради этого он готов был временно поделиться со Сталиным территориями в Европе. И эта задача была успешно решена. Идя на заключение пакта с Германией, Сталин также преследовал вполне определенные цели. Предоставив в распоряжение Берлина свой сверхблагожелательный нейтралитет, он стремился, по мнению М.И. Семиряги, усилить военную мощь третьего рейха и тем самым добиться затяжной войны на Западе, которая обескровила бы обе стороны, дав тем самым возможность выиграть время для лучшей подготовки СССР к неизбежной войне в будущем. Ни одна, ни другая задачи не были выполнены. Хотя определенный выигрыш времени и имел место, но Германия воспользовалась им более эффективно, чем Советский Союз.

Различны были и методы реализации Мюнхенского и Московского соглашений. Участники Мюнхенского договора добивались своих задач политическим и дипломатическим путем, даже тогда, когда сам договор превратился в пустую бумажку. Напротив, советско-германский пакт предоставил Гитлеру исключительные возможности для использования военной силы на одном фронте, а Сталину позволил решать территориальные проблемы, сочетая прямое применение силы против Польши и Финляндии с угрозой ее применения в отношении Прибалтийских государств и Румынии. Причем в случае в Финляндией СССР не удалось реализовать поставленную стратегическую задачу, т.е. в конечном счете оккупировать и присоединить всю Финляндию.

Договоренности в Мюнхене и Москве отличались по продолжительности их действия, а также направленности их нарушения. Если в первом случае Германия нарушила соглашение менее чем через полгода после его подписания, оккупировав в марте 1939 г. Чехию, т.е. агрессия была совершена в отношении государства, являвшегося объектом договоренностей в Мюнхене, то в июне 1941 г., т.е. спустя 22 месяца после подписания пакта о ненападении между Берлином и Москвой, Германия напала на СССР, который не только был ее партнером по разделу Европы, но и способствовал на протяжении всех этих месяцев осуществлению нацистских планов.

Мюнхенское соглашение не содержало никаких секретных статей или приложений. Гитлер не скрывал своих намерений и был уверен, что его партнеры пойдут на уступки. Лидеры Великобритании, Франции и Италии, в свою очередь, считали, что действуют сугубо в интересах своих стран, и, разумеется, во имя обеспечения мира на континенте. Совсем по иному относились к своему детищу авторы и соавторы советско-германского пакта о ненападении. По инициативе советской стороны он включал секретный протокол, воплотивший, по мнению М.И. Семиряги, суть этого соглашения. Этот протокол был в такой степени засекречен, что его скрыли даже от некоторых членов Политбюро, не говоря уже о депутатах Верховного Совета СССР, ратифицировавших только основной текст договора.

Еще одно немаловажное различие этих двух соглашений заключалось в том, что в результате Мюнхенского договора только один из его участников расширил территорию своей страны – Германия, в то время как другие лишь молчаливо дали на это санкцию. В итоге пакта Молотова–Риббентропа была не просто поделена Европа на сферы интересов, но и осуществлено насильственное включение целых стран и многих миллионов их жителей в состав Великой германской империи (Großdeutschland) и не менее великого Советского Союза.

Оценивая общее и особенное этих двух международных соглашений, необходимо, по мнению М.И. Семиряги, учитывать конкретную историческую обстановку, в кото-

рых они заключались, но главным все же является результат, т.е. последствия для участников договоренностей. Надо признать, что они были отрицательными как для Англии и Франции, подписавших Мюнхенское соглашение, так и для СССР, пошедшего на сговор с нацистской Германией. Заключение пакта 23 августа 1939 г., считает М.И. Семиряга, явилось политическим просчетом советского руководства, принявшего это решение без стратегического анализа этого шага и без рассмотрения какой-либо альтернативы ему. А между тем эта альтернатива реально существовала, о чем М.И. Семиряга писал еще 5 октября 1988 г. в "Литературной газете". По его мнению, в августе 1939 г. развитие событий могло пойти и по одному из следующих сценариев.

Вариант 1. СССР отвергает предложение Германии как неприемлемое или затягивает переговоры с ней, одновременно упорно и с готовностью к компромиссу добиваясь заключения военного соглашения с Англией и Францией.

Вариант 2. При отсутствии готовности западных держав, а также Польши, достичь определенного компромисса в ходе переговоров с СССР, советское руководство заключает договор о ненападении с Германией, включая в него статью, позволявшую аннулировать это соглашение, если Берлин развяжет войну против третьих стран. Одновременно СССР продолжает осуществлять давление на западные державы с тем, чтобы добиться от них более гибкой, готовой к компромиссу линии поведения.

Вариант 3. СССР не заключает политического соглашения с Германией, но при этом поддерживает с ней выгодные экономические отношения. СССР не заключает никаких соглашений также с Англией и Францией, если они продолжают настаивать на совершенно неприемлемых для Москвы условиях. Это означало бы, что Советский Союз сохраняет статус подлинно нейтрального государства, выигрывая время для лучшей подготовки к будущей неизбежной войне. Как известно, время работало на СССР, а не на Германию.

Конечно, полагает М.И. Семиряга, рассчитывать на подобное альтернативное развитие можно было только в случае уверенности в том, что третий рейх, при отсутствии договора с Советским Союзом, не нападет на Польшу в сентябре 1939 г. По его мнению, именно так могло бы и произойти, если иметь в виду, что Берлин пошел на заключение договора прежде всего для того, чтобы нейтрализовать СССР, исключив тем самым опасность войны на два фронта.

Таким образом, можно утверждать, резюмировал докладчик, что альтернатива заключенному 23 августа пакту о ненападении с Германией существовала, но она осталась нереализованной.

Прежде чем началась дискуссия по выступлению М.И. Семиряги, ему был задан ряд вопросов.

Вопрос: Есть ли у Вас какие-либо документы, подтверждающие возможность альтернативных решений для советского руководства в 1939 г.?

М.И. Семиряга: Нет, таких документов у меня нет.

Вопрос: Чем отличается не подкрепленная документами концепция от фантазии?

М.И. Семиряга: Логическим анализом.

Вопрос: Какими документами Вы руководствовались, когда говорили о том, что цели СССР не были достигнуты в ходе советско-финляндской войны?

М.И. Семиряга: Это можно проследить по целому комплексу документов: 1) решение Кремля о создании правительства О. Куусинена; 2) советские военные планы, предусматривавшие последовательный выход на рубеж Выборг – Хельсинки – граница Швеции и Норвегии; 3) выступление секретаря ЦК Компартии Карелии Н.Г. Куприянова при открытии Петрозаводского университета, в котором речь шла о помощи трудящимся Финляндии в ходе войны; 4) приказ войскам об освобождении Финляндии.

Вопрос: Имелась ли альтернатива Мюнхенскому соглашению?

М.И. Семиряга: Да, такая альтернатива была. СССР мог занять более решительную позицию. Войска были уже отобилизованы¹⁶.

Первой в дискуссии по сообщению М.И. Семиряги выступила д-р ист. наук *В.В. Марьина* (ИС РАН). Она поддержала точку зрения о наличии реальной альтернативы Мюнхенскому соглашению. В.В. Марьина ознакомила присутствующих с некоторыми записями из дневников Майского, не так давно ставших доступными для исследователей, в частности, с записью о беседе Майского с Черчиллем 23 марта 1938 г. в ходе которой этот крупный английский политический деятель, находившийся в то время в оппозиции правительству Чемберлена, высказался за союзнические отношения между Великобританией и СССР. При этом Черчилль порекомендовал советскому правительству публично подтвердить свои обязательства в отношении Чехословакии. По его мнению, нацистская угроза миру и безопасности народов Европы превосходила по своим масштабам и последствиям коммунистическую угрозу.

Э. Дурачинский подчеркнул важность исследования альтернативных ситуаций в истории, позволяющих лучше понять реально произошедшие процессы. По его мнению, Сталин еще в 1925 г. был уверен в неизбежности большой войны в Европе, а также в том, что СССР вступит в эту войну последним [30]. В историографии уже в начале 1960-х годов рассматривались три гипотетические возможности действий на международной арене, имевшиеся у Сталина в 1939 г. Реальны ли были эти варианты? По мнению Э. Дурачинского, нет. Сталин мог осуществить только тот вариант поведения, который он реализовал 23 августа 1939 г. Советско-германский пакт имел для СССР как плюсы, так и минусы. Действительно, Сталин, расширив территорию Советского Союза в 1939–1940 гг., в перспективе немало выиграл, но это была уже послевоенная перспектива. Непосредственные же последствия его политики, резюмировал Э. Дурачинский, наглядно проявились после 22 июня 1941 г., и они были однозначно отрицательными.

Н.В. Курков (Московский педагогический университет) не согласился с оценкой советско-германского пакта, как имевшего только отрицательные последствия для СССР. Международное сообщество признало после Второй мировой войны новые границы Советского Союза, в том числе и его права на те территории, которые были присоединены в 1939–1940 гг. А это означает, считает Н.В. Курков, что Сталин, как глава империалистической державы, получил немалые выгоды.

Л.Я. Гибианский упрекнул организаторов "круглого стола" в том, что они решили ограничить дискуссию событиями 1939 г. По его мнению, их невозможно анализировать в отрыве от последующего периода, вплоть до нападения Германии на СССР. Только в этом случае возможно в полной мере оценить события 1939 г., их место в историческом процессе. Л.Я. Гибианский полагает, что на протяжении всего периода 1939–1941 гг. внешнеполитические действия Сталина были противоречивы. Являлось ли необходимым с такой настойчивостью вплоть до 22 июня 1941 г. следовать курсом, заложенным решениями 1939 г., это большой вопрос.

О.А. Ржешевский охарактеризовал происходящую дискуссию, как свидетельство того, что виртуальная история приобретает научный характер. Однако, по его мнению, необходимо при анализе альтернативных вариантов развития приводить факты и документы, а не ограничиваться построением всякого рода умозрительных конструкций. В частности, по его мнению, нет документов, в которых фигурируют советские планы захвата всей Финляндии.

С.З. Случ отметил, что, рассматривая вопрос об альтернативах во внешней политике того или иного государства, как правило, оставляют вне поля зрения внутривнутриполитический аспект, а именно – форму политического режима в странах, выступавших в качестве основных игроков на международной арене. Без учета этого

¹⁶ Наличие или отсутствие, альтернативы Мюнхенскому соглашению зависело не от позиции СССР, а от позиции прежде всего Чехословакии, а также западных держав. Реальной альтернативой Мюнхенскому договору была война, которой не хотели ни в Праге, ни в Лондоне и Париже.

важнейшего фактора многие рассуждения в значительной мере теряют смысл, даже если они основываются на документах. Принимая же во внимание эту составляющую поведения любого государства, следует признать, что во внешней политике СССР в 1939 г. не было реальной альтернативы пакту с нацистской Германией.

С заключительным словом выступил *М.И. Семиряга*. Если альтернативы пакту с Германией не было, сказал он, то одно из двух – либо Сталина заглажи в 1939 г. в тупик, либо он создал его искусственно сам. Советско-германский договор имел и плюсы, но минусы превалировали, так как немцы от пакта выиграли неизмеримо больше. Коснувшись вопроса о незавершенности советских планов в отношении Финляндии, он напомнил, что отнюдь не случайно на переговорах в Берлине в ноябре 1940 г. Молотов подчеркнул, что "советское правительство считает своим долгом окончательно урегулировать финский вопрос" [31. Bd. XI. 1. S. 466]¹⁷.

Сообщение *М.И. Семиряги* вызвало неоднозначное впечатление. Сама тема – сравнение Мюнхенского соглашения и советско-германского пакта о ненападении – представляет несомненный интерес. Однако ее раскрытие подразумевает большую опору на документальный материал, а итоговые выводы – соответствующую замыслу широту видения проблемы. В противном случае неизбежно возникают уязвимые для критики тезисы. Например, утверждение *М.И. Семиряги*, что "вдохновителем и инициатором Мюнхенского и Московского соглашений была наиболее агрессивная военно-политическая сила того времени – нацистская Германия", не соответствует действительности. Инициатором Мюнхенской конференции был британский премьер-министр Н. Чемберлен, обратившийся с просьбой о посредничестве к Б. Муссолини [32]. Что касается пакта Молотова–Риббентропа, то здесь решающая инициативная роль принадлежала отнюдь не Германии, а СССР, проделавшему основную подготовительную работу по сближению двух государств [25. С. 68–79].

Представляется неточным утверждение *М.И. Семиряги*, что оба соглашения, в которых участвовала Германия, под видом умиротворения Гитлера разрушили существовавшую относительную стабильность в Европе. Оно, разумеется, полностью применимо к Мюнхенскому договору, но имеет мало общего с советско-германским пактом, хотя бы уже потому, что в Москве на заключительной стадии переговоров не умиротворяли Гитлера, а ублажали Сталина, идя ему на практически любые уступки. 23 августа 1939 г. не было необходимости разрушать даже относительную стабильность в Европе, ее к тому времени вообще не существовало.

Однако самые серьезные замечания вызывают рассуждения *М.И. Семиряги* по поводу реальности альтернативы советско-германскому пакту о ненападении. Их основной недостаток состоит в том, что все они исходят из предпосылки, что СССР обладал неограниченной свободой маневра на международной арене, а его руководство стремилось к оптимизации внешнеполитических решений, но совершило промах. В действительности ни того, ни другого не было. Ни один из трех названных вариантов не являлся предметом размышлений для Сталина и его ближайшего окружения, ибо не давал возможности осуществлять экспансионистскую политику, не втягиваясь *de facto* в большую войну. В свою очередь, осуществление этой экспансионистской политики было возможно только с опорой на нацистскую Германию, а не на западные державы. В предложенных же *М.И. Семирягой* сценариях, советская внешняя политика полностью оторвана от формы политического режима, господствовавшего в стране, поэтому они совершенно нереалистичны. Советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. не был вынужденной акцией с советской стороны, в Кремле настойчиво стремились именно к такому соглашению с Берлином, и для советского тоталитарного режима во главе со Сталиным ему не было и не могло быть никакой реальной альтернативы.

¹⁷ В советской записи этого документа мысль Молотова была облечена в следующую форму: "Финляндский вопрос следовало бы провести так, как он был решен в прошлом году" [9. Кн. 2. С. 66].

Д-р ист. наук *Н.С. Лебедева* (ИВИ РАН) выступила с докладом на тему "Советско-германское сотрудничество осенью 1939 г.". Первый вопрос, который возникает при анализе этой проблемы: чем являлось в этот период сотрудничество для Германии и для СССР – тактическим ходом или стратегическим поворотом в их политике? По мнению *Н.С. Лебедевой*, курс на сотрудничество с третьим рейхом означал для советского руководства окончательный разрыв с политикой коллективной безопасности и переход к территориальной экспансии в различных регионах, причем не только в Европе, но и в Азии, путем раздела сфер интересов с самой мощной агрессивной державой. И в этом отношении поворот был, несомненно, стратегическим. Если бы Кремль стремился лишь на время остаться вне войны, чтобы как можно лучше подготовиться к неизбежному столкновению с нацистской Германией, он должен был проводить совершенно иную политику, не способствующую столь стремительному усилению главного потенциального противника. Однако, недооценивая мощь Германии и одновременно переоценивая возможности вооруженных сил Англии и Франции, Сталин и его ближайшее окружение рассчитывали на длительную вооруженную борьбу между ними, на ослабление в ходе этой борьбы капиталистического мира в целом и соответственное усиление СССР. Именно ради этого советский режим отбросил антифашистские лозунги и стал активно сотрудничать с нацистским государством.

В свою очередь Германия, продолжала *Н.С. Лебедева*, в результате сотрудничества с СССР в стратегическом плане избежала войны на два фронта и смогла реализовать свои замыслы в отношении Польши. Поддерживая Советский Союз в его действиях по захвату части Польши, а также Прибалтики, Бессарабии и Финляндии, Гитлер не только расплачивался с СССР за его неучастие в войне на стороне противников рейха. Он тем самым пытался спровоцировать западные державы на военный конфликт с Москвой, заставить их воевать на два фронта и одновременно ослабить СССР. Кроме того, советская агрессия в отношении соседних государств должна была серьезно дискредитировать СССР в глазах общественности Запада, сделав невозможным впоследствии оказание ему помощи, когда Германия нанесет удар уже по нему. В условиях экономической блокады западных держав для Берлина имело огромное значение использование огромных сырьевых ресурсов СССР, а также транзит необходимых ему товаров через территорию Советского Союза. Однако ни расчеты Сталина, ни надежды Гитлера не были полностью реализованы в ходе их почти двухлетнего союза.

В сентябре–декабре 1939 г. сотрудничество двух государств развивалось по следующим направлениям: 1) дальнейшее оформление союзнических отношений и перераспределение сфер влияния и контроля; 2) военно-политическое сотрудничество в интересах раздела Польши и ликвидации ее как независимого государства; 3) взаимодействие двух тоталитарных режимов при заключении договоров о взаимопомощи СССР с Эстонией, Латвией и Литвой; 4) сотрудничество в ходе советско-финляндской войны; 5) обмен населением в ходе раздела Польши; 6) экономическое сотрудничество.

Хотя советско-германский пакт о ненападении, считает *Н.С. Лебедева*, давал возможность сталинскому руководству соблюдать нейтралитет, оно предпочло пойти на политическое, дипломатическое, военное, экономическое и даже идеологическое сотрудничество с гитлеровским режимом.

Уже 3 сентября Германия официально обратилась к СССР с предложением ввести свои войска на часть территории Польши, включенную в советскую сферу интересов. 5 сентября Молотов ответил: "Мы согласны, что в подходящий момент обязательно придется нам начать конкретные действия. Но мы считаем, что этот момент пока еще не назрел" [5. Кн. 2. С. 25]. Тем не менее подготовка СССР к "освободительному походу" началась с первого дня Второй мировой войны. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 сентября 1939 г. РККА была увеличена на 76 дивизий и их общее количество было тем самым доведено до 173. 3 сентября по решению Политбюро было

на месяц задержано в Красной Армии около 311 тыс. человек, подлежащих демобилизации, объявлен подъем приписного автотранспорта, тракторов, лошадей шести военных округов, приведены в провышенную боеготовность ПВО Минска, Киева, Ленинграда, Великих Лук и ряда других городов. 7 сентября началась мобилизация в Московском и Орловском военных округах. К советско-польской границе перебрасывались дивизии и корпуса, формировались новые соединения и группы армий. Вскоре на базе Киевского особого военного округа и Белорусского особого военного округа создаются Украинский и Белорусский фронты. Решением Политбюро от 8 сентября был высвобожден грузовой и пассажирский железнодорожный транспорт для осуществления военных перевозок в широких масштабах.

Как отмечает Н.С. Лебедева, долгое время считалось, что СССР решил ввести свои войска на территорию Польши лишь после ее полного военного поражения. Однако в ходе работы над первым томом катынских документов в архиве Генштаба удалось обнаружить подготовленные директивы Ворошилова и Шапошникова от 9 сентября, в соответствии с которыми войска двух фронтов должны были уже в ночь с 12 на 13 сентября перейти советско-польскую границу и разгромить польские вооруженные силы¹⁸.

8 сентября Л.П. Берия отдал приказ наркомам внутренних дел УССР и БССР выделить работников для создания пяти оперативно-чекистских групп, которые должны были по мере продвижения войск проводить, выражаясь современным языком, зачистку польских территорий и создавать на них временные органы власти.

Несостоятельна точка зрения тех историков, продолжает Н.С. Лебедева, кто считает, что СССР в ходе так называемого "освободительного похода" лишь стремился вернуть себе земли, населенные преимущественно украинцами и белорусами. Первоначально, согласно советско-германским договоренностям, в сферу интересов СССР входили территории Люблинского и части Варшавского воеводств. Более того, уже 19 сентября Молотов поставил перед Берлином вопрос об окончательной ликвидации Польского государства и разделе его территории по линии Писса – Нарев – Висла – Сан [31. Bd. VIII. S. 82]. 22 сентября правительства СССР и Германии официально зафиксировали демаркационную линию по этим рекам [34], и начался согласованный отвод вермахта и продвижение Красной армии к указанным рубежам.

Однако уже 25 сентября Москва поставила вопрос о новом перераспределении сфер интересов: Германии было предложено занять Люблинское и полностью Варшавское воеводства в обмен на Литву, которая должна была отойти в сферу интересов СССР [31. Bd. VIII. S. 101]. С чем это было связано? Только ли с тем, что 24 сентября советские лидеры приступили к реализации своих планов по навязыванию Эстонии, а затем и Латвии договоров о взаимопомощи, предусматривавших создание на территории этих государств военных баз и введение крупных контингентов советских войск? По мнению Н.С. Лебедевой, помимо этого важного мотива был и другой. Германия пыталась спровоцировать Литву на захват Вильнюса, уже занятого советскими войсками. Вооруженное столкновение между СССР и Литвой могло побудить западные державы к каким-то действиям, осложняющим их положение, как, впрочем, и Москвы. Характерно, что в беседе с Шуленбургом 25 сентября Сталин подчеркнул: "При окончательном урегулировании польского вопроса нужно избежать всего, что в будущем может вызвать трения между Германией и Советским Союзом". В то же время Сталин отметил, что в случае согласия немецкой стороны на предложение о передаче в сферу интересов СССР Литвы, советское руководство "немедленно возьмется за решение проблемы Прибалтийских государств в соответствии с протоколом от 23 августа и ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства" [31. Bd. VIII. S. 101]. Как известно, в ходе переговоров в конце сентября Сталина и Молотова с Риббентропом был не только

¹⁸ Эти директивы были отправлены в войска спустя пять дней, принимая во внимание прежде всего продолжавшееся упорное сопротивление Войска Польского. Соответственно была сдвинута и дата советского наступления [33].

согласован обмен территориями, в результате чего Литва оказалась в сфере советского влияния, но и подписаны германо-советский договор о дружбе и границе [5. Кн. 2. С. 134–135], а также три секретных протокола к нему [5. Кн. 2. С. 134–135].

Позиция Германии являлась определяющей и при решении правительствами Эстонии, Латвии и Литвы вопроса о подписании пактов о взаимопомощи с СССР, поставивших их фактически уже в 1939 г. под протекторат великодержавного соседа. Так, например, незадолго до прибытия эстонской правительственной делегации в Москву в Кенигсберге состоялась встреча эстонских и германских генштабистов. Представители Верховного командования вермахта дали понять эстонским коллегам, что подписанный с СССР договор не позволит Германии оказать помощь Эстонии. Более того, в случае возникновения советско-эстонской войны Германия, возможно, займет враждебную Эстонии позицию.

Германия давала понять и руководству Финляндии, что эта страна входит в сферу интересов Советского Союза и любые разговоры о помощи ей со стороны третьего рейха исключены. Вместе с тем позиция Германии в финляндском вопросе, по утверждению Н.С. Лебедевой, была двойственной, если не провокационной. Иной раз из Берлина, в частности, от Геринга, поступали рекомендации проявить твердость по отношению к советским требованиям, а затем прямо противоположные – передать СССР военно-морскую базу, проявить уступчивость и в других вопросах, чтобы избежать войны, в которой Германия не сможет поддержать Финляндию. В октябре по особому распоряжению Гитлера было заключено соглашение о продаже Финляндии 20-миллиметровых зенитных орудий в обмен на увеличение поставок меди и никеля. Поставки зенитных орудий начались в ноябре и продолжались после начала зимней войны. После того как этот факт предала гласности шведская печать, последовал резкий протест со стороны Москвы. Несмотря на это, по мнению Н.С. Лебедевой, в конце декабря Гитлер дал добро на продолжение поставок оружия в Финляндию через Швецию. Более того, Гитлер и Геринг заверили шведов, что Германия останется в стороне, если Швеция примет участие в советско-финляндской войне. Их единственным условием было неучастие Швеции во Второй мировой войне на стороне западных держав. Как полагает Н.С. Лебедева, роль Германии в провоцировании советско-финляндского вооруженного конфликта еще не до конца выяснена, но имеющаяся информация подтверждает тезис, согласно которому Германия осенью 1939 г. стремилась втянуть СССР в войну и тем самым максимально ослабить его в военном отношении.

Еще одним аспектом сотрудничества Москвы и Берлина стал обмен населением, для осуществления которого была создана двусторонняя комиссия, регулировавшая обмен беженцами с территорий Восточной и Центральной Польши. Часть беженцев, в первую очередь евреи, отказались вернуться на контролируемую Германией территорию. Все они были помещены в спецлагеря, а летом 1940 г. депортированы в северные районы СССР. В свою очередь, со стороны Германии имела место насильственная переправка, без предварительной договоренности, на контролируемую СССР территорию более 5 тыс. евреев. При попытке советских пограничников выдворять их назад, немецкая погранохрана открывала огонь, в результате чего многие были убиты. По просьбе Берлина ему были переданы арестованные в СССР в 1930-е годы немецкие граждане, в том числе коммунисты.

И, наконец, отмечает Н.С. Лебедева, в условиях британской блокады особое место в двусторонних отношениях занимало экономическое сотрудничество, имевшее для Германии первостепенное значение. На это особое внимание обратил Риббентоп в беседе со Сталиным 28 сентября [35]. В ходе ведшихся с начала октября переговоров по торгово-экономическим вопросам германская сторона настаивала на поставках из СССР стратегического сырья и продовольствия на сумму в 1,5 млрд. рейхсмарок в обмен на промышленные товары. В свою очередь, СССР стремился прежде всего к закупкам в Германии вооружения и новейших технологий, соглашаясь поставлять в большом объеме нефть, хромовую и марганцевую руды, фосфаты, лес, кормовое

зерно и т.д. При этом Сталин исходил из того, как он заявил в беседе с главой немецкой делегации Р. Риттером, что экономические отношения между двумя странами строятся не на коммерческой основе, а базируются на взаимной помощи в осуществлении стоящих перед ними задач. В начале февраля 1940 г. соответствующее экономическое соглашение было заключено. Согласно ему, СССР поставлял в Германию в больших количествах стратегическое сырье, столь необходимое рейху для дальнейшего ведения войны, а тот со своей стороны продавал Советскому Союзу промышленное оборудование, вооружение и даже некоторые новейшие военные технологии. Гитлер согласился на это, как полагает Н.С. Лебедева, потому, что, собираясь вскоре напасть на СССР, не допускал, что там за столь короткое время смогут наладить массовое производство новейших образцов вооружения. В Москве же этот шаг был воспринят как желание нацистского руководства установить сотрудничество на долговременной основе. Однако это была иллюзия. Альянс с СССР, резюмирует Н.С. Лебедева, был необходим Германии лишь до разгрома Франции и нейтрализации Великобритании, а его ресурсы лишь до того времени, пока не будут закончены приготовления к нападению на Советский Союз.

Прежде чем началась дискуссия по сообщению Н.С. Лебедевой, она ответила на несколько вопросов.

Вопрос: Уверены ли Вы в оценке политики Германии в ходе советско-финляндской войны как двойственной?

Н.С. Лебедева: Да, об этом наглядно свидетельствует поставка зенитных орудий через Швецию.

Вопрос: Как Вы можете охарактеризовать опубликованную у нас несколько лет тому назад запись на французском языке выступления Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г.?

Н.С. Лебедева: Сталин не мог выступить с подобным заявлением в августе 1939 г., по своему содержанию оно могло бы иметь место не ранее ноября 1940 г.¹⁹

Первым в дискуссии по докладу Н.С. Лебедевой выступил канд. ист. наук В.А. Невежин (Институт российской истории РАН), обративший внимание на развитие достаточно интенсивных культурных связей между СССР и Германией после подписания пакта о ненападении. Материалы о них содержатся в архиве Всесоюзного общества культурных связей с заграницей и уже стали объектом изучения [36].

По мнению М.И. Семиряги, в период советско-финляндской войны не было двойственной политики Германии в отношении Финляндии: Берлин занимал однозначно просоветскую позицию, которая как и все сотрудничество с СССР, представляла собой тактическую линию Берлина после подписания пакта о ненападении. Решение Политбюро от 11 августа 1939 г. о начале советско-германских переговоров по широкому кругу вопросов, о котором говорил в докладе на II Съезде народных депутатов СССР А.Н. Яковлев, хотя и не было до сих пор нигде опубликовано, но реально существует. Этот документ видел, в частности, один из членов Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. д-р ист. наук В.М. Кулиш. Что касается позиции советских представителей в двусторонней комиссии по переселению, пояснил М.И. Семиряга, то она совершенно не входила в такие "мелочи", как вероятные последствия для еврейского населения, оказавшегося в зоне немецкой оккупации Польши. Ее принцип сводился к следующему: нам нужны не евреи, а пролетарии.

В.П. Смирнов считает, что противоречия между СССР и Германией постоянно нарастали, в полной мере проявившись в ходе ноябрьского визита 1940 г. Молотова в Берлин. После него нельзя вести речь более о советско-германском сотрудничестве, а исключительно о преобладании соперничества над сотрудничеством в различных сферах.

¹⁹ Речь идет не о том, мог или не мог Сталин высказать подобные мысли, а о том, произносил ли он 19 августа 1939 г. приписываемый ему и опубликованный в конце ноября агентством Гавас текст или нет.

В.В. Марьина оценивает советско-германский пакт как "брак по расчету", который с обеих сторон представлял собой не стратегию, а тактику. Бывший президент Чехословакии Э. Бенеш говорил советскому послу в Лондоне И.М. Майскому, что этот пакт недолговечен.

По мнению *Л.Я. Гибианского*, не долгосрочная стратегия, а политика импровизации была характерна абсолютно для всех главных действующих лиц на международной арене. Вряд ли возможно говорить о стратегии или тактике в политике СССР и Германии в чистом виде. Они были и оставались противниками на протяжении всего периода сотрудничества, несмотря ни на какие соглашения и заявления. Однако это не имело, считает *Л.Я. Гибианский*, особого значения, так как постоянно превалировали сиюминутные интересы. Это был альянс врагов на неопределенное время, и что было в нем стратегией, а что – тактикой порой даже не знали высокопоставленные официальные лица обоих государств. К сожалению, в отсутствие доступа к соответствующим советским документам того периода многие выводы ученых опираются преимущественно на анализ косвенных материалов и реконструирование.

С.Э. Случ высказал точку зрения, согласно которой 17 сентября 1939 г. знаменовало собой кардинальные изменения во внешней политике СССР, вступившего во Вторую мировую войну фактически на стороне Германии, хотя и для реализации своих собственных целей [37].

В заключительном слове *Н.С. Лебедева* отметила, что, разумеется, трудно отделить тактику от стратегии в политике Москвы и Берлина в 1939–1940 гг. Тем не менее очевидно, что стратегическая линия СССР сводилась к тому, чтобы использовать предполагаемое затяжное противостояние между рейхом и западными державами для реализации собственных глобальных имперских целей. Для Германии же сотрудничество с Советским Союзом всегда являлось лишь тактической линией поведения. По мнению *Н.С. Лебедевой*, к сентябрю 1940 г. сотрудничество между двумя государствами по существу завершилось.

Н.С. Лебедева не смогла в рамках "круглого стола" в полном объеме изложить подготовленное выступление, представленное здесь в расширенном виде. Оно весьма информативно, содержит много новых фактов, в том числе почерпнутых из таких архивов, которые пока еще остаются недоступными для основной массы исследователей, как, например, архив Генштаба. Это сообщение основывается в значительной части на опубликованных *Н.С. Лебедевой* в последнее время работах, которые были посвящены главным образом роли СССР в четвертом разделе Польши [38]. Вопросы советско-германского сотрудничества в 1939 г., выходящие за рамки польского вопроса, как правило, оставались вне ее поля зрения. Особенно это сказалось в трактовке германской политики в преддверии и в ходе советско-финляндской войны. Так, руководство третьего рейха и в мыслях не имело провоцировать обострение в 1939 г. советско-финляндских отношений, а уж тем более подталкивать СССР к войне с Финляндией. Для Гитлера СССР был важен как благожелательно настроенное нейтральное государство на время его борьбы с западными державами и одновременно в качестве поставщика важнейших видов стратегического сырья и продовольствия. Гитлер, разумеется, не возражал, чтобы Москва оказалась в состоянии войны с западными державами, но не для ослабления СССР, военные возможности которого он оценивал весьма невысоко, а прежде всего ради распыления сил Англии и Франции, к чему фюрер постоянно стремился, выстраивая военно-политическую "ось". Что же касается поставок рейхом вооружения Финляндии уже в период зимней войны, помимо 20 зенитных орудий по ранее заключенному контракту [39], то пока историки не обнаружили сколько-нибудь весомых аргументов в пользу подтверждения этой версии.

Утверждение *Н.С. Лебедевой* о том, что Германия пыталась спровоцировать Литву на захват Вильнюса, уже занятого советскими войсками, полностью противоречит всей германской политике того времени. Позиция Гитлера на этот счет была озвучена

начальником штаба оперативного руководства ОКВ генералом А. Йодлем в беседе с главкомом сухопутных войск генералом В. Браухичем: "Действовать совместно с русскими. ... Если русские настаивают на территориальных требованиях, мы очистим территорию. ... Не должно произойти никакого обострения политической обстановки" [40].

Развитие экономических отношений между СССР и Германией в 1939 г. шло очень непросто. Гитлер решительно препятствовал передаче СССР каких-либо опытных образцов военной техники, которую даже не демонстрировали советской военно-экономической делегации, посещавшей Германию осенью 1939 г. Советская сторона должна была поставлять большое количество стратегического сырья с значительным опережением в сроках по сравнению с ответными поставками оборудования и военной техники [41]. Вывод же относительно долгосрочного сотрудничества с третьим рейхом был сделан в Кремле не в феврале 1940 г., после подписания первого Хозяйственного соглашения между СССР и Германией, как утверждает Н.С. Лебедева, а в январе 1941 г., после подписания второго такого соглашения сроком действия до 1 августа 1942 г., когда выявилась уже серьезная напряженность в отношениях между обоими государствами.

Ни формально, ни фактически союза между СССР и Германией в 1939 г., конечно, не существовало, поэтому употребление этого термина вряд ли оправдано, хотя их партнерские отношения зашли достаточно далеко в 1939–1940 гг., позволяя обеим сторонам в отдельные периоды реализовывать весьма рискованные агрессивные внешнеполитические замыслы. Во всяком случае, вне этих отношений невозможно представить ход Второй мировой войны на ее первом этапе, с ее неотъемлемыми составляющими – совместная Польская кампания, агрессия СССР против Финляндии, германская агрессия против Дании и Норвегии, Западная кампания, а также советская оккупация Прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины.

На этом заседании "круглого стола" завершилось. На нем были обсуждены крупные проблемы, связанные с развитием международных отношений в 1939 г. Дискуссия выявила немало общих подходов в оценке событий того времени, хотя порой имело место и существенное расхождение мнений. Не удалось в полной мере избежать и эмоциональной окрашенности дискуссии, ее известной политизации, хотя в основном она носила деловой и конструктивный характер. К сожалению, во время обсуждения в центре внимания оказалась исключительно событийная сторона поставленных вопросов, в то время как современное состояние их разработки в историографии фактически осталось вне поля зрения. В целом проведение "круглого стола" нашло положительный отклик, выразившийся не только в активности его участников, но и в неоднократно звучавших пожеланиях сделать проведение подобных научных мероприятий регулярным. Возможно, именно на этом пути удастся приблизиться к решению проблемы координации усилий историков в разработке сложных проблем, связанных с происхождением и началом Второй мировой войны.

Материалы "круглого стола" систематизировал и комментировал

© 2000 г. С.З. Случ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940). М., 1990; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941). М., 1992.
2. Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. М., 1990; Загладин Н.В. История успехов и неудач советской дипломатии (Политологический аспект). М., 1990; 1939 год: Уроки истории. М., 1990; Розанов Г.Л. Сталин–Гитлер: Документальные очерки

- советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг. М., 1991; Европа между миром и войной, 1918–1939. М., 1992; *Севостьянов Г.Н.* Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. М., 1992; *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992; Советская внешняя политика, 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992; Советская внешняя политика в ретроспективе, 1917–1991. М., 1993; Другая война: 1939–1945. М., 1996; *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной 1939–1941. М., 1997; Война и политика, 1939–1941. М., 1999.
3. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 г.г. М., 1999.
 4. Год кризиса, 1938–1939; Документы и материалы. М., 1990. Т. 1–2. Полпреды сообщают... // Сб. документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990; Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы. М., 1991.
 5. Документы внешней политики. 1939. М., 1992. Т. XXII. Кн. 1–2.
 6. Отечественная история. 1995. № 3. С. 207–210.
 7. *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000.
 8. "Круглый стол": Советский Союз в 30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 12; "Круглый стол": Некоторые вопросы истории Коминтерна // Новая и новейшая история. 1989. № 2; "Круглый стол": Вторая мировая война – истоки и причины // Вопросы истории. 1989. № 6; Август 1939-го. Уроки минувшего (Круглый стол) // Коммунист. 1989. № 12; Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы [Круглый стол] // Советское славяноведение. 1989. № 5.
 9. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. М., 1995–1998. Т. XXIII. Кн. 1–2.
 10. 1941 год. М., 1998. Кн. 1–2.
 11. *Случ С.З.* Некоторые тенденции в развитии немарксистской историографии происхождения Второй мировой войны (60–80-е годы) // Агрессивная политика держав фашистского блока и происхождение Второй мировой войны. Реферативный сборник. ИНИОН АН СССР. М., 1989.
 12. *Roos H.* Polen und Europa. Studien zur polnischen Außenpolitik, 1931–1939. Tübingen, 1957; *Wojciechowski M.* Die polnisch-deutschen Beziehungen, 1933–1938. Leiden, 1971.
 13. *Zieburg G.* Die Krise des internationalen Systems 1936 // Historische Zeitschrift. 1966. Bd. 203. H. 1.
 14. *Weinberg G.L.* The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe, 1933–1936. Chicago, 1970.
 15. *Brennecke G.* Die Nürnberger Geschichtsentstellung. Quellen zur Vorgeschichte und Geschichte des 2. Weltkriegs aus den Akten der deutschen Verteidigung. Tübingen, 1970; *Klüver M.* War es Hitlers Krieg? Die "Irrtümer" der Geschichtsschreibung über Deutschlands Außenpolitik 1937–1939. Leoni am Stamberger See, 1984.
 16. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 1947–1949. Vol. XXV. Doc. 386–PS. P. 402–413; *Smith B.F.* Die Überlieferung der Hoßbach-Niederschrift im Lichte neuer Quellen // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1990. H. 2. S. 329–336.
 17. *Jarausch K.H.* The Four Power Pact, 1933. Madison (Wisc.), 1965; *Белоусова З.С.* Франция и европейская безопасность. 1929–1939 гг. М., 1976. С. 108–114.
 18. *Emmerson J.T.* The Rhineland Crisis. 7 March 1936. A Study on Multilateral Diplomacy. London, 1977.
 19. *Petzina D.* Autarkiepolitik im Dritten Reich. Der nationalsozialistische Vierjahresplan. Stuttgart, 1968.
 20. *Сувениров О.Ф.* "Клим, Коба сказал..." // Военно-исторический журнал. 1988. № 12.
 21. 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 298–318.
 22. *Sudoplatov P., Sudoplatov A., Schecter J. and L.* Special Tasks. The Memoirs of an Unwanted Spicemaster. Boston a.o., 1994. P. 95.
 23. Правда. 1989. 24.XII.
 24. *Безыменский Л.А.* Советско-германские договоры 1939 г.: Новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3.

25. Случ С.З. Германия и СССР в 1918–1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995.
26. Версальский мирный договор / Перев. с франц. М., 1925.
27. Исторический архив. 1995. № 5/6. С. 35.
28. Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. III. С. 640.
29. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII. С. 39–40.
30. Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 7. С. 14.
31. Akten zur deutschen auswärtigen Politik (1918–1945), Ser. D (1937–1941). Bd. I–XIII. Baden-Baden; Göttingen, 1950–1970.
32. Deist W. u.a. Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt a. M., 1989. S. 794.
33. Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1997. Док. 3. С. 59–60; Док. 4. С. 61–63.
34. Известия. 1939. 23 IX.
35. Флэйшхауэр И. Пакт Молотова–Риббентропа: Германская версия // Международная жизнь. 1991. № 7. С. 135.
36. Невежин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1.
37. Случ С.З. Советско-германские отношения в ходе Польской кампании и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну // Славяноведение. 1999. № 6. С. 32–43.
38. Лебедева Н.С. Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война. С. 237–295; Лебедева Н.С. Польша между Германией и СССР в 1939 году // Война и политика, 1939–1941. С. 65–84; Лебедева Н.С. Германско-советское взаимодействие и ликвидация польского государства // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. С. 169–197.
39. Вихавайнен Т. Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939–1940. М., 1998. Кн. 1. Политическая история. С. 193.
40. [Franz] Halder *Generaloberst*. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942. Stuttgart, 1962. Bd. 1. S. 81.
41. Schwendemann H. Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm? Berlin, 1993. S. 135–142.

© 2000 г. Ф.А. МОЛОК

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ЛЬВОВИЧА ГЛЕБОВА – СЛАВИСТА

Среди русских ученых, занимавшихся изучением истории Балкан конца XIX – начала XX в. (особенно Сербии), достойное место занимают работы безвременно ушедшего 29 марта 1994 г. Владимира Львовича Глебова – профессора кафедры истории мировой культуры Новосибирского электротехнического института (ныне – Новосибирский государственный технический университет).

Уже в первой своей большой работе В.Л. Глебов подчеркивал фактическое отсутствие в исторической литературе, посвященной предыстории первой мировой войны, серьезных материалов по сербской истории, о которой исследователи, говоря о международном значении Сербии в этом конфликте, ограничивались "двумя–тремя общими фразами" [1. С. 11]. Задача этой работы Глебова, которая представляет собой семь лекций с выводами, приложениями (таблицы I–VIII) и библиографией, заключалась в том, чтобы «на конкретном сербском материале выяснить закономерности капиталистического пути развития слаборазвитых стран и раскрыть те "перспективы", которые он может обеспечить народам этих стран» [1. С. 9]. Мы остановимся ниже лишь на некоторых моментах данного труда Глебова.

Определенное место в книге занимает изложение автором истории борьбы сербского народа во главе с буржуазными радикалами против австрофильского режима Обреновичей и австрийского экономического засилия. Эта борьба велась при поддержке в частности России. Так, например, в 1892 г. русское правительство командировало в Белград члена Совета Министерства финансов Д.А. Тимирязева, который должен был наблюдать за ходом изменения неравноправного торгового договора сербов с Австро-Венгрией в пользу первых и вместе с русским посланником Персиани заключить русско-сербский торговый договор. Все это, как отмечает Глебов, "должно было, конечно, улучшить сербские позиции в угрожавшей ей тяжелой борьбе" [1. С. 44]. В результате длительных переговоров Сербия, при поддержке России, добилась уступок с австрийской стороны, кроме того, переговоры способствовали началу торговых связей Сербии с Россией. Для освещения указанной проблемы Глебов широко использовал впервые им введенный в научный оборот документальный материал из фонда Министерства торговли и промышленности, а также из фондов Министерства финансов, хранящийся в Центральном государственном историческом архиве (Ленинград).

Говоря об экономическом развитии Сербии в XIX в., автор придерживается впервые выдвинутого В.Г. Карасевым вывода, что капиталистические отношения в Сербии утвердились лишь к середине века, а не в начале столетия, как утверждали предшествующие авторы. Далее, в отличие от Карасева, считавшего, что развитие

сербской промышленности с 1860-х годов шло "как постепенный процесс качественного роста, что темпы промышленного развития страны ускорились только в связи с таможенной войной 1906–1910 гг." [1. С. 8], Глебов делает вывод, что подобный процесс продолжался лишь до 1900 г., а с этого года начинается интенсивное развитие капиталистической промышленности. Вывод автора основан на детальном изучении сербских и английских статистических изданий, сборников консульских донесений России, материалов Центрального государственного исторического архива. Все они свидетельствуют о бурном развитии легкой и тяжелой промышленности после завершения процесса первоначального накопления к 1900 г.

В 1972 г. Глебов защитил кандидатскую диссертацию в Институте славяноведения и балканистики АН СССР по теме "Завершающий этап становления капитализма в Сербии". Диссертация была выполнена под руководством д-ра ист. наук, проф. Н.П. Полетика, официальные оппоненты: д-ра ист. наук В.А. Турок-Попов и К.Б. Виноградов, канд. ист. наук В.Г. Карасев и В.В. Зеленин. Диссертация в основном повторяла главные положения и выводы указанной выше книги Глебова. Все же остановимся на некоторых положениях диссертации.

Так, автор отмечает, что "особенностью исторических условий, сложившихся в Сербии, требующих ускоренного капиталистического развития страны, решался радикалами в борьбе за экономическую независимость Сербии, а грубая агрессивность австро-венгерского империализма (в частности, Боснийский кризис) вызывала всенародное возмущение". Оба эти фактора позволяли сербской буржуазии, стремясь к достижению своих целей, выступать в роли "защитницы национальных интересов, в то же время подчиняя страну военным и финансовым интересам стран Атланты" [2. С. 15]. Диссертант, оценивая общее значение "таможенной войны", считает, что "австро-сербская борьба в целом была для Сербии явлением исторически прогрессивного и национального характера" [2. С. 19]. Глебов подчеркивает, что царская Россия, "несмотря на классовый характер пробуждений представителей правительства, оказывала Сербии реальную поддержку в ее борьбе" с Австро-Венгрией в течение 1880–1900-х годов. Это помогало независимому развитию Сербии "по пути капитализма", который для нее был неизбежным и экономически прогрессивным явлением". Победа Сербии "в неравной борьбе с могущественной соседкой", по мнению Глебова, определялась "обострением империалистических противоречий между блоками великих держав" накануне первой мировой войны: "В своей поддержке Сербии державы Атланты исходили прежде всего из своих стратегических и экономических интересов" [2. С. 19].

В 1973 г. Глебов опубликовал статью "Общие тенденции балканской политики великих держав в конце XIX – начале XX в." [3]. В начале статьи автор пишет, что до сих пор "недостаточно раскрыта объективная взаимосвязь между реальными политическими и экономическими интересами каждой из держав и внутренней расстановкой социальных сил и столкновениями интересов в кругах, в той или иной степени влияющих на формирование внешней политики держав" [3. С. 12]. Говоря о балканской политике Австро-Венгрии, Глебов отмечает, что, согласно анализу структуры внешней торговли и задолженности по займам, Сербия, Болгария и Румыния в указанный период находились в большей или меньшей экономической зависимости от Австро-Венгрии, что мешало развитию собственной промышленности в этих странах. На основе анализа расстановки социальных сил в самой Австро-Венгрии и их влияния на экономическую и внешнюю политику, автор подчеркивает, что переплетение внутри- и внешнеполитических целей правящих кругов и делало Австро-Венгрию в конце XIX – начале XX в. наиболее агрессивной и реакционной силой всего балканского района. Добавим, что австро-германский блок на Балканах опирался на самые реакционные силы; как отмечает Глебов, это режим последних Обреновичей в Сербии, диктатура Стамболова в Болгарии, деятельность придворной камарильи румынских Гогенцоллеров. Особое внимание в статье обращено на казальность бы взаимосоключающие линии британской политики на Балканах – сохранение

территориальной целостности Турецкой истории и "забота" о соблюдении национальных интересов уже образовавшихся балканских государств. Но между ними существовало лишь тактическое различие, в условиях которого "могла быть достигнута единая стратегическая цель: противодействие усилению влияния в этом районе" других держав [3. С. 18].

Основываясь на русской политике на Балканах конца XIX – начала XX в., Глебов подчеркивает, что Россия объективно оборонительные "и освободительные задачи решала агрессивными и великодержавными методами, свойственными классовой психологии ее творцов". Вместе с тем "в конечном итоге на первый план выступило непреходящее значение ее объективного содержания". Далее автор пишет, что политика России обеспечивала как саму возможность самостоятельного развития народов полуострова, так и просто утверждение более прогрессивных форм и ступеней этого развития [3. С. 24]. Отмечается в статье и еще один момент – побудительный мотив балканской политики России, который отсутствовал у всех других держав: "Это – многовековое и прочное народное чувство кровной, культурной и религиозной близости народов полуострова и России" [3. С. 23].

В 1977 г. Глебов опубликовал брошюру "Начало германского проникновения на Балканах" [4] (см. также по этой теме [5]). В этой интересной и богато аргументированной работе с использованием литературы по данному вопросу на разных языках автор детально анализирует политику, проводимую Германией на Балканах с 70-х годов XIX в. до самого начала первой мировой войны. Приведенный Глебовым фактический материал опровергает существующее в исторической литературе утверждение, что Германия заинтересовалась Восточным вопросом лишь после получения концессии на Багдадскую железную дорогу (1898), а в балканские дела она практически "не вмешивалась едва ли не до марта 1909 г." [4. С. 3]. Уже в 1870-е годы, как пишет автор, происходит проникновение немецких капиталов в Австро-Венгрию, а 1880-е – первая половина 1890-х годов характеризуются "продвижением германских капиталов (берлинских банков Ганземанна, Блейхредера, Сименса) на рынки и в финансы всех дунайских стран", косвенно – через Австро-Венгрию. Последнее позволяло Бисмарку по-прежнему говорить о германской незаинтересованности в балканских делах и играть на англо-русских противоречиях по отношению к Турции [4. С. 33–34]. Что касается последней, то экономическое проникновение в нее немецких банков, как подчеркивает Глебов, началось еще в начале 1870-х годов. В 1897–1908 гг. германский империализм экономически теснит "на балканских рынках свою собственную союзницу". В эти же годы, по мнению автора, нарастает крах "гегемонии Центральных держав на Балканах в результате освободительного движения балканских народов" [4. С. 34]. В противовес Германии складывается англо-франко-русский союз. В последние шесть лет накануне первой мировой войны Германия открыто направляет австро-венгерскую экспансию в своих целях на Балканы; вместе с тем с началом войны все балканские государства, за исключением Болгарии (прогерманская группировка у власти), выступают против австро-венгерского блока.

В круг научных интересов Глебова входила и проблема отношения русской общечеловечности (славянофилов) и государственных деятелей России к судьбе балканских народов в конце XIX в. Так, еще будучи студентом четвертого курса, Глебов опубликовал вместе с автором данной статьи рецензию на "Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество, 1867–1878 гг." (Гос. ордена Ленина Библиотека СССР им. Ленина. Труды Отдела рукописей. 1948. 205 С.) [6]. В рецензии Глебов анализирует такие документальные материалы, как переписка братьев Н.А. и А.А. Киреевых, председателя Московского славянского комитета И.С. Аксакова с князем В.А. Черкасским, план генерала Р.А. Фадеева "Болгарское дело в турецкой войне" (представлен военному министру Д.А. Милютину). Все указанные материалы посвящены вопросам формирования и снабжения болгарских дружин и будущему государственному устройству Болгарии.

Нетрафаретно подошел Глебов и к оценке жизни и деятельности М.Н. Каткова, о чем свидетельствует написанная им биосправка о нем [7]. Обычно заметки о М.Н. Каткове ограничивались лишь руганью по его адресу и утверждением, что он был главным идеологом дворянской реакции в России в 60–80-е годы XIX в. Глебов несколько не отрицает в своем материале данную Каткову в последний период его жизни оценку. Вместе с тем он приводит большой фактический материал, раскрывающий предыдущие периоды жизни Каткова. Так, автор пишет, что в 1830-е и 1840-е годы Катков сотрудничал в качестве переводчика и критика в прогрессивных журналах "Московский наблюдатель" и "Отечественные записки", где поместил статьи по русскому фольклору, которые были высоко оценены В.Г. Белинским. В студенческие годы в Московском университете Катков входил в кружок западников Станкевича, в Берлине слушал лекции по философии Ф. Шеллинга. Глебов отмечает, что позже, разойдясь с товарищами по кружку Станкевича, Катков до 1863 г. (до восстания в Польше) оставался на либеральных позициях. Определенное внимание в своих изданиях Катков уделял положению славянских народов, правда, лишь в плане внешнеполитических задач царизма. Все приведенные факты тем самым дают возможность сказать, что в разные периоды жизни Катков придерживался разных общественно-политических взглядов.

О многообразии научных интересов Глебова свидетельствует и его интересное пособие «Идеал культуры и социальная практика. Итоги "русского эксперимента" 1917–1991 годов» [8]. В этой работе он дает философское определение культуры как системы ценностей данного общества, регулирующей поведение и образ жизни его членов. Много внимания Глебов отводит анализу советской политики в области культуры и образования. Он подчеркивает, что культурная революция подняла "практически все население до уровня образования индустриального общества", но массовые репрессии "привели к девальвированию духовных ценностей и понижению общекультурного уровня" [8. С. 23].

Проявлял Глебов живой интерес к проблеме происхождения славян, посвятив ей две брошюры: "Современная наука о происхождении славян" (1976) и "Проблема прародины славян" (1991), которые издал в своем институте.

Кроме работ по истории Сербии, Глебов, будучи преподавателем, а затем доцентом и профессором кафедры философии Новосибирского электротехнического института, с 1970-х годов по 1991 г. опубликовал свыше 20 работ по проблемам философии и социологии. Всего им было опубликовано свыше 40 научных работ. В 1992 г. он стал профессором новой кафедры истории мировой культуры. Из научных статей и научно-методических работ по указанной выше тематике назовем лишь некоторые, выпущенные в его институте (небольшим тиражом): "Некоторые методологические вопросы преподавания эстетики в техническом институте" (1970); "Социально-экономические формации и общественный прогресс" (1977); "Формы общественного сознания" (1991).

Сложной, а порой и трагичной была жизнь самого Владимира Львовича Глебова в первой половине его жизни. Он родился в Москве 9 мая 1929 г. в семье руководящего деятеля большевистской партии и Советского государства в первой половине 1920-х годов Льва Борисовича Каменева, его матерью являлась Татьяна Ивановна Глебова, бывшая в эти годы заведующей женотделом Моссовета. До рождения сына родители побывали в 1927–1929 гг. в ссылке в Ачинске. В 1933 г. трехлетний Володя вместе с родителями был отправлен в первую свою ссылку, в Минусинск. Однако в начале 1934 г. Володя вместе с семьей вернулся в Москву, где его отец был восстановлен в партии, но от политической деятельности устранен и возглавил литературное издательство "Academia", а мать стала директором Московского электротехникума [9]. В самом начале массового террора после убийства Кирова отец Володи был арестован и в конце лета 1936 г. по решению инспирированного Сталиным процесса расстрелян. В эти годы Володя вместе с матерью жил в Бийске, до ее ареста за переписку с Львом Борисовичем, в августе 1937 г. она была расстреляна [10]. Вслед за

тем, в 1936 г., Володя оказался в Бийском детприемнике, после которого, как вспоминает он сам, его переправили из детского дома Томской области в Кемеровскую. Во время его мытарств по детским домам без его согласия и ведома менялась его фамилия. Так, в детском доме Чичка-юле (Томская область) он считается Каменевым, позже Каменевым-Глебовым, затем части этой фамилии переставили местами и, наконец, он остался просто Глебовым по желанию доброй души одного из директоров детдома [9].

После выхода из детского дома Глебов, находясь в Прокопьевске, в 1942 г. поступил в 10-ю Ленинградскую специальную артиллерийскую школу, окончив ее, он вместе с ней переехал в 1945 г. в Ленинград. Здесь осенью 1945 г. он поступил на первый курс Исторического факультета Ленинградского университета. В это время на нашем курсе собрались студенты, только окончившие школу в эвакуации или в родном Ленинграде, а также приехавшие из других городов и демобилизованные из армии фронтовики. Володя Глебов был самым молодым на курсе по возрасту, отличался серьезностью и начитанностью. Внешне он был небольшого роста, с небольшой рыжей шевелюрой, долгое время ходил в гимнастерке, полученной еще в спецшколе. Жил Глебов на Охте в студенческом общежитии, так как на жизнь студенческой стипендии не хватало, приходилось подрабатывать на разгрузке товарных вагонов. Раньше многих из нас он выбрал свою узкую специализацию – новейшую историю Балкан – и занимался по этой теме у доцента В.Н. Белановского. Активное участие принимал Глебов в работе студенческого научного кружка по истории западных и южных славян, который объединял всех студентов, занимавшихся этой проблематикой, что было важно при отсутствии специальной кафедры. В январе 1950 г., когда Глебов был студентом пятого курса, его арестовали, и вместо "веселой, насыщенной занятиями и разнообразными событиями студенческой жизни, опять пришли мрачные времена". Он знал, что за ним никакой вины не было. После ареста Глебову сказали: «Доверие Родины и товарища Сталина не оправдал, оказался "достойным" сыном своих родителей». «А вся вина моя была в том, что написал шуточные стихи. Это была несуществующая десятая глава "Евгения Онегина" под названием "Приключения Онегина, Ленского и сестер Лариных в университете и общежитии на Охте». Глебова отправили на строительство канала Волга–Дон, он был реабилитирован в 1956 г. [9] и вернулся в Ленинград на свой факультет, который и окончил в 1958 г. В эти годы ему всестороннюю поддержку оказывал известный историк Б.А. Романов. Тогда же Глебов опубликовал свою первую научную статью "К вопросу о завершении периода первоначального накопления в Сербии" [11]. После университета Глебов по распределению был направлен в Новосибирскую область в Тогучинский район, где в течение пяти лет работал учителем истории в школе, завучем и директором. В 1963 г. Глебов был приглашен на кафедру философии Новосибирского электротехнического института, где за 31 год он прошел путь от ассистента этой кафедры до профессора кафедры истории мировой культуры. В своем письме мне от 16 января 1986 г. из Новосибирска В.Л. Глебов писал, что, кажется, идет дело к реабилитации его отца. В 1988 г. родители Глебова были реабилитированы. В заключение приведу слова его вдовы, Лидии Александровны Глебовой: "Глебов Владимир Львович был счастливым, заботливым отцом троих детей, мы прожили с ним 34 года" [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глебов В.Л. Капиталистический путь развития слаборазвитых стран. Челябинск, 1970.
2. Глебов В.Л. Завершающий этап становления капитализма в Сербии. М., 1972.
3. Советское славяноведение. 1973. № 4.
4. Глебов В.Л. Начало германского проникновения на Балканах. Новосибирск, 1977.
5. Глебов В.Л. Германская восточная политика на Балканах в конце XIX – начале XX в. // Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

6. Молок Ф.А., Глебов В.Л. Новые материалы по истории славянских взаимоотношений России // Вестник Ленинградского государственного университета. 1949. № 3.
7. Глебов В.Л. Катков М.Н. // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 178–179.
8. Глебов В.Л. Идеал культуры и социальная практика. Итоги "русского эксперимента" 1917–1991 годов. Методическое пособие. Новосибирск, 1992.
9. Л.Б. Каменев. "Мы против культа вождя". О времени и об отце, соратнике В.И. Ленина, размышляет В.Л. Глебов // Новосибирская газета. 1988. 11 VIII.
10. Письмо Л.А. Глебовой Ф.А. Молоку от 7 X 1994 г. // Из писем Л.А. Глебовой Ф.А. Молоку от 7 X 1994 г.
11. Глебов В.Л. К вопросу о завершении периода первоначального накопления в Сербии // Сборник студенческих научных работ за 1957 г. Исторический факультет ЛГУ. Л., 1958.

© 2000 г. Л.Н. БУДАГОВА

"ДОРОГОМУ ДРУГУ НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ..."
(ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ
КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ)

Недавно вышедший сборник "Книга в пространстве культуры" (М., 2000), подготовленный Отделом культуры ИС по материалам конференции 1995 г., рассматривает проблемы развития книгопечатания, содержания и функций печатных изданий в славянских (и не только) странах на протяжении нескольких столетий. Велико научное и нравственное значение этой работы. Сообщая много нового о важнейшей стороне письменной культуры славян, находившей выход и распространение сначала в рукописях, а после знаменитого изобретения Гуттенберга и в печатных изданиях, сборник вносит свой вклад в поддержание высокого авторитета книги, которому, увы, серьезно угрожают и телевидение, и компьютеризация культуры. При безусловной пользе эти достижения научно-технического прогресса уменьшают потребность в чтении, отвлекают людей от книги, что чревато культурной деградацией общества. Сборник "Книга в пространстве культуры" объективно противодействует этим тенденциям.

Предлагаемая читателям "Славяноведения" статья, непосредственно связанная с проблематикой сборника, вносит в нее свой, – может быть, частный, но важный – аспект.

Каждая книга после того, как она издана, т.е. материализовалась и ушла к читателю, и когда из нее, как говорится и "слова не выкинешь", и ничего не прибавишь, тем не менее сохраняет способность вбирать в себя – уже на дорогах странствий по свету – новую, нередко уникальную информацию. Из исследований древнеславянских культур известно о пустых листах, оставляемых Симеоном Полоцким в рукописных книгах с перспективой их дополнения, "упаковывания" в них нового материала [1]. Но и печатная книга в какой-то мере остается "книгой открытой", куда и автор и читатель может "упаковать" нечто новое, что-то раскрыть еще в ней и в себе. Ян Амос Коменский, например, призывал читателей "работать с книгой", делать на своих и чужих произведениях подчеркивания, заметки на полях [2]. Оставленные на книге следы могут дать ценные сведения и о творческой динамике ее автора, и об особо важных для него вещах. Они могут сказать и о рецепции произведения, о том, как работали с книгой люди разных эпох, какие ее положения и идеи казались особенно актуальными.

Разновидностью дополнительной информации об авторе и его читателе являются дарственные надписи на книгах, сделанные уже в процессе их обращения: автографы писателей или посторонних людей, преподносящих книгу в подарок.

Будагова Людмила Норайровна – д-р филол. наук, зав. научным центром Института славяноведения РАН.

История пока умалчивает, кто, где, когда впервые снабдил свое или чужое произведение автографом-посвящением, положив тем самым начало большой культурной традиции, способной пролить свет и на судьбу произведения – степень его популярности, и на ту социальную среду, где оно пользовалось спросом. Эта вышедшая в обиход привычка создала целый культурный пласт рукописных текстов, которые представляют большой интерес для литературоведов и культурологов, историков и социологов. Каждая дарственная надпись, исходящая как от автора, так и читателя книги, по-своему красноречива и может быть источником ценной культурно-исторической информации разного плана. Иные же по своим достоинствам могут соперничать с гномическими литературными или околотитулярными произведениями тиражом в один экземпляр.

Книги с дарственными надписями есть практически в каждой семейной библиотеке. Они очерчивают круг друзей и домашний круг ее владельца, что-то говорят о его связях, вкусах, наклонностях. Именно с надписанными книгами человек расстается в последнюю очередь, потому что они становятся чем-то большим, чем просто книги. Даже снабженные надписями стереотипными ("Дорогой дочурке, сыну, внуку, внучке" и т.д., "В день рождения от мамы, папы, дедушки, бабушки" и т.д.) они обретают особую ценность, становятся своеобразным олицетворением дарителей, несут на себе их почерк, следы прикосновений их рук и души. Так, например, все еще хранит на себе тепло материнских рук зачитанный томик Н.А. Некрасова, когда-то подаренный дочке ко дню рождения. Тогда он пришелся на осень 1941 г. и праздником не был. Немцы рвались к Москве. Отец был в ополчении. Мать с детьми шла в тот день по пыльной казанской улице, вдруг увидела книжный магазин, открыла дверь и вышла оттуда с книгой своего любимого поэта, прибавив к его строчкам – свою, рукописную.

Подобные надписи "по случаю" – свидетельства и в пользу самой книги, они удостоверяют факт ее избранности, говорят о том, что она прошла личный отбор. Книги с автографами дарителей, хранящиеся в домашних библиотеках – частицы биографии их владельцев, фрагменты семейного дневника.

Но вот они покидают свой дома, попадают к букинистам, на книжные развалы, и теперь уже становятся документами того времени, когда их читали и дарили, но документами не безличными, а хранящими память о людях, бравших их в руки, писавших на них какие-то имена. Для этих имен такие книги становятся своеобразными пропусками в историю. Их можно сравнить с именами мореплавателей, спасшихся после кораблекрушения и пославших весть о себе в бутылке, брошенной в море с надеждой, что ее приберет к людным берегам. Только надписи на книгах – это вести, брошенные в океан времени, у которых тоже есть надежда не потеряться в нем.

Так, однажды, к берегу автора этих строк прибило томик дореволюционного издания "Сказок и легенд" братьев Гримм. Он был куплен на книжном развале в Женеве в середине 1960-х годов. Книга открывалась выведенной четким каллиграфическим почерком – со всеми необходимыми наклонами и нажимами – надписью, способной взволновать современного читателя, пожалуй, больше, чем содержание известных сказок. Вот эта надпись, сделанная не выцветшими с годами чернилами: "Дана сия книга в награду ученику 1-го класса Варшавской Первой 4-х классной мужской прогимназии Штикгольду Станиславу за отличное поведение и отличные успехи, оказанные им в течение 1907/8 учебного года. Г. Варшава, 13 мая 1908 года. Инспектор прогимназии... Уч. Секретарь Совета...". Эта надпись, послужившая "пропуском в историю" и Станиславу Штикгольду, и всей варшавской мужской прогимназии, красноречива – она говорит и о принадлежности части польских земель Российской империи, и о существовании в Варшаве русских школ, и что-то об общей системе образования в царской России. Она заставляет предположить, возможно, нелегкую судьбу этого примерного ученика, встретившего потрясения 1917 г. уже не мальчиком, а юношей; вероятно, занесенного бурями своего времени на чужбину, скорее всего – бедствовавшего. Ведь книга, прекрасно изданная, призванная храниться как реликвия, как напоминание о детстве, о школьных успехах, о счастливом майском

дне 1908 г., еще далекого и от войны, и от революции, была продана букинистам. Такие надписи способны взволновать воображение как знаменитый пушкинский цветок, "засохший, безуханный, забытый в книге", вызывающий вопросы:

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Другая надпись по тому же случаю успешного окончания школьного года, но уже от 4 июня 1945 г. на "Сочинениях В.В. Маяковского в одном томе", подаренных "Ученице четвертого класса 175 школы Свердловского района г. Москвы" от лица директора, классного руководителя и других учителей – это тоже документ времени. Вместо политически нейтральных братьев Grimm отличникам дарят книгу Маяковского, причем подписанную к печати 28 января 1941 г. Изданная в канун Великой Отечественной войны, она находит своих юных читателей уже после ее окончания. Вероятно, подобрать из военных изданий подходящую книгу для подарка школьникам было трудно. Две надписи из разных эпох, сделанные по одному и тому же поводу, говорят и о стойкости добрых, еще дореволюционных, традиций русской школы, не потерянных и в советское время: одаривать учеников книгами.

Особенно интересны дарственные надписи авторов книг – писателей, критиков, ученых. Они бывают и формальными, стереотипными, и оригинальными, личными, способными существенно дополнить облик дарителя (и одаряемого) новыми, неожиданными чертами. Есть авторы, которые вкладывают в свои посвящения друзьям душу, превращая их в часть творчества, в способ самовыражения.

Собрать и систематизировать все дарственные надписи известных писателей практически невозможно, как невозможно проследить все пути и судьбы их книг. Но вполне возможно рассмотреть и проанализировать те из них, что находятся в доступных библиотеках.

Порой автографы известных людей публикуют мемуарные издания, давая богатый материал для исследователей. Так, более десятка дарственных надписей поэта содержит иллюстративный материал в книге "Воспоминания о Борисе Пастернаке" (М., 1993. Подбор иллюстраций произведен М.И. Фейнберг). Они обогащают уже опубликованные произведения и сам облик поэта новыми мотивами и чертами: своей оригинальностью, нетрафаретностью они вправе претендовать на внимание литературоведов, будучи по сути дела уникальными рукописными произведениями поэта. В них сказались, например, редкая сердечность Пастернака, его "необычайная отзывчивость и щедрость на ласковые и добрые слова" (А. Поливанова) [3], которые он не особенно жаловал в стихах, не до конца раскрывая свою душу. Его дарственные надписи очерчивают и круг общения автора, и более узкий круг друзей, отмечают их роль в его судьбе. Они щедро выражают его чувства к адресату, отзываются на чужие настроения и мечты. Подобные тексты требуют душевной сосредоточенности, личного мысленного общения с хорошо знакомым человеком. И как много они говорят порой о самом дарителе, сколько живых мгновений его повседневного бытия могут сохранить!

Во многих дарственных надписях Пастернака проявляется его искреннее уважение к своим адресатам, восхищение ими на фоне удивительной личной скромности, заниженных самооценок, довольно часто присущими людям истинно великим. Незначительные люди и художники обычно этим не страдают. Вспомним, например, каким болезненным ощущением собственной несостоятельности пронизаны дневники Франца Кафки, который мучительно сравнивал себя – не в свою пользу! – с какими-то благополучными и сытыми бюргерами, считая именно их людьми состоявшимися, достойными всяческого восхищения. Своего рода "кафкианское самоуничтожение" сквозит и в дарственных автографах Пастернака, этих фрагментах его "дневника".

Вот надпись на книге "Девятьсот пятый год" (М; Л., 1927): "Дорогому Якову Захаровичу Черняку на добрую память о зиме 1926–7 и в благодарность за помощь, без которой не было бы и книжки. Б. Пастернак. 15.IX.27". И на ней же, более интимное: "Милому Яше с любовью и без пустяков". А вот еще: "Дорогому другу Косте Локсу, у которого я учился писать прозу не оправдавши его влияния. Борис. 19.IV.25" (Надпись на книге: "Рассказы". М; Л., 1925). Непременное возвышение адресата и недооценка собственного "я" – лейтмотив пастернаковских посвящений, когда бы он их ни писал. "Николаю Асееву, кровному куску жизни моей – мистический сумбур, который напомнит ему далекое и милое прошлое. Б. Пастернак", – начертано на "Тайнах" Гете в переводе Пастернака, изданных в 1922 г. Вряд ли "мистический сумбур" относится к Гете, скорее, к собственным переводам.

"Дорогая Анна Робертовна, – пишет поэт на своем однотомнике 1936 г., презентуя его А.Р. Грейгер-Анастасьевой. Вы – молодчина, и прелесть, и герой, а книжка мне не нравится и я ее надписываю неохотно. От души желаю Вам успеха в Вашей неравной борьбе с судьбой и победы. 30.X.39". Просьба Лидии Корнеевны Чуковской надписать книгу переводов Шекспира (М., 1949. Т. I) дает повод выразить свое отношение к ее творчеству, а еще – благодарность за поддержку: "Лидии Корнеевне Чуковской. Вы хотите, чтобы я надписал Вам Шекспира. Тогда я напомню Вам с благодарностью, как нравилось мне многое из Ваших стихов и места в поэме, и какую поддержкой были разговоры с Вами, когда я еще на что-то надеялся и начинал роман. Б. Пастернак. 7 августа 1949 г."

Выражая чувства к своим адресатам, Пастернак проявляет дружеский интерес к их жизненным делам, предается воспоминаниям, показывает, как близко и ему то, что дорого им. Делая надпись на книге своих переводов Важа Пшавелы, адресованной поэтессе и переводчице О. Силловой-Петровской, он не забывает пожелать ей творческих успехов: "Дорогой Оле Силловой на счастье в ее будущей литературной деятельности от любящего и преданного ей Б. Пастернака. 29.X.35". А надписывая свою старую статью "Несколько положений" (сборник "Современник". 1922 г.) для А. Тарасенкова, объясняется в любви к нему и его дому: "Толя, я по твоему желанию надписываю тебе эту статью в октябре 1947 года. Я рад, что у тебя; такой дом: с душой и настроением, с таким деревом над ним, в таком живописном и исторически славном переулке. Меня с тобой связывает чувство свободы и молодости, мы все с тобой победим. Я целую тебя и желаю тебе и всему твоему счастья. Б.П. 16 окт. 1947 г."

Драгоценные "частицы бытия" канувших в Лету времен, осевшие в посвящениях Пастернака, воссоздают атмосферу жизни и самого автора, тех ее часов и мгновений, когда рука поэта тянулась к перу, в перо к изданной книжке, чтобы запечатлеть в ней что-то очень личное. Так, на одном-единственном экземпляре сборника рассказов "Круг" (1925) все еще живут чувства Пастернака к его первой жене и сверкает солнце весны 1925 г. "Золотой девочке, обожаемой, моей. Чтобы не умничала, не воображала, не судила. Купалась, улыбалась, восхищала. Писала красками и рисовала лучше всех, и делила жизнь без всплеск преходящей старости (озлобления), и всегда молодая, какой я ее узнал, какую знал и какую люблю и жду от Синяковых в это мгновение: в два часа десять минут пополудни тридцать первого числа марта месяца 1925 года. Солнце, мальчик спит, она пишет натурщицу, у нас денег на неделю, я начинаю 2-ю гл. Спекторского. Дай бог всегда так. Боря".

А на "Антологии английских писателей", адресованной Е.Б. Черняк, все еще дышит сыростью другой весенний денек: "Милой Елизавете Борисовне, спутнице воплощенных выносливостей на память о человеке, этим воплощением злоупотреблявшем (Фраза непонятная, но правдивая). 2/V.27. Холодный гриппозный день. Б.П."

Серию пастернаковских посвящений можно рассматривать как комментарии к собственному творчеству, проясняющие психологию и хронологию творческого процесса ("...начинаю 2-ю гл. Спекторского" – 31 марта 1925 г.), его принципы, названия произведений и т.д., что важно для исследования столь неоднозначной пастернаковской поэзии.

Объясняя Алексею Крученых, почему свой сборник 1931 г. он назвал так же, как и книгу 1917 г. – "Поверх барьеров" – поэт указывает в дарственной надписи, сделанной на сборнике лишь в 40-е годы: «С течением лет самое, так сказать, понятие "Поверх барьеров" у меня изменялось. Из названия книги оно стало названием периода или манеры, и под этим заголовком я впоследствии объединял вещи, поздней написанные, если они подходили по характеру к этой первой книге, т.е. если в них преобладал объективный тематизм и мгновенная, рисующая движение, живописность. Б.П. 9 декабря 1946».

Некоторые надписи помогают прочтению пастернаковских текстов, показывают, какие ассоциации они вызывали у автора, какие мотивы и образы были для него главными, ключевыми. Ничто иное, как дарственная надпись поэту и переводчику С. Боброву на книге "Темы и вариации". Четвертая книга стихов (изд. "Геликон". М., 1923) обратит внимание исследователей прежде всего на стихотворения "Шекспир", "Орешник", "Сон в летнюю ночь", где есть такие строфы:

Извозчикий двор и встающий из вод
В уступах – преступный и пасмурный Тауэр,
И звонкость подков и простуженный звон
Вестминстера, глыбы, закутанной в траур.

...

Оконца и зерна лиловой слюды
В свинцовых ободьях. – "Смотря по погоде.
А впрочем... А впрочем, соснем на свободе.
А впрочем – на бочку! Цирюльник, воды!"...

("Шекспир")

Орешник тебя отрешает от дня,
И мшистые солнца ложатся с опушки
То решкой на плотное тленье пня,
То мутно-зеленым орлом на лягушку.

...

О место свиданья малины с грозой,
Где в тучи рогами лишайника тычась,
Горят, одуряя наш мозг молодой,
Лиловые топи угасших язычеств.

("Орешник")

Синеет белый мезонин.
На мызе – сон, кругом – безлюдье.
Седой малинник, а за ним
лиловый грунт его прелюдий.

("Сон в летнюю ночь")

Надпись на книге показывает, что этот сборник был окрашен для Пастернака в сумрачный и романтический лиловый цвет, цвет слюдяных окошек шекспировской эпохи, цвет "топей" прошлого и любимый цвет сецессии, и что из всех образов случайно был выделен многозначный "орешник". Он был для него не только приметой родной природы, но и символом человеческих качеств, а еще – камертоном, настроивающим на волну определенных аллитераций (орешник-отрешает-мшистые-решкой и т.д.); воссоздавших, может быть, ненамеренно, лесные шорохи.

Вот какие подсказки дает всего одно лишь пастернаковское посвящение: "Мало кем раскушенному горькому грецкому ореху дарит эти излияния – чернильного орешка – жертва происшествия. Сергею Павловичу Боброву с нежностью, взывающей к беспощадности, единственно способной смыть этот лиловый позор. Б. Пастернак. 29.1.23. Берлин».

Имело бы смысл, чтобы люди, имеющие на своих книгах писательские автографы, сделали их всеобщим достоянием. Они должны войти в обиход наравне с письмами, дневниками и записными книжками писателей. Надписи на книгах – даже не такие

содержательные, лиричные, личные как у Пастернака, – это живой контакт с человеком и его эпохой. Выведенные старыми чернилами, они воскрешают прошлое, действуют как кадры документального фильма, дают нечто большее, чем сухая информация об авторе. Можно просто прочитать, к примеру, о Ярославе Врхлицком, что тот дружил с издателем и критиком Ладиславом Квисом, но другое дело – взять в руки книгу, подаренную Врхлицкому и хранящуюся в его библиотеке – "Вацлав Шольц. Подснежники. Издал и предисловие написал Ладислав Квис в Праге 1905", прочесть надпись: "Другу Ярославу Врхлицкому. На память. Ладислав Квис. 2/6 1905 г."¹. Это как совершить путешествие в светлый июньский день далекого прошлого, когда стареющему классику, теснимому молодым писательским поколением, подарили в знак уважения и дружбы сборник стихов давно умершего чешского романтика, чем-то созвучных и атмосфере рубежа веков, и некоторым струнам поэзии Врхлицкого².

Некоторые автографы – свидетельства культурно-политической борьбы своего времени – способны прояснить объективную роль в ней тех или иных личностей. Имя Иржи Тауфера сегодня ассоциируется в Чехии с многострадальным соцреализмом, с официальной культурой послевоенной Чехословакии. Однако он, пропагандист предреволюционного русского футуризма, переводил не только Маяковского, но и Хлебникова. Он – автор монографии о Незвале (1957), где была предпринята первая успешная попытка реабилитации чешской авангардной поэзии, а вместе с ней и свободомыслия, стимулировавшего, может быть и помимо желания Тауфера, "пражскую весну" 1968 г. Как бы ни относиться к поэту за его "просоветскую" позицию и революционный романтизм, нельзя не оценить его роль в защите европейского художественного авангарда, враждебного тоталитарным режимам, и чешских писателей-авангардистов, в первую очередь Незвала, над которым в конце 40-х – начале 50-х годов, нередко сгущались тучи обвинения в "формализме" и других "грехах". К Незвалу в Чехии сейчас отношение неоднозначное – как поэту чуть ли не официальному и якобы всегда угодному просоциалистическим властям. Но эту репутацию способна поколебать коротенькая надпись Незвала на книге, адресованной Тауферу – она говорит о том, что каждый из них по-своему сопротивлялся догматическим тенденциям в послевоенной чешской культуре, что Незвал и после войны не утратил своего авангардного свободолобия, а Тауфер отважно его защищал. "Иржи Тауферу, который не позволил ураганам уничтожить мой труд", – написал Незвал на книге стихов незадолго до смерти, отдавая должное способности своего друга идти, как и он сам, против течения.

Обладает примечательными автографами известных поэтов (В. Незвала, В. Завады, Я. Смерка, Я.Р. Поницана, М. Червенки и др.), критиков, литературоведов, искусствоведов (в том числе товарищей по работе) и автор этой статьи. Сделаем попытку их классифицировать. Самую большую группу составляют надписи, выражающие добрые отношения к адресату; даже самые простые, они – память, моральная поддержка. Сакраментальный вопрос, волнующий каждого, но произносимый лишь в определенной ситуации – "Ты меня уважаешь?" – находит здесь неизменно положительный ответ. Это бодрит.

Некоторые автографы индивидуализированы и конкретизированы, отражают момент и ситуацию дарения, приоткрывают характеры, биографические моменты. Вот россыпь разножанровых надписей, сделанных соавторами на экземпляре "Очерков истории чешской литературы XIX–XX вв." (М., 1963). Приведены с небольшими сокращениями: "На память о совместных заботах и творческих спорах. С. Никольский"; "чувствующей поэзию, не потерять это качество! А. Соловьева"; "...Эта книга всегда

¹ Здесь и далее названия чешских книг и сделанные там надписи даются в русских переводах.

² Пользуюсь случаем поблагодарить за эту возможность Кароля Билека, директора филиала Литературного архива Музея чешской письменности. Филиал расположен в замке местечка Старе Грады и содержит мемориальные кабинеты Я. Врхлицкого, А. Ирасека, Э. Красногорской, где собраны их вещи, книги и воссоздана домашняя обстановка, в которой они работали и жили.

будет напоминать о Вашей молодости, научной и вообще. Л. Кишкин"; "Да будет эта книга самой плохой из всех, которые суждено нам еще написать. С. Шерлаимова" (подпись вверх ногами. – Л.Б.); "Не требуй от меня высоких слов – истинные чувства в них не нуждаются. И. Богданова"; «От участника "со стороны" Д. Марков». Здесь – и атмосфера работы над книгой, и забота научного руководителя о будущем своей подопечной, и мудрое пророчество старшего коллеги, и планы на будущее, эмоциональность одних и сдержанность других.

Имя чешского поэта, написавшего в подарок библиотечный экземпляр своей книги, поскольку другого у него не было под рукой, и удостоверяющего, что она была не украдена, а получена от автора, – умолчу. Но нет нужды скрывать другое имя – Л.А. Софроновой, зафиксировавшей в автографе момент дарения, памятный и для нее и для адресата. На своей книге "Польская театральная культура эпохи Просвещения" надпись датирована днем "Ученого Совета 9.III.88". С искусствоведом Л.И. Тананаевой мы жили в семейном общежитии докторантов Академии наук, на пятом, чердачном этаже старого московского дома. И книгу свою "Карел Шкрета. Из истории чешской живописи барокко" (М., 1990) она надписала, оживив далекие годы: «Такой-то – в память "5-го этажа", нашего детства и долгой-долгой дружбы. Лариса. 4.IV.92». На одном из посвящений – еще один адрес из более позднего времени, когда мы переехали в другой дом, и коммуналка осталась в прошлом. О нем напоминает "Жизнь с мыслью. Книга счастливого человека (пока)" (М., 1995), где написано: "коллеге и соседке домами детства и секторами – на добрую память о многом общем. 27.V.97. Гачев". Чешский литературовед и писатель Владимир Мацура в автографе на книге "Счастливая эпоха. Символы, эмблемы и мифы 1948–89" (Прага, 1992), посвященной социалистическому мифотворчеству, оживил прошлое по-своему, коснувшись совсем других его сторон: "Пани Будаговой, которая все это знает по своей стране. Владимир Мацура. 6.12.92. (т.е. к Микулашу)".

И в моей коллекции есть автографы, обогащающие облик дарителя, комментирующие его творчество и т.д. Один из них принадлежит чешскому поэту и литературоведу Мирославу Червенке. В нем гораздо ярче, чем в его стихах и статьях проявлен юмор, яркое свойство чешского национального характера. На "Словаре чешских писателей" (Прага, 1964), богато иллюстрированном фотографиями и портретами (там была и фотография самого Червенки), он написал: "Такой-то, чтобы она могла убедиться, какая их уйма (и препротивных!) этих чешских писателей", что подтвердил своей подписью и литературовед Зденек Пешат. Четко определил смысл своей поэзии в надписи на сборнике стихов "Обитель дома моего" (М., 1993) М.В. Фридман. Он назвал их "исповедью... десятилетий". Подробно прокомментировал историю создания книги стихотворений "Еще пожить на земле" (Градец Кралове, 1979) чешский поэт Иржи Карен: "...Примите, пожалуйста, эти стихи, писавшиеся, когда речь шла о моей жизни... Молодежь упрекает их за дешевый оптимизм, но в них каждая оптимистическая нота дорогого стоит... Сентябрь 1980 г." А уже упоминавшийся Мирослав Червенка в надписи на сборнике своих переводов современной русской поэзии (Прага, 1964) прокомментировал целую область творчества, определив особенности переводческого искусства, как "попытки пересаживания из одного контекста в другой".

Но вернемся к проблеме дарственных надписей стереотипных, без проблемсков индивидуальностей дарителя и адресата. Они тоже показательны, так как могут быть своеобразными тестами на некоторые свойства натуры, раскрывая эмоциональность или сдержанность человека, его зависимость или независимость от людей "вышестоящих", его внимание или полное равнодушие к табели о рангах. Есть категория авторов, которые по-разному подписывают книги начальству и подчиненным. К личностям пастернаковского масштаба такой тест неприменим. Табеля о рангах не имеет для них никакого значения.

Восприятие дарственных надписей тоже может сказать о человеке что-то примечательное. Некоторые люди, не привычные к посвящениям, порой не чувствуют их

специфику и суперлативные клише могут принять за чистую монету, формулу вежливости за признание в любви. Известен курьезный случай, когда одна вполне цивилизованная и чуть простодушная женщина устроила своему мужу нагоняй, всерьез приревновав его к дарительнице книги, которая закончила надпись на ней словами "твоя Эльза".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сазонова Л.И.* Рукописная книга в культуре русского барокко. Доклад на конференции "Книга в пространстве культуры". М., ИС. 1995.
2. *Мельников Г.П.* Книга в культурно-философской концепции Я.А. Коменского // Книга в пространстве культуры. М., 2000. С. 42.
3. Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., 1993. С. 490.

© 2000 г. В.В. УСАЧЕВА

ФРАНТИШЕК ЛАДИСЛАВ ЧЕЛАКОВСКИЙ И ЕГО "МУДРОСЛОВИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ПОСЛОВИЦАХ"¹

Пробуждение национального самосознания западных и южных славян, стремление угнетенных славянских народов доказать своеобразие, самобытность своей культуры, нашли яркое отражение в произведениях чешских поэтов и исследованиях ученых-славистов. Борьба за развитие национальной культуры, интерес к народному характеру, к идее "национального духа", свойственный романтизму, были главным стержнем поэзии, публицистики, научных трудов конца XVIII – начала XIX в. Романтические идеи о братской любви, о взаимном единстве, о великой славянской будущности, о не менее великом, но забытом или уничтоженном иноземцами прошлом будоражили умы, побуждали "раскапывать старину". Ученые искали исторические нити, связывающие настоящее славян с его прошлым, родственные черты в характере отдельных племен, обнаруживали истинные красоты славянской народной поэзии. Эти настроения наиболее ярко выразились в поэзии, прежде всего в известной поэме Я. Коллара "Дочь Славы", являющейся по сути программным произведением, которое отразило целое направление, проповедававшее, по словам А.Н. Пыпина, всеобщие славянскую любовь и единство. Коллар был одним из идеологов славянского возрождения. "Его имя сделалось своего рода знаком и символом славянской взаимности" [1], сущность которой заключалась в защите собственной народности и в единении с другими славянскими народами. По мнению Пыпина, творчество Ф.Л. Челаковского также носит панславянский характер, но в своем творчестве он использует другие средства. Оригинальный поэтический талант Челаковского заключается в том, что, будучи восторженным поклонником славянского фольклора, он переносил на чешскую почву народные песни других славян, показывал их родство и тем самым знакомил народы друг с другом. Его своеобразное творчество отразило глубокое и всестороннее знание русского и славянского фольклора. Для Челаковского, как и для других приверженцев романтизма, народная поэзия была художественным идеалом, моделью и вершиной национальной культуры, они видели в ней историю национального духа. В его знаменитых сборниках "Slovanské národní písně" (1822, 1825, 1827 гг.) впервые были даны тексты украинских,

Усачева Валерия Васильевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный 25 мая 1999 г. на заседании круглого стола "Славянские поэты – ровесники Пушкина", организованном Центром истории славянских литератур (Институт славяноведения РАН) в рамках Дней славянской письменности и культуры. Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 99-04-00079).

белорусских, болгарских народных песен. Кроме чешских, составитель поместил в них моравские и словацкие песни, а также уже известные по публикациям образцы песенного фольклора русских, сербов, лужичан. Заслуга Челаковского в том, что он ввел этот материал в научный оборот как часть славянского песенного творчества, до того времени почти неизвестного не только широкой публике, но и исследователям. Антологию славянских народных песен отличает строгий подход к подбору текстов: в нее включены наиболее ценные как с эстетической точки зрения, так и их общественной значимости образцы. Трехчастная антология Челаковского "Славянские народные песни" вскоре была переведена на немецкий язык Й. Венцигом и на польский К. Бродзинским и К.В. Вуйчицким.

Челаковский больше известен как поэт. В России его называли "чешским Пушкиным" [2]. Но портрет Челаковского будет неполным, если не упомянуть еще об одной стороне его творчества. Мы имеем в виду его лексикографические занятия. Челаковский составил "Полабский словарь", "Словарь серболужицкого языка" (остались в рукописи), дополнение к фундаментальному пятитомному "Словарю чешско-немецкому" Й. Юнгмана (опубликовано в Праге в 1851 г.). Практическое знакомство почти со всеми славянскими языками, работа над Общеславянским этимологическим словарем (сохранилась в рукописи часть этого труда) и грамматиками славянских языков, постоянный интерес к народной словесности и знание не только фольклора, но и этнографии, побудили Челаковского заняться пословицами и поговорками. Составленный им паремиологический словарь, озаглавленный "Мудрословие славянских народов в пословицах" (*Mudrosloví národu slovanského ve příslovích*. Praha, 1852), представляет собой компендиум славянских пословиц, поговорок, крылатых выражений, пословичных изречений, до сих пор является достаточно полным по количеству собранных в нем текстов, паремий и фразеологизмов, включает материал из всех славянских языков. В него вошло 15 тыс. примеров.

Это первый опыт создания сравнительного словаря славянских паремий в то время, когда наука о паремиологии только формировалась. Занимаясь в начале своей собирательской деятельности песенным фольклором, Челаковский обратил внимание на так называемые малые формы фольклора. Он стремился познать духовную жизнь народа во всем ее многообразии, постичь душу народа не только через песни, но и через пословицы и поговорки, крылатые выражения, в которых в своеобразной форме отражается мировидение, мироощущение народа, его философия. Еще в 1828 г. в письме к своему другу и единомышленнику, поэту и любителю народного творчества Йозефу Властимилу Камариту (1797–1833) Челаковский изложил конкретный план сборника пословиц, которых собралось у него довольно много и которые он хотел бы издать на языке оригиналов с пояснениями на чешском языке. Он писал, что поговорки интересны, так как дают "превосходное представление о философии, нравственности, юморе и т.п. нашего народа" [3. S. 905]. Тогда речь шла о том, чтобы небольшой по объему публикацией дать представление об этом жанре с привлечением материала всех славянских языков.

Собственно говоря, Челаковский продолжал дело, начатое Й. Добровским и Й.Б. Пишелем, которые уже в 1804 г. издали небольшой сборник пословиц Срнеца и Горного, дополнив его материалом из старочешской литературы. В 1806 г. Добровский в "Славине" опубликовал несколько русских пословиц, а в 1814 г. он напечатал сербские пословицы. Эти небольшие публикации составили основу "Мудрословия" Челаковского. Отдал ему свои неопубликованные материалы В. Ганка. В 1837 г. в журнале "Musejník"² Челаковский опубликовал часть пословиц с развернутым программным предисловием, в котором рассказал о трудностях, с которыми сталкивается собиратель, задавшийся целью осуществить подобную публикацию. Следовало определить, что является пословицей, а что поговоркой и чем они отличаются от устой-

² Ведущий научный и литературный журнал чешского Национального возрождения, основан Обществом Национального музея в 1827 г.

чивых словосочетаний, которые можно отнести к фразеологизмам. Челаковский так охарактеризовал этот жанр: для пословицы характерны «образность, обилие сравнений, ассоциаций, остроумных сентенций, сопоставлений, отсюда завершенность ее формы, округлость, предельная сжатость, краткость, скупость слов, недаром присловье само о себе говорит: "Jest přísloví kratší, než zobáček ptačí" – "Есть притча короче носа птичья"». И далее: "Изречение это часто звучное, рифмованное или ритмизованное, а что самое главное, и слуху, и духу приятное". Народный афоризм он сравнивает с монетой из дорогого металла, на которой есть и надпись, и изображение, и издает она мелодичный звон, и переходит из рук в руки. Известно, что пословицы часто ведут свое происхождение от басни, рассказа, притчи. Пословица зачастую является как бы выводом из всего рассказа, изречением, передающим весь смысл его. Но воссоздать событие, давно забытое, породившее ту или иную пословицу, довольно трудно. Попытка обнаружить повод, историю возникновения этих выражений почти всегда безрезультатна. Это удастся сделать, лишь иногда если в пословице упоминаются имена собственные, имена исторических лиц. Шутка же, остроумное выражение, самая суть их сохраняется, пословицы живут, разорвав связь со своим прародителем, и народ передает унаследованную мудрость из поколения в поколение. Челаковский поясняет, как поговорка легко превращается в пословицу: если мы скажем: "Чужими руками жар загребает" – это поговорка, но стоит только добавить к этому изречению одно слово – "Чужими руками жар загребать легко" – это уже будет пословица. Публикация 1837 г. сыграла свою положительную роль. В 1848 г. вышел сборник пословиц Яна Славибора Либлинского, который при систематизации материала апробировал теоретические положения и концепцию Челаковского, изложенные в журнале "Musejník".

Вновь к этой теме поэт вернулся только в 1851 г., хотя рукопись была готова в 1846 г., о чем писал в одном из писем Челаковский. Работая над "Мудрословием", он использовал труды русских собирателей и исследователей фольклора: М. Максимовича, Н.И. Костомарова, И.И. Срезневского, материалы из альманаха "Киевлянин", работы И.М. Снегирева "Русские в своих пословицах" и "Малорусские пословицы и поговорки" (1834), а также публикации Г.С. Илькевича "Галицкие приповидки и загадки" (Вена, 1841), Я.П. Коубка "Vybor halických prisloví" (публикация в журнале "Vlastimil" за 1842 г.). Несколько белорусских пословиц было взято из книги А.Ф. Рыпиньского "Białoruś, kilka słów o poezii prostego ludu", изданной в Париже в 1840 г.³ Польский материал Челаковский черпал из словарей С.Б. Линде и Г. Кнапского, из сборника присловий К.В. Вуйчицкого; болгарские пословицы – из собрания И. Богорова "Болгарские народные песни и пословицы" (Пешт, 1842). Чешские пословицы Челаковский брал в основном из печатных изданий, привлекая и старочешскую литературу, в которой фиксировались песни, сказки, легенды, пословицы, но не как достойные внимания самостоятельные произведения, а как документ эпохи, подчас курьезный, или как свидетельство отсталости и варварских обычаев простого народа. В сочинениях XIV и XV вв. больше всего отражено пословиц, так как средневековые авторы ценили яркие образные сентенции как стилистическое украшение и собирали их постоянно. Самое большое собрание пословиц принадлежит Я.А. Коменскому (начало XVII в.). Его Челаковский использует часто. Цитирует он таких авторов, как Я. Гус, Я. Благослав, Й. Юнгман, Цибор, Т. Штитны. В его словаре можно найти и неопубликованные записи, которые он получал от своих знакомых. Например, украинский материал ученому присылали чехи, которые жили и работали в Галиции (К.В. Зап, Игнац Ян Гануш), поэтому пословиц из Галиции довольно много по сравнению с примерами из других областей и губерний, населенных восточными славянами. Украинский материал этого труда столь велик, даже в сравнении с русским, что И. Франко назвал его самым большим и важным

³ Одна из работ И.Я. Гануша [4] посвящена литературе о славянских и немецких пословицах и предшественникам Ф.Л. Челаковского в его работе над собранием пословиц.

собранием из опубликованных к началу XX в. Включение украинского материала в "Мудрословие" обогатило этот труд в двух отношениях: углубило социальную направленность работы и показало национальную самобытность украинского народа, его тяжелую подневольную жизнь в Австрии и царской России.

Своим трудом Челаковский заложил основы сравнительной паремиологии. Сравнение славянских пословиц для того времени было сделано досконально, материал вводился органически. Фольклористическая эрудиция и практический опыт помогали Челаковскому работать с опубликованными в фольклорных сборниках текстами. Он подходил критически к выбору текстов, тщательно отбирая материал, консультировался с такими знатоками и исследователями славянского народного творчества, как И.И. Срезневский, П.И. Шафарик, О. Бодянский, В.И. Григорович, С. Враз.

В.И. Даль, работая над своим собранием русских пословиц, также столкнулся с трудностями при отборе материала, при его систематизации. Он писал: «Поговорка, по народному же определению, цветочек, а пословица ягодка. Поговорка – околное выражение, переносная речь, просто иносказание, ...способ выражения, ...она не называет вещи, но условно, явно намекает. Она не говорит: он пьян, а скажет: "У него в глазах двоится, он навеселе, язык лыка не вяжет, он закатил за ворот, он по одной половине не пройдет"» [5. С. 20]. Пословица же – это "коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности" [5. С. 18]. В предисловии к первому изданию пословиц Владимир Иванович признавался: "Ученые розыски, старина, сравнение с другими славянскими наречиями – все это не по силам собирателю" [5. С. 5]. Челаковский же взял на себя труд и собирателя, и ученого-компаративиста, не уступая Далю ни по базе источников, ни по разработке классификации материала.

Челаковский к поговоркам относит такое выражение, как "Zavaditi o svj̇j krajíc", что поясняет как "начать хозяйствовать для себя". А вот предложение "Lepší za svj̇m krajícem než za cizím respem" ["Лучше своя краюшка хлеба, чем чужой каравай"] называет пословицей. Поговорки: "Na obě strany broušený", "Dva jazyky v hubě nosí", "Na dvou stoličkách sedá", "Dvou dvořů pes" и другие означают только одно – obojetník, т.е. двурушник, двуличный человек. Далее встал вопрос, как же подать материал, в каком порядке расположить его, чтобы пользование словарем не составляло труда. Челаковский отвергает расположение в алфавитном порядке, по первым буквам, так как найти нужное выражение таким образом очень трудно. Он выбирает тематическую классификацию материала и делит его на две части: в первой – общеславянский материал, во второй – чешский. Пословицы сгруппированы по наиболее значительным темам, раскрывающим сущность жизни, быта, семейных и общественных отношений, нравственные категории. Предметные и тематические разделы объединяют пословичные тексты по принципу антонимии, например, "1. Бог. Религия. – Пословицы библейские. – Дьявол. Грех. Покаяние. 2. Доброе – злое. Трудно исправимое зло. 3. Правда – справедливость – ложь. Язык – молчаливость – болтовня. 4. Труд, работа, усердие – безделье, праздность, лень" и т.д. В одном из разделов помещен "Календарик". Это пословицы и поговорки о календарях, приметы о погоде (прогностики) по сезонам и месяцам: чеш. "Na Nový rok o slepičí krok, na Tři krále o skok dále, na hromnice o hodímu více" (прибывает день), русск. "На Васильев вечер день прибывает на куриный шаг", пол. "Przybyło dnia na kurzą stopę" [3. S. 531]. Иногда кроме пословицы дается комментарий-пояснение: чеш. "Májová voda vypije víno (т.е. deštivost v Máji vinicím škodí)" [«Майская вода, т.е. дождь, "выпьет" вино, так как дождь в мае вредит виноградникам»] [3. S. 539]. Много пословиц о труде, о котором говорится прямо или косвенно: русск. "Не столько роса, сколько пот творит поля плодородными" (с примечанием, : "Говорят, это была любимая пословица Петра Великого") [3. S. 508].

Один из разделов содержит пословицы этнографического, географического и исторического характера, а также мифологические пословичные тексты и те, которые связаны или соотносимы с поверьями. В этом же разделе говорится о притеснениях царизма, давлении польской шляхты и немецких господствующих кругов в Галиции, о

межэтнических отношениях, например: "С Москалем дружи, а камень за пазухой держи", правда, тут же польское "опровержение": "Z Rusinem [т.е. с галицким украинцем. – В.У.] gadaj, a w zanadrzu kamień trzymaj" ["С русином говори, а камень за пазухой держи"]. "Тату! тату! лезе чорт у хату! – Дармба – абы не Москаль", и как объяснение или продолжение: "Вид чорта видхристишься, а вид Москаля не видибеться" [З. S. 563]. Пословицы говорят о трудной подневольной жизни народа. О положении крестьянина, об отношениях панов и холопов свидетельствует красноречивая украинская пословица: "Николи з панами не міряйс руками, бо як довгі, відіріжуть, короткі, витягнуть". Впрочем, ее можно понимать гораздо шире, она не утратила своей актуальности и сегодня.

К русской пословице или поговорке Челаковской находит чешский эквивалент, или дает перевод на чешский язык. Славянские паремии иногда дополняются изречениями древних философов и поэтов (Овидий, Цицерон, Сенека), английскими, французскими, испанскими, датскими, немецкими, литовскими, латышскими соответствиями. Кроме пословичных текстов, иногда включаются коротенькие притчи, например русская: "Звал ячмень пшеничку: Пойдем туда, где золото родится, мы там будем с тобою водиться. Пшеничка сказала: У тебя, ячмень, длинен ус, да ум короткий; зачем нам с золотом водиться, оно к нам и само привалится" [З. S. 509] с дословным переводом на чешский.

Вторая часть сборника состоит из чешских пословиц и поговорок и содержит десять разделов, которые по тематике почти повторяют первую. Здесь также приводятся иноязычные параллели, но реже; чаще других встречаются польские, хорватские и сербские паремии. Иногда автор объясняет смысл чешских присловий, уточняет контекст их бытования.

"Мудрословие" Челаковского – значительный вклад в славянскую лексикографию, один из выдающихся памятников эпохи романтизма. Обратившись к славянским пристокам чешской культуры, ученый своим словарем показал моральную силу и национальную гордость славянства, его способность противостоять немецкому элементу. Кроме того, он хотел, чтобы переведенные им пословицы иных славянских традиций обогащали родную культуру, осваивались и становились частью чешского фонда паремий. Его желание достигло цели: вскоре после выхода "Мудрословия" Божена Немцова ввела в рассказ "Сестры" довольно много пословиц из этого собрания. В дальнейшем и другие литераторы охотно включали в свои призведения переведенные Челаковским пословицы, которые с течением времени уже воспринимались как свои. В одной из статей З. Урбана приводятся данные опросов, проведенных студентами Этнографического отделения философского факультета Карлова Университета. Многие переведенные когда-то Челаковским на чешский язык паремии причисляются сегодня носителями языка к чешским пословицам [6. S. 90–91].

Ян Неруда назвал Франтишка Ладислава Челаковского "самым глубоким знатоком славянского духа" [6. S. 112]. Трудно с этим не согласиться и переоценить вклад чешского поэта и ученого в изучение фольклора, духовной культуры славян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Никольский С.В.* Ян Коллар – поэт и культурный деятель // Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист. М., 1993. С. 3.
2. Москвитянин. М., 1841. Кн. 2. С. 467.
3. *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prostonárodních českých pořekadel. Uspořádal a vydal Frant. Lad. Čelakovský.* Praha. 1949.
4. *Hanuš Ign. J.* Literatura příslovnictví slovanského a německého, či předchůdcové Fr. Lad. Čelakovského v "Mudrosloví národu slovanského ve příslovích". Praha, 1853.
5. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
6. *Urban Z.* Čelakovský a východní Slované // *Práce s dějin slavistiky.* XI. Slavistický odkaz F.L. Čelakovského. [Praha, 1988.]

© 2000 г. А.В. КУРОЧКИН

ХIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МАСКАРАДНЫХ ИГР ПЕРНИК-2000

Выгодное географическое расположение и наличие многих историко-культурных памятников принесли Болгарии заслуженную славу туристического Эльдorado. Существенно способствовала этому и дальновидная политика государства, которое во все времена стремилось разумно использовать неисчерпаемые источники народного искусства и фольклора. Их изучают, охраняют и пропагандируют не только ради "экзотики" (что само по себе достойно внимания), но прежде всего ради утверждения глубинных основ национальной гордости и национальной идентичности. Болгарское посттоталитарное общество, где сегодня бурлят острые политические дискуссии, едино в понимании того, что накопленное многими поколениями наследие декоративно-прикладного искусства, устного поэтического творчества, празднично-обрядовых традиций является уникальным капиталом нации, который необходимо сохранить и ввести в общечеловеческую культуру третьего тысячелетия.

Широкую популярность в Европе приобрели регулярные смотры болгарского фольклора, проходящие в Пиринском крае, в городах Бургасе и Копривштице. К разряду самых престижных международных театрализованных зрелищ с ярко выраженным этнографическим колоритом принадлежит и фестиваль обрядовых игр в шахтерском городе Пернике (35 км к югу от Софии), принять участие в котором благодаря поддержке фонда "Возрождение" нам посчастливилось в январе 2000 г.

История перникского карнавального биенале (праздник устраивают каждый парный год в первую субботу и воскресенье после дня Василия – 14 января по новому стилю) ведет отсчет с 1966 г. Первоначально тут проводили смотр сурвакарских групп из одного округа, который вскоре перерос в общebolгарский фестиваль маскарадной обрядности. С 1984 г. он получил статус международного.

Главная цель фестиваля состоит в том, чтобы продемонстрировать жизнеспособность и богатство традиций карнавального искусства, сохраненных болгарским народом с глубокой древности. Народные маски болгар, связанные с новогодними и весенними обычаями, очень разнообразны. Они имеют свои локальные особенности у населения Юго-Западного региона, обитателей Дунайской равнины и Добруджи, Фракийской низины, Родопского края и т.д.

Маскированных исполнителей (по обычаю это холостые парни) называют *кукеры*, *куки*, *сурвакары*, *старцы*, *бабугеры*, *джамалари*, *камилари*, *василичары*, *мечкари* и пр. Они одеты в козьи или овечьи шкуры, вывернутые шерстью наверх, или в традиционные сельские костюмы определенной местности. На поясе у многих нани-

Курочкин Александр Владимирович – д-р ист. наук, ведущий сотрудник Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М.Ф. Рылского НАН Украины.

заны тяжелые колокольчики (*звънци и чанове*). На головах – причудливые маски из природных и покупных материалов: кожи, рбга, меха, птичьих перьев, дерева, ткани, папье-маше, бисера, бахромы, зеркал и пр. В большинстве случаев участники изготавливают их собственными руками, совмещая традиционные каноны с элементами фантазии. В народных верованиях болгар ритуальные обходы и игры ряженных рассматривались как средство "перехода в другой мир", чтобы обеспечить будущий щедрый урожай, приплод скота, защиту от болезней и злых сил. Сегодня магическое значение масок уже утрачено, но они остаются символами счастья и благополучия, радостного настроения и весеннего обновления природы.

Если на I Перникском фестивале было задействовано приблизительно 800 ряженных исполнителей, то на XIII их было уже более 5 тыс. Они представляли 90 карнавалных коллективов, в том числе восемь из-за рубежа (Греция, Египет, Македония, Португалия, Россия, Словакия, Украина, Япония). Нигде в славянском мире и в Восточной Европе нельзя увидеть такое количество обрядовых масок одновременно, и потому недаром Перник называют "болгарским Рио".

Важнейшее событие фестиваля – демонстрация карнавалных костюмов и масок, проходящая под открытым небом в присутствии десятков тысяч зрителей. Поначалу парад обрядовых коллективов устраивали на стадионе, но в последние годы он переместился на центральные улицы и площадь города, что лучше соответствует самой природе массового карнавального действия, всегда стремящегося преодолеть дистанцию между исполнителями-актерами и зрителями. Каждая фольклорная группа имела 10–15 минут программного времени, чтобы ознакомить с характерными обрядами и пародийными сюжетами, представляющими в целом широкую панораму искусства ряженных из разных областей Болгарии. Специальное жюри оценивает мастерство самодеятельных актеров, руководствуясь такими критериями, как аутентичность и этнографическая достоверность, репрезентативность, художественность и артистизм изготовления масок. Согласно регламенту фестиваля, участники соревнуются в нескольких номинациях, причем различают дружины кукеров и сурвакаров, детей, подростков и взрослых, отечественных и зарубежных исполнителей.

Творческая конкуренция и награждение победителей – обязательные компоненты перникского биенале, но массового зрителя больше привлекает его зрелищный ряд, возможность от души повеселиться, наблюдая и сопереживая забавным и поучительным сценкам народного театра. Впечатляют необычные краски и звуки, стимулирующие радостный поток жизни, заряжающие эмоционально и интеллектуально.

Болгарские кукары обязательно показывают ритуальную вспашку плугом, "умирание" и "воскресение" карнавального героя, символизирующее акт новолетия. Рядом с кукерским "царем" выступает группа военизированных масок – "судья" (кадия) и его помощники, собирающие дань с подвластного населения. В группе присутствуют еще "цыгане", "медведи" с "поводырем", увешанные мешками-котомками "нищие" и др. Один из главных сюжетов представления – пародийная свадьба, где есть своя "невеста" (парень, переодетый в традиционный девичий наряд), "жених", "девери", "свекр", "свекровь", "кум", "кума", знаменосец – "байрактар", "поп" и сельские музыканты. Сурвакарский священник, как и его реальный прототип, "крестит" и "венчает". В его кадилнице – лютый перец вместо ладана, вызывающий карнавалный "смех сквозь слезы".

На фестивале-2000 очень эффектно выглядели "старцы" из карловского региона со своими трехметровыми масками-колпаками, украшенными пестрыми лентами, монистами и бумажными цветами. "Дервиши" из Пасарджика умело разгоняли злые силы длинными копьями. Из года в год высших наград удостаиваются сурвакарские дружины из Перникской округи. Замечательной слаженностью голосов многочисленных колокольчиков с танцевальными движениями покорило, в частности, выступление ряженных из села Яржиловцы. На фестивале всегда преобладают традиционные персонажи, но рядом с ними все чаще появляются и новые, такие, как популярные герои латиноамериканских "мыльных" сериалов – Эмеральда и Хосе Арман.

Реконструированные по фрескам пирамид хореографические композиции из жизни египетских фараонов представила фольклорная группа из Каира. Японские исполнители из города Эсаи привезли в Болгарию ритуальный танец оленей, выражающий почитание предков. Рогатые маски высотой 2,6 м возродили обычай, засвидетельствованный в документах с 1200 г. К сожалению, не очень органично вписались в программный показ Перника-2000 выступления фольклорных коллективов из России (подмосковные города Электросталь и Балашиха) и Украины (г. Луганск). Не учитывая особенностей фестиваля и не консультируясь со специалистами, они привезли не "подлинный фольклор", а бледные стилизации под него, к тому же вовсе не связанные с тематикой восточнославянского роженья.

В целом же карнавальным праздник 2000 г. в Пернике, по мнению старожилов, стал самым многолюдным и самым аттрактивным за всю 35-летнюю историю фестивалей. Учитывая современный экономический кризис, фестиваль состоялся лишь благодаря спонсорским дотациям различных болгарских фирм и организаций, при всесторонней поддержке и содействии всех городских служб во главе с кметом Перникской области Андреем Андреевым. По традиции к открытию фестиваля приурочиваются разнообразные выставки и вернисажи. В этом году были показаны произведения местных мастеров Филиппа Седефчева, Саши Евтимова и Гоши Ангелова: иконы, мелкая пластика, графический дизайн. Интересно, что в этих работах как орнаментальный мотив часто используются болгарские традиционные маски.

В рамках перникского фестиваля обязательно проходит научно-теоретическая конференция, посвященная истории карнавальных игр и проблемам их современного развития. В ходе открытой дискуссии между учеными и самодельными актерами вырабатываются конкретные рекомендации, направленные на гармоническое включение сурвакарско-кукерских игр в систему новой культуры. Одновременно критически анализируются случаи вульгаризации, чрезмерной модернизации или архаизации карнавальных обычаев, нередко приводящие к утрате оригинальности местных традиций. «Маскарад: "до" и "после" него» – такой была тема научной конференции 2000 г. Она собрала более 70 участников, а среди них – этнологов, фольклористов, музейных работников, преподавателей высшей и средней школы. Обсуждались социально-антропологические аспекты праздников маскарадного типа, их региональные и временные варианты, рефлексии различных факторов научно-технического прогресса на традиционную культуру и т.д. Содержательные доклады подготовили известные болгарские ученые Т.Ив. Живков, И. Мазаров, Т. Джиджев, Р. Иванова, В. Кожухаров, Г. Краев, В. Райчева, Л. Ботушаров и др. Автор этих строк ознакомил болгарских коллег с результатами собственных исследований традиционных масок в Украине, выступив с докладом «Украинские "маланкари" – восточная ветвь карпато-балканской карнавальной традиции». По замыслу организаторов, материалы конференции должны быть опубликованы отдельным сборником.

С 1995 г. фестиваль маскарадных игр в Пернике включен в общеевропейский календарь фольклорных праздников, а сам город стал членом ФЕКГ – Фондации европейских карнавальных городов. Основанная в 1980 г., эта организация объединяет сегодня уже 30 государств. Одна из перспективных задач фондации – построение в Европе зрелого гражданского общества путем организации фольклорных праздников в городах и селах через широкую популяризацию карнавального искусства. Эмблема ФЕКГ несет в себе идею единой Европы. Она изображает "улыбающуюся" звезду, символизирующую дружество людей, объединенных улыбкой на празднике.

R.J. НАНЧУК. *The Word and Wax. A Medical Folk Ritual Among Ukrainians in Alberta.* Edmonton; Toronto, 1999. 107 P. (= Canadian Series in Ukrainian Ethnology. Vol. II / Volume editor A. Nahachewsky. Series editor B. Medwidsky)

Р.Ж. ГАНЧУК. *Слово и воск. Обряд народной медицины у украинцев Альберты*

Во втором томе записок по украинской этнологии Университета Альберты (Канада) напечатана книга Р.Ж. Ганчук, представляющая собой описание текста лечебного обряда, главным компонентом которого являются слово (заговор) и действие, совершаемое с воском, что объясняет название исследования. Первый вариант текста книги был защищен как кандидатская диссертация в 1990 г. в рамках Украинской фольклорной программы на отделении Славянских и восточноевропейских исследований в Университете Альберты.

Книга состоит из пяти разделов: "Народная медицина", "Структура обряда *выливания воска*", "Описания обрядов *выливания воска*", "Заклинания", "Современный контекст". Кроме того, монография содержит словарь терминов, относящихся к ритуалу, список информаторов с датами записей опроса, указатель и обширную библиографию, включающую литературу по общим вопросам народной медицины, ветеринарии, сборники текстов заговоров и т.п.

Книга посвящена одному из широко распространенных лечебных обрядов – *выливанию воска*, который применяется при лечении испуга у детей и взрослых. Ритуал практиковался на Украине и был принесен переселенцами из западных регионов Украины на рубеже XIX–XX вв. на новую родину, в Канаду. "Восковая церемония", по терминологии автора, всесторонне рассматривается с точки зрения ее происхождения, значения, последовательности действий, обстоятельств совершения обряда (места,

времени, действующих лиц и т.п.); исследовательница обращает также внимание на состав информаторов (половая, социальная и возрастная характеристики). Интересен фрагмент, в котором автор дает набор лексем – названий знахарок. Они достаточно многочисленны: *баба, бабка, бабця, бабуня, баба-повитуха, баіля, чаклунка, чарівниця, чарниця, чудесниця, колдунця, обавниця, потворниця, проклинниця, примівниця, шептуха, старуха, старушка, відьма, відунка, вішчунця, ворожка, ворожитка, ворожиля, видунця, жена-ворожиля, знаха, знахарка, золотариха.*

Прежде чем приступить к описанию обряда, автор подчеркивает, что хотя в исследованиях по народной медицине делается различие между рациональной (натуральной, фитотерапией) и иррациональной (окультурной, магико-религиозной) медициной, она признает такое деление искусственным, так как народная медицина включает оба эти аспекта. Особое место уделено фигуре целителя, его избранности, его способности быть медиатором по рождению. Другой возможностью получить "знание" является передача его от целителя к целителю. Остаточливо автор и на отношении самих знахарей к подобной передаче знаний, на роли целителя как медиатора в восстановлении гармонии социума, нарушенной вторжением болезли.

В отношении религии и целительства Ганчук отмечает влияние христианских мотивов и образов в текстах заклинаний и

заговоров, которые иногда называются также молитвами.

Во второй главе рассматриваются элементы "восковой церемонии": заклинания, вода, воск, предсказание, вера, болезнь. В понятие "испуг" (fear sickness) включается также множество других недугов, которые возникают от испуга, например: бессонница, ночные кошмары, ночное недержание мочи, "криксы", сердечные приступы, кровяное давление, эпилепсия, икота, головная боль, родимые пятна и др. Автор отмечает важность того, чтобы болезнь была излечена как можно скорее, "абы не заспало", по выражению информантов, страх, так как "страх задвнений" с трудом поддается лечению.

В третьей главе подробно описываются собственно ритуалы "выливания воска", записанные или увиденные в исполнении семи избранных целителей. Обращается внимание на детали, которыми различаются ритуалы друг от друга. Эти различия касаются места, времени (дня недели, лунного календаря, счастливого-несчастливого дня), ориентации больного по сторонам света, используемых амулетов, произносимых заклинаний, количества "выливаний", интерпретации ("чтения") форм застывшего воска, способов окуривания и т.п. Например, существует представление о том, что в *жіночий (бабський) день* может лечить только женщина, в *хлопський день* – только мужчина, в *мішаний день* – и женщина, и мужчина.

В четвертой главе даны транслитерированные акцентированные тексты заклинаний с переводом на английский язык. Тексты заговоров для удобства разбиты на стихи/строки и содержат от 78 строк/стихов (самый большой текст) до 3 (самый малень-

кий). Далее, основываясь на научной литературе, автор выделяет основные элементы словесных формул, среди которых особо разбирает вокативные формулы-обращения к сверхъестественным персонажам и стихиям христианской и языческой традиций: Господу Богу, Иисусу, Богородице, св. Николаю, воде, Месяцу, Солнцу и другим, например: "1. Я не самá собью, 2. А Пречіста Діва і Господ' Бóg, 3. І всі святі котрі ма́ють сі́лу, 4. Передáй через мо́ї руки, 5. В імені [ім'я] та йогó / її недуга, 6. То най іде́ собі на лісі, гóри, 7. А йогó / її лішут, 8. [неслышно], 9. За лугáми, 10. Піскі пере́сипáти, 11. Вбди перелива́ти, 12. [неслышно]" (Р. 60). Другими чертами, характерными для заговоров этого типа, являются мифологические аллюзии, фонетические приемы речи (ритм, повторы, сила голоса), символика чисел и цвета. Для сравнения автор привлекает опубликованные в разное время тексты украинских заговоров. Цитируются работы А.В. Богдановича, В. Милорадовича, М. Драгоманова, В. Шухевича, П. Ефименко, И. Франко и др.

Автор отмечает некоторые незначительные изменения в современном обряде в новых обстоятельствах (пятая глава). В основном они касаются воды, воска и времени исполнения обряда, платы за лечение. В новых условиях снимается ряд ограничений (обряд исполняется в любое время, кроме воскресенья, вода набирается из-под крана непосредственно перед церемонией и т.п.).

Книга Р.Ж. Ганчук – заметный вклад в изучение современной традиционной культуры, в частности культуры украинской диаспоры в Канаде.

© 2000 г. М.М. Валенцова, В.В. Усачева

Ежегодная Международная конференция "Славяне и их соседи"

16–18 мая 2000 г. в Москве проходила ежегодная XIX Международная конференция памяти В.Д. Королюка из серии форумов "Славяне и их соседи", организованная Отделом истории средних веков Института славяноведения РАН. Конференция, проводимая в канун 2000-летия принятия христианства, была посвящена тематике "Славянский мир между Римом и Константинополем", конкретно – христианству в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. К конференции оргкомитет издал сборники тезисов ее участников. Проблематика данной конференции логически продолжает исследование круга вопросов, затронутых на форумах "Славяне и их соседи" в предыдущие годы: "Введение христианства в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы" (1988) и "Католицизм и православие" (1992).

В работе конференции приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Коломны, Иванова, Волгограда, Брянска, Киева, Махачкалы, Будапешта. На конференции выступали представители различных гуманитарных дисциплин – историки, археологи, искусствоведы, лингвисты, литературоведы, фольклористы, культурологи, а также богословы. Подобное широкое представительство ученых различных направлений позволило полно и обстоятельно подойти к обсуждению проблем взаимодействия разных культурных систем, раскрытию механизма рецепции христианской, византийской и римской культур, роли религиозного сознания в формировании ментальных, социальных и поли-

тических структур. За три дня работы было прочитано и обсуждено 32 доклада.

Большой интерес вызвал доклад А.О. Амелькина, который познакомил собравшихся с новым источником по истории взаимоотношений древних русов с христианской церковью в IX–X вв. Он рассказал о нескольких граффити, обнаруженных на стенах погребальной камеры Царского кургана (позже он был переделан в подземный христианский храм), находящегося недалеко от Керчи. По его мнению, данные граффити весьма ценный источник, который ранее не привлекал к себе внимание специалистов. На основе анализа времени сооружения подземного храма, изучения самих граффити, напоминающих знаки князей из дома Рюриковичей, характера посещения храма людьми, оставившими эти знаки, Амелькин сделал вывод о том, что еще до 988 г. русские дружинники с любопытством и благожелательностью относились к христианству, а возможно, и принимали новую веру.

Проблему, затронутую А.О. Амелькиным – о количестве христиан на Руси до 988 г. и об их роли в жизни государства, продолжил А.С. Королев. Свой доклад "К вопросу о распространении христианства в Киевской Руси в 40–70-е гг. X в." Королев построил на исследовании образа княгини Ольги, противоречий, встречающихся в письменных источниках, описывающих ее жизнь и деятельность. Круг источников, используемых автором, привел его к интересным выводам. Предположение, сделанное Королевым, о преобладающем влиянии христиан на политическую и общественную

жизнь Руси при Ольге, вызвало живую дискуссию участников конференции.

Взаимосвязь процессов христианизации Восточной и Северной Европы затронули в своих докладах В.Я. Петрухин и Е.А. Мельникова. Исследуя проблему начального христианства на Руси и в Скандинавии, *Петрухин* обратился к данным письменных источников и археологических материалов. Сравнительная "Повесть временных лет" и исландскую Сагу об Олаве Трюнггвасоне монаха Одда, докладчик обратил внимание на совпадение характерных мотивов при описании обращения норвежского и русского правителей: Страшного суда, чудесного исцеления и т.д. Не менее показательным автор считает единство погребальных традиций правящих родов Руси и Скандинавии. Однако, по мнению *Петрухина*, параллелизм перечисленных им мотивов не дает прямых оснований для предположений о взаимном влиянии или культурном единстве двух традиций. В докладе *Е.А. Мельниковой* рассматривались пути проникновения христианства в Швецию. Изучение стел с руническими надписями позволило докладчице сделать выводы о том, что христианство проникло в Швецию с нескольких сторон: с запада (из Англии), юга (Германии) и востока (Руси и Византии). Причем по мнению *Е.А. Мельниковой*, говорить об абсолютном приоритете гамбургской церкви, как это было принято до последнего времени, в свете изучения рунических памятников нельзя.

Большой блок сообщений был посвящен вопросам христианства на Балканах и в Византии. Болгарскую тематику открыл *Д.И. Польшванский*, сделавший доклад о принятии христианства в Болгарии и освящении этой проблемы в ее культурной традиции. На основании изучения древнеболгарской книжности докладчик сделал предположение о том, какие аспекты событий, происходивших в конце IX ст. в Болгарии, стали устойчивой частью культурного самосознания средневековых болгар. По мнению *Польшванского*, легенда о даре Феодоры закрепила в болгарском историческом сознании более отчетливо, чем память о Борисе-Михаиле, и болгарские источники относили события крещения болгар к регенству Феодоры.

Более позднему этапу в истории Болгарии – X–XI вв. – был посвящен доклад академика *Г.Г. Литаврина*. Он рассказал о материальном обеспечении болгарской церкви в данный период. Докладчик обратил внимание на роль в этом центральной влас-

ти; на изменение размера и характера каноникона и поземельного налога; на различия болгарских и византийских налогов в пользу церкви.

С большим интересом участники конференции выслушали доклад *Ю.Я. Вина* о коллективных формах проявления благочестия в поздневизантийской деревне в XIII–XV вв. Византийская тематика прозвучала так же в докладе *Н.Д. Барабанова* "Мир амулетов. Византийские филактерии и проблеманародной религиозности". *Н.Д. Барабанов* обратил внимание на вопрос, практически обойденный вниманием историков, о роли филактериев в религиозном сознании и картине мира византийцев. Докладчик поставил своей целью включить феномен этих оберегов в комплекс представлений и ритуалов, входивших в структуру приходского православия. По мнению *Н.Д. Барабанова*, гармоническое сочетание всех компонентов филактерия – функции талисмана, представления о времени, медицинские воззрения, христианизация магии и т.д. – не позволяет видеть в нем проявление "двоеверия" или атавистического сохранения суеверий, а наоборот – миниатюрную картину целостного религиозного мира.

Югославянскую проблематику на конференции продолжила в своем выступлении *О.А. Акимова*. В ее докладе "Античное христианство в историко-культурной традиции Далмации и Хорватии X–XIII вв." было рассмотрено влияние Рима, Аквилеи и Византии на средневековые епископские кафедры византийской Далмации и Хорватии. Идеологическая поддержка тех или иных епископов Римом, Аквилеей или Византией была прежде всего направлена на утверждение их приоритета в исторической ретроспективе. Докладчица так же обратила внимание на сильное внешнее (византийское, франкское и др.) влияние в развитии культа святых. Культу святых и развитие легенд о святых у восточных и западных славян было посвящено несколько докладов. В выступлении *А.А. Турилова* шла речь об истории культа св. Вита у православных славян в средние века. *А.М. Кузнецова* рассказала о почитании св. Климента в славянском мире "между Римом и Константинополем".

В докладе *Б.Н. Флори* исследованы две версии легенды о первом чешском святом князе Вацлаве. По мнению *Флори*, сопоставление двух версий показывает, что расхождения между ними имеют целенаправленный характер. Одна из них, которую можно

условно назвать "княжеской", была создана для обеления репутации князя Болеслава и его потомков. Вторая версия оформилась в среде чешского духовенства и представляет собой совсем иную трактовку произошедших событий: мать и брат святого оказываются главными виновниками случившихся с ним несчастий. Флоря указал, что противоречие между духовенством и династией в представлении одного из главных событий в истории чешского христианства позволяет утверждать, что уже в это время церковь обнаруживала свою самостоятельность по отношению к светской власти, хотя и находилась в большой материальной зависимости от нее.

На конференции была также представлена арабская проблематика: в докладах *К.А. Панченко* "Конфликт Рима и Константинополя в восприятии православных арабов" и *Д.Ю. Арапова* «Мусульманский рай в описании "Повести временных лет"». Панченко выделил этапы в восприятии мелькитами конфликта между двумя центрами христианства. Он указал на то, что несмотря на драматические взаимоотношения Рима и Константинополя, которые оказали большое влияние на судьбы самых разных народов византийского культурного ареала, христиане Востока (где находились три древнейших патриарших престола и где даже после арабского завоевания сохранялось значительное христианско-православное население) в VII–X вв. слабо ощущали противоречия между восточной и

западной ветвями христианской церкви. В XI–XII вв. мелькиты уже уяснили проблемы отношений восточного и западного христианства и даже оказались в эпицентре их противоборства. В XVII в. арабоязычная православная литература была не склонна подчеркивать их противоречия; и лишь с XVIII в. в этой литературе стали преобладать антилатинские настроения в контексте борьбы с унией.

Большой интерес и активное обсуждение вызвали доклады *Е.Е. Левкиевской* "Конфессиональные споры о бороде и славянская народная традиция", *С.И. Муртузалиева* "Христианство в раннесредневековом Дагестане", *Э.С. Смирновой* "Миниатюры молитвенника Гертруды XI и начала XII в. Датировка, мастера, проблема художественных традиций".

В последний день были подведены итоги конференции. Закрывая конференцию, *Б.Н. Флоря* подчеркнул положительные ее результаты. Он обратил внимание на несомненную полезность проведенного в ходе конференции широкого обмена мнениями, взаимного ознакомления специалистов с направлениями научных исследований. Флоря отметил появление новых интересных идей, высказанных в ряде докладов. *Б.Н. Флоря* пригласил собравшихся участвовать в следующей конференции из серии "Славяне и их соседи", которая состоится в мае 2001 г.

© 2000 г. *К.Т. Медведева*

Славяноведение, № 6

Славянская идея в философской мысли XIX – начала XX века

Конференция на данную тему состоялась в Институте славяноведения РАН (ИС РАН) 1 июня 2000 г. Это уже восьмая конференция по славянской идеологии, организуемая Центром "Россия и славянские народы в истории науки и общественной мысли" в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры.

Во вступительном слове руководитель Центра *М.А. Робинсон* отметил неразработанность темы конференции в отечествен-

ной науке и важность предпринимаемой попытки проследить, как славянская идея осмысливалась на философском уровне и продолжала функционировать в общественном сознании.

Конференцию открыл доклад *И.И. Лециловской* (ИС РАН) "Философские основы мировоззрения Досифея Обрадовича и его взгляды на славянство". Автор отметила, что глава сербского просвещения *Обрадович* (1739–1811) воспринял "теорию

здорового разума" европейских рационалистов и пытался воплотить ее в условиях тогдашней сербской действительности. Он боролся за освобождение общества от средневекового образа мышления, за равноправие сербского народа внутри страны и среди других европейских и славянских народов, за реформу сербского языка. Примером для сербов он считал следование духу реформ Петра I.

М.Ю. Досталь (ИС РАН) прочитала доклад "Славянство и славянская идея в философской доктрине ранних славянофилов". Автор охарактеризовал главные постулаты славянофильской доктрины: о решающей роли православия для развития мировой цивилизации, об общине, соборности, об отношениях Земли и Государства. Она отметила, что славянофилы применяли их к истории и современности не только русского, но и других (особенно православных) славянских народов. В отношении к славянской идее славянофилы ситуативно (особенно в период европейских революций 1848–1849 гг. и Крымской войны) колебались между призывами к духовному единству и элементами панславизма (стихи А. Хомякова, неопубликованная статья К. Аксакова 1854 г.).

Доклад *С.М. Фалькович* (ИС РАН) был посвящен религиозным течениям польской эмиграции 40–60-х годов XIX в. в контексте польского мессианизма и польского национально-освободительного движения. Кратко осветив суть учения Анджея Товянского и его приверженцев, автор основное внимание уделила "воскресенцам" – религиозному течению мистического толка, стоявшему особняком в польской общественной жизни. Его приверженцы выступали за создание новой, истинно христианской церкви, стоящей отдельно от католицизма. В отличие от других мессианистов, "воскресенцы" проповедовали внутреннее моральное очищение, просвещение, почтение к существующей власти, смирение; не призывали к борьбе с поработителями польского народа, предоставляя право решения этого вопроса Богу. Общество было признано антипатриотическим и скоро распалось.

В.И. Косик (журнал "Педагогика") выступил с докладом "К. Леонтьев и славянская идея". По его мнению, суть философской доктрины Леонтьева состоит в попытке уберечь самобытность России от угрозы ее поглощения европейской цивилизацией. Философ полагал, что назначение России – освобождение других славянских народов.

При этом спасение самой России он видел в византизме, который предполагает среди прочего объединение России и других славянских народов в форме конфедерации.

Доклад *Е.П. Аксеновой* (ИС РАН) рассматривал славянскую идею в русской философской мысли на примере творчества историка и богослова Г. Флоровского (1893–1979), вынужденно эмигрировавшего из России в 1922 г. По мнению автора, характерными чертами русской философской мысли являются: наличие религиозного компонента, попытка осознания положения России в системе Восток – Запад, подчинение славянской идее более узкой национальной. Отойдя от евразийства в конце 1920-х годов, Флоровский выступал за духовное объединение славян, их возвращение в лоно православной церкви, к заветам Кирилла и Мефодия. Духовное спасение всей Европы он видел в создании единой церкви.

В докладе *И.В. Чуркиной* (ИС РАН) рассматривались взгляды русского философа В.Л. Соловьева и хорватского епископа И. Штросмайера на идею объединения славянских церквей. Автор отметила, что Соловьев был врагом национального эгоизма и полагал, что славянский вопрос (например, польско-русский конфликт) может решиться только путем объединения церквей. При этом Россия может стать мостом между Востоком и Западом. В чем-то схожие идеи развивал Штросмайер, который считал необходимым объединение католической и православной церквей в интересах югославянских народов. Эта идея в виде программы Штросмайера обсуждалась ими в переписке. Однако планируемая встреча единомышленников, к сожалению, не состоялась.

Н.М. Пашаева (Гос. публичная историч. библиотека РФ) прочитала доклад "Кирилло-Мефодиевские традиции в идеологии русских галичан". Автор рассказала о трагической судьбе православной церкви в Галичине, об истории утверждения там униатства. Она подчеркнула, что здесь продолжало развиваться "русское" направление в общественной мысли, сторонников которого объединяло твердое сознание национального единства с остальной Русью и которое опиралось как на униатскую, так и на православную церковь.

Конференцию завершило выступление *А.Н. Горяинова* (ИС РАН), который поделился своими впечатлениями от прочтения четырех сборников, выпущенных в свет Пермским гуманитарным институтом при

содействии Славянского культурного центра. Сборники явились результатом научных конференций, проведенных в Перми с 1996 по 1999 гг. Пятая, юбилейная международная конференция "Рубеж тысячелетий: Славянский мир и судьбы России" была проведена 20–21 апреля 2000 г. Докладчик рассмотрел только одно направление сборников – освещение проблем славянской идеологии. Он признал, что при всей новизне и разнообразии рассматриваемых проблем авторам статей порой не хватает критичности в отношении к предмету

исследования и знания современной литературы вопроса. Тем не менее докладчик подчеркнул важность и полезность подобных конференций в различных регионах России и необходимости расширения связей ИС РАН с периферийными центрами.

Каждый доклад конференции сопровождался интересной дискуссией. Темой следующей конференции избрана "Славянская идея и славяноведение в XIX–XX вв."

© 2000 г. М.Ю. Досталь

Славяноведение, № 6

Круглый стол "Славянские писатели – столетние юбиляры"

30 мая 2000 г. в Институте славяноведения РАН в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры по инициативе Центра истории славянских литератур до 1945 г. был проведен круглый стол, посвященный необычной теме. На нем рассматривались деятельность и судьбы представителей славянской и неславянской культуры, родившихся в 1900 г. Как подчеркнула во вступительном слове Л.Н. Будагова, быть ровесником XX века очень не просто. Это столетие изобиловало социально-политическими потрясениями и идеологическими переоценками ценностей. Большинство судеб представителей поколения было драматичным, знавшим резкие перепады. Выступавшие стремились с максимальной научной объективностью подойти к жизни и творчеству "юбиляров".

Удачно складывалась судьба выдающегося чешского поэта Витезслава Незвала (1900–1958), зачинателя таких авангардных течений в национальной литературе, как поэтизм (совместно с К. Тайге) и сюрреализм. Однако признание при жизни, особенно послевоенные титулы и награды, способствовали тому, что в нынешние времена к поэту стали относиться сдержанно, даже скептически, как бы и не замечая его огромного таланта. О личности и творчестве Незвала рассказала Л.Н. Будагова, показавшая и проанализировавшая его сильные и слабые стороны. Незвал в

20-е годы был истинным лидером чешской авангардной поэзии. Несмотря на приверженность социалистической идеологии, он выступал за деидеологизированное искусство в межвоенный период и боролся с догматизмом после 1945 г., будучи уже официально признанным (но далеко не официозным) поэтом. Его отношение к СССР было наивно-романтическим, но даже в послевоенные годы Незвал проявлял себя человеком свободомыслящим, защищая тех, кто подвергался гонениям (например, католического поэта Я. Демла).

Противоречивой, внутренне конфликтной фигуре Карела Тайге, теоретика чешского искусства, посвятила свое выступление С.А. Шерлаимова. С именем Тайге связаны объединение "Деветсил", программа пролетарского искусства (он обдумывал ее вместе с Я. Сейфертом и др.), поэтизм, различные манифесты. Тайге был человеком крайностей, резких суждений. Он критиковал советскую культуру за "буржуазность", но в 1938 г. выступил против политических процессов в СССР. Посмертная его судьба (он умер в 1951 г.) сложилась счастливее, за исключением 50-х годов, когда его называли "злым духом литературы". Зато сейчас его авторитет не подвергается сомнению, хотя некоторые и считают его "излишне идеологизированным" автором.

Еще один представитель этого поколения, самого яркого в чешской литературе

XX века, – Иржи Волькер, умерший от туберкулеза в неполные 24 года. О его творчестве сделал доклад *С.В. Никольский*. Поэт еще в гимназические годы увлекся идеями социализма, в которых он увидел большое гуманистическое содержание, но с трудом принимал идеи революционного насилия. Это получило отражение в его поэтических сборниках "Гость на пороге" (1921), "Час рождения" (1922), пронизанных радостью поэтического открытия мира и новых социальных перспектив. Он был одним из теоретиков пролетарского искусства, но главное в его творчестве – поэзия (лирика, социальные баллады и др.). На русский язык его переводили многие поэты, и одним из лучших переводчиков остается Леонид Мартынов, которому в мае этого года исполнилось бы 95 лет.

Доклад *Л.Н. Титовой* был посвящен писателю и историку чешского театра Йозефу Кнапу. Его судьба была по-своему трагичной – работа в Германии во время войны, затем – уже в мирной Чехословакии – тюремное заключение. И вместе с тем Кнап сумел внести значительный вклад в национальную культуру как прозаик "руралистского" течения, а также как автор увлекательных книг по истории театра и художественный критик. В его прозе, близкой *Ф. Шрамеку*, исследовательница отметила психологизм и мастерство пейзажиста; в книгах о театре – тщательную выверенность материала. Кнап приблизил соотечественникам скандинавские и прибалтийские культуры.

Деятельности лингвиста *С.И. Ожегова* (1900–1964), составителя популярнейшего "Словаря русского языка", было посвящено выступление *В.В. Усачевой*. Первое издание словаря вышло в 1949 г., его отличают актуальность, компактность, доступность; однотомный словарь легко переиздавать. Докладчица познакомила собравшихся с биографией Ожегова и происхождением его фамилии, сообщила о его статьях и об отношении к изменению норм русского языка. Выдающийся лингвист придерживался строго научного понимания законов языкового развития.

Н.В. Шведова обратилась к творчеству одного из крупнейших словацких поэтов XX в. – *Эмиля Болеслава Лукача* (1900–1979). Поэт-философ, он успел осмыслить важнейшие вопросы человеческого бытия уже к 30-летнему возрасту. В докладе был подробно рассмотрен сборник Лукача "Перекрестки" (1929), поэтическое воссоздание глубокого душевного кризиса и попыток

выхода из него. Обыгрывание слова "крест" и однокоренных с ним слов очень важно для символистской поэтики Лукача. В докладе анализировались и другие значимые символы Лукача. Портрет замечательного поэта дополнило выступление *Ю.В. Богданова*, который рассказал о жизненном пути Лукача, его редакторской, издательской, переводческой деятельности. Переводы Лукача высоко ценил выдающийся чешский критик *Ф. Кс. Шальда*. Судьба поэта также складывалась весьма драматично, после Второй мировой войны он испытал гонения критики и долго "отмалчивался". *Ю.В. Богданов* назвал Лукача продолжателем символистской линии *И. Краско* и *В. Роя*, близким венгерскому поэту *Э. Ади*.

Творчество и судьбу одного из основоположников польского футуризма *Александра Вата* (1900–1967), дебютировавшего в 1918 г., рассмотрела в своем докладе *В.В. Мочалова*. У этого поэта, прозаика, эссеиста, мемуариста, автора и редактора авангардистских журналов 20–30-х годов, переводчика *Достоевского*, *Толстого*, *Тургенева*, *Чехова*, *Эренбурга*, *Г. Манна*, была своя жизненная драма. Судьба Вата, отдаленного потомка знаменитого еврейского комментатора Библии и литургического поэта *Раши* (XI в.), была сломлена в 1940 г., когда он был арестован во Львове и последующие шесть с половиной лет провел в СССР, находясь в заключении во Львове, Киеве, Москве, а после освобождения – разыскивая сосланных жену и сына. Вернувшись в Польшу в 1946 г., Ват активно участвовал в литературной жизни, однако ощущал внутренний конфликт с новой действительностью. Страдавший тяжелой неизлечимой болезнью, Ват в 1953 г. уехал лечиться во Францию и остался в эмиграции. В его мемуарах "Мой век", "Дневник без гласных" глубоко анализируются взаимоотношения человека с силами зла, противостояние личности тоталитарной системе.

А.Г. Шешкен (МГУ) анализировала творчество македонского драматурга *Ристо Крле*. Оно тесно связано со становлением молодой литературы. Крле принадлежит лучшая драма межвоенного периода – "Деньги убивают" (1937). Пьеса была поставлена в Скопье и имела колоссальный успех. Докладчица рассмотрела композиции пьесы, построенной по законам трагедии (роковые предзнаменования и т.д.). Другие пьесы Крле такого успеха не достигли; писатель занимался также общественно-культурной деятельностью.

А.Н. Горяинов обратился к "Словарю славистов" (1989) и смог выбрать из него всего пятерых ученых, родившихся в 1900 г. Это объясняется, в частности, тем, что в 20-е годы сложилась крайне неблагоприятная ситуация для развития отечественной славистики. Докладчик подробнее остановился на деятельности В.Н. Стефанович – сотрудницы ВГБИЛ, автора библиографического указателя по творчеству славянских писателей и монографии о библиотековедении.

На заседании круглого стола присутствовал директор по науке Венгерского культурного центра в Москве Й. Горетить. Он отметил, что в 1900 г. родились три известных венгерских поэта и представил очень тонкий и глубокий доклад об одном из них – Леринце Сабо. Творчество поэта началось с кризиса, с дневника, из которого выросла настоящая поэзия. В 22 года поэт издает сборник "Земля, лес, Бог", в нем выражен бунт против символистской эстетики, происходят поиски своего места в мире. В безличном лирическом "я" сходятся все концы мира. Другой кризис Сабо пережил в 1945–1946 гг.: он был арестован и обвинен в фашистской идеологии (в связи со

стихотворением "Вождь"). Вновь из дневника рождались стихи, в лирической автобиографии прочитывались философские мысли (сб. "Стрекотание кузнечиков"). Й. Горетить прочитал одно из стихотворений по-венгерски, чтобы собравшиеся могли оценить звуковую организацию стиха, – и это удалось, хотя большинство слушателей не знали венгерского.

Л.Н. Будагова, подводя итоги конференции, отметила, что формальный "юбилейный" повод дал возможность неформально обсудить серьезные литературоведческие вопросы. На заседании Круглого стола часто задавались вопросы, вносились существенные дополнения к сказанному – общение было активным и непринужденным. Л.Н. Будагова назвала подход выступавших к исследуемому материалу "наукой с человеческим лицом", подчеркнула, что в докладах прозвучало много новых фактов, интересных суждений, показавших, как важно при оценке драматических – прижизненных и посмертных – судеб поколения 1900 г. не поддаваться конъюнктуре.

© 2000 г. Н.В. Шведова

Славяноведение, № 6

Международная научная конференция "Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян"

23–24 ноября 1999 г. в Институте славяноведения РАН состоялась международная научная конференция "Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян", посвященная историко-культурным и филологическим аспектам изучения Библии и славянских библейских переводов. Первоначально конференция задумывалась как небольшая, "камерная", в расчете, в основном, на силы ученых-москвичей. Но предложенная тематика оказалась настолько актуальной, что многие ученые из разных городов России, а также Белоруссии, Болгарии, Словакии, Польши, узнав об организации такой конференции, пожелали принять участие в ее работе и прислали тезисы своих докладов.

Конечно, актуальность конференции во многом определялась тем, что она проводилась в преддверии знаменательного события – 2000-летия Рождества Христова. Однако общая атмосфера заседаний была далека от юбилейной парадности. Их можно было бы, скорее, назвать "рабочими совещаниями" специалистов разного профиля – языковедов, культурологов, фольклористов и историков. Доклады обобщающего содержания были сведены к самому необходимому минимуму. Прекрасный образец такого обобщения был дан в докладе председателя оргкомитета Л.Н. Смирнова "Об общекультурном значении славянских библейских переводов" – первом докладе конференции, явившемся своеобразным "ключом" к ее работе. Л.Н. Смирнов

проанализировал современные представления о влиянии Библии и библейских переводов на развитие культуры славянских народов. Большинство же докладов было посвящено конкретным вопросам, связанным с анализом исторических, социокультурных, конфессиональных и языковых предпосылок возникновения славянских библейских переводов, выяснением роли переводов книг Священного Писания в процессе зарождения славянской письменности и истории литературных славянских языков, их влияния на развитие словарного состава, терминологии и фразеологии славянских языков, их роли в процессе формирования и кодификации литературно-языковых норм, а также с отражением библейских сюжетов, мотивов и образов в литературе и фольклоре славян. Докладчики выносили на суд коллег новые идеи, гипотезы и предположения, почти каждый доклад сопровождался заинтересованным обсуждением, часто переходившим в горячую дискуссию.

Невозможно в короткой заметке рассмотреть все проблемы, даже очень важные, затронутые докладчиками конференции. Упомянем лишь некоторые доклады, вызвавшие, как кажется, наиболее живой отклик коллег.

Новый, чрезвычайно интересный материал, проливающий свет на деятельность Вениамина при переводе им в 1493 г. двух Маккавейских книг, был представлен в докладе Е.М. Верещагина. Способ "мены языков" (т.е. вкраплений в славянский текст непереуведенных латинских слов и словосочетаний, записанных кириллицей) был открыт Верещагиным в рабочих версиях этих переводов Вениамина. Еще об одном открытии – древнейшей рукописи паремийника, написанной на 80–100 лет раньше считавшегося до сих пор самым древним из паремийников, известного Григоровичева паремийника, – рассказала О.А. Князевская. Речь идет о рукописи РГАДА № 50 ф. 381 (фонда Синодальной типографии), которую считали относящейся к XIII, а то и к XIV в. В результате исследований рукописи, Князевская пришла к выводу, что она могла быть создана в первой половине или даже в начале XII в. О неизвестных ранее подробностях истории сербских переводов и изданий Нового Завета рассказал В.П. Гудков.

Оживленную дискуссию вызвала у аудитории гипотеза А.А. Гиппиуса о названии "Повести временных лет". Согласно мнению докладчика, структурно это название восходит к одному из хронографических

источников космографического введения летописи (возможно, основанному на хронике Ипполита Римского), тогда как окончательно оформилось под влиянием пасхального чтения Апостола (стиха 1,7 Деяний), где чтения *врѣмена и лѣта и врѣменныхъ лѣтъ* выступают как варианты. По этому вопросу высказались многие из присутствовавших, но особенно серьезные соображения по семантике слов *врѣма* и *лѣто* прозвучали в высказываниях К.А. Максимовича и С.М. Толстой. Не менее горячую дискуссию вызвал доклад А.С. Новиковой об истории славянского перевода молитвы "Отче наш", особенно вопрос о переводе и первоначальной семантике известного выражения "хлеб наш насущный". Интерпретация перевода выражения "хлеб наш насущный" была дана и в докладе Е.С. Сурковой. Вообще славянские переводы этой основной христианской молитвы оказались заслуживающими самого пристального внимания исследователей. Так, в своем докладе Г.К. Венедиктов показал, что молитву "Отче наш" можно рассматривать как удобный материал для предварительного ознакомления с особенностями языка новоболгарских печатных переводов Нового Завета эпохи Возрождения.

В ряде докладов были представлены результаты тонкого семантического анализа греческих и соответствующих им в переводе славянских лексем. О своем исследовании лексико-семантических групп "говорение, речь", "возвышенность", "ребенок" в древне-чешских Евангелиях и Псалтыри рассказала Р.М. Цейтлин. Доклады А.В. Григорьева и В.С. Ефимовой были посвящены анализу семантики существительных и прилагательных в евангельском и апостольном текстах.

На конференции рассматривались и проблемы взаимовлияния книжного языка библейских переводов и "простого" народного языка. Эти вопросы были затронуты в докладе М.И. Ермаковой, Н.И. Запольской, Г.П. Клепиковой, Г.Г. Тяпко. Сопоставительные аспекты были в центре внимания Г.А. Дилич и К.В. Яцевич.

Подводя итог нашему краткому рассказу подчеркнем, что проведение конференции "Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян" оказалось несомненно полезным мероприятием для его участников и, следовательно, для исследования проблем, связанных с переводами Библии у славянских народов. К сожалению, не все докладчики смогли лично присутствовать на заседаниях, но все тезисы

докладов, полученные оргкомитетом, опубликованы (изд-е "Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры

славян". М., 1999) и представляют интерес для славистов разных специальностей.

© 2000 г. В.С. Ефимова

Славяноведение, № 6

Круглый стол

"Межфразовые связи: кодирование и декодирование"

Проведенный 1 февраля 2000 г. в Институте славяноведения РАН круглый стол "Межфразовые связи: кодирование и декодирование" явился очередным вкладом в исполнение программы многолетнего сотрудничества Российской академии наук с Центром научных исследований Франции (CNRS). Работой руководит профессор Лилльского университета им. Шарля де Голля И. Фужерон. На данном заседании речь шла о новых подходах к исследованию межфразовых связей в славянских языках. В сообщениях участников "разговора за круглым столом" языковые явления, давно, казалось бы, изученные, представляли в совершенно новом свете.

Предтечей новых – точнее, только еще "пробивающих себе дорогу" – лингвистических воззрений следует считать, видимо, Сергея Карцевского, чьи работы до сих пор были мало известны и, возможно, не совсем поняты его современниками. В своем докладе проф. И. Фужерон рассказала о важнейших для развития современной лингвистики идеях Карцевского и о своей работе над его архивом. В результате многолетних трудов профессора И. Фужерон были подготовлены два тома работ Карцевского – один из них, содержащий работы на французском языке, только что опубликован во Франции; второй, содержащий работы на русском языке, подготовлен к печати и должен быть издан в Москве в ближайшее время. Выступавшая в прениях по этому докладу профессор славистики из Пизы Д. Феррари Браво отметила, что в итальянской лингвистике Сергей Карцевский является почти неизвестной фигурой – несмотря на то, что наряду с Р. Якобсоном и Н.С. Трубецким он был основателем знаменитого Пражского лингвистического кружка. Г-жа Феррари Браво была немало удивлена "современностью" и, если можно так сказать, "своевременностью" многих работ Карцевского, опубликованных во "французском" томе.

Принципиальная новизна нового этапа лингвистических исследований особенно от-

четливо была выявлена в докладе Т.М. Николаевой, сравнившей результаты своих новых изысканий с результатами работы тридцатилетней давности. Хотя полученные тридцать лет назад фактические данные сохраняют свое значение до сих пор, в современной их ре-интерпретации автор приходит к выводу о сосуществовании нескольких систем при интонационной реализации межфразовой связи, при этом разные параметры по-разному свободны. Шкалированное распределение зон свободного выбора и зон жесткой нагруженности при окончательном воплощении речевых фрагментов относится не только к межфразовым связям, но вообще к порождению текста любой сложности.

Доклад В.С. Ефимовой был посвящен союзу *a* в старославянских текстах. Путем сопоставления разных славянских переводов одного и того же греческого текста, докладчик попыталась определить место союза *a* в старославянской системе средств выражения межфразовых связей. Средства выражения межфразовых связей в древнерусском языке были рассмотрены в докладе профессора Флорентийского университета С. Синьорини, которая проанализировала особенности структуры списка XVI/XVII вв. "Исхождения Авраамия Суздальского". Р.Ф. Касаткина и Л.Л. Касаткин рассказали о результатах исследования межфразовых связей на диалектном материале. В их докладе были представлены экспериментальные данные, характеризующие корреляцию между интонационным оформлением текста устной речи и его синтаксическим членением.

В обсуждении вопросов, поднятых докладчиками круглого стола, приняли участие сотрудники Института славяноведения РАН, Института русского языка РАН, а также ученые из других научных центров Москвы.

© 2000 г. В.С. Ефимова

К 75-летию ВЛАДИЛЕНА НИКОЛАЕВИЧА ВИНОГРАДОВА

18 июня 2000 г. исполнилось 75 лет видному российскому историку Владилена Николаевичу Виноградову, доктору исторических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, главному научному сотруднику Института славяноведения РАН. Автор более 200 научных работ, В.Н. Виноградов снискал глубокое уважение коллег как в России, так и за ее пределами, исследованиями по истории международных отношений в XVIII – первой трети XX в., истории Великобритании, Румынии, российско-балканских связей в Новое время.

В.Н. Виноградов родился в Москве 18 июня 1925 г. в семье студентов – будущих инженеров-металлургов. По окончании школы поступил в Московский авиационный институт, однако через год резко изменил свой жизненный путь. В 1943 г. был объявлен набор на первый курс только что созданного факультета истории международных отношений МГУ, через год преобразованного в самостоятельный институт – МГИМО. В.Н. Виноградов оказался в числе принятых. С конца войны, когда становилось уже все более очевидным усиление державных позиций СССР в послевоенном мире, требовавших для своего сохранения и укрепления не только военных, но и дипломатических усилий, власти уделяли особое внимание "кузнице советской дипломатии". К чтению лекций в МГИМО привлекаются лучшие научные силы, включая Е.В. Тарле. Общение с видными историками старших

поколений не только повлияло на профессиональное становление В.Н. Виноградова (заметим, что влияние Тарле ощутимо при чтении лучших работ В.Н. Виноградова по истории дипломатии), но, несомненно, сказалось на выборе дальнейшего пути – перед первыми выпускниками едва ли не самого престижного уже в то время советского вуза открывались перспективы работы отнюдь не только в науке, но прежде всего на "дипломатическом фронте" и в журналистике. Специализировавшийся по британской тематике В.Н. Виноградов по окончании в 1948 г. МГИМО четыре года работал в Госкомитете по радиовещанию, где его карьера складывалась довольно успешно – он быстро стал заместителем ответственного редактора вещания на Великобританию, затем обозревателем. Однако в 1952 г. последовал резкий поворот в судьбе – решив посвятить себя науке, В.Н. Виноградов уходит с радио и поступает в аспирантуру Института истории АН СССР. По мнению тогдашней дирекции, в специалистах по британской истории не было недостатка. К тому времени в силу известных политических причин одним из приоритетных направлений отечественной исторической науки становится изучение истории стран "народной демократии", и В. Виноградову предлагают, выучив румынский язык, взять тему по истории Румынии. Он блестяще справляется с этой задачей, защитив в 1956 г. кандидатскую диссертацию о крестьянском восстании 1907 г. в Румынии

(опубликованная в 1958 г., она стала первой монографией В.Н. Виноградова). За первой работой последовали другие. С именем В.Н. Виноградова связано становление отечественного исторического румыноведения, признанным главой которого он по праву считается уже не одно десятилетие. Его перу принадлежат монографии по истории Румынии "Россия и объединение румынских княжеств" (М., 1961), "Румыния в годы Первой мировой войны" (М., 1969), "Очерки общественно-политической мысли в Румынии. Вторая половина XIX – начало XX в." (М., 1975). В соавторстве с другими учеными В.Н. Виноградовым написаны коллективные труды "История Румынии нового и новейшего времени" (М., 1964), "История Румынии, 1848–1917" (М., 1971), "Краткая история Румынии с древнейших времен до наших дней" (М., 1987).

Им проделана большая работа в качестве ответственного редактора этих коллективных монографий, а также других трудов по истории Румынии (сборник статей "Новая и новейшая история Румынии" (М., 1963) и др.). В.Н. Виноградовым написаны десятки статей по широкому кругу проблем румынской истории вплоть до середины XX в. (в том числе для энциклопедических изданий). Особенно привлекали его внимание проблемы истории общественной мысли и общественных движений в Румынии, ее внешняя политика, участие Румынии в балканских войнах начала 1910-х годов и Первой мировой войне, российско-румынские и советско-румынские (в частности в период бессарабского конфликта 1918 г.) отношения. Он стал одним из основателей Комиссии историков СССР и Румынии (ныне России и Румынии), по сей день принимает активное участие в ее работе. Первая публикация В.Н. Виноградова в самой Румынии состоялась уже в конце 1950-х годов, за ней последовали другие.

Круг научных интересов В.Н. Виноградова отнюдь не замыкался на проблемах Румынии. Англоведа по первой специальности, В.Н. Вино-

градова продолжала глубоко интересоваться британская история. Монография "У истоков лейбористской партии (1889–1900)" (М., 1965) была им защищена в 1966 г. в качестве докторской диссертации. К истории британского лейборизма он обращался и во многих других своих работах – главах в двухтомной "Истории II Интернационала" (М., 1965–1966), многочисленных статьях в журналах "Новая и новейшая история", "Вопросы истории", сборниках по британской и западно-европейской истории. Некоторые из этих статей («"Бунт" Герберта Уэллса в Фабианском обществе", 1970; "Путь Бернарда Шоу к фабианскому социализму", 1991) посвящены связям крупнейших деятелей английской культуры с рабочим движением. Всегда привлекала В.Н. Виноградова и проблематика англо-российских отношений.

Осенью 1968 г., после реорганизации Института истории РАН СССР, вместе с рядом коллег, специалистов по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, В.Н. Виноградов переходит в Институт славяноведения и балканистики РАН (ныне – Институт славяноведения РАН), где продолжает плодотворно трудиться и сейчас. В 1973–1988 гг. он был заместителем директора Института, курировавшим исторические сектора, долгие годы руководил группой, сектором, отделом, в настоящее время возглавляет научный центр.

Начиная с 1970-х годов на первый план в сфере интересов В.Н. Виноградова выходят общевосточные проблемы. Он становится одним из инициаторов серии "Балканские исследования", к настоящему времени насчитывающей около 20 книг, возглавляет балканскую секцию Национального комитета историков России, принимает участие в деятельности Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы (одно время в качестве вице-президента), выступает с докладами на конгрессах, организованных этой ассоциацией (а также на славистических конгрессах), редактирует сборники, публикует статьи, в

которых проводит мысль о необходимости комплексного регионального подхода к балканской истории. По мнению В.Н. Виноградова, совместное проживание на протяжении веков привело к образованию многочисленных точек соприкосновения между балканскими народами, "так что социальную, политическую и культурную историю Балкан просто невозможно изучать, подразделяя регион на его славянскую и неславянскую части" (Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 106).

Во второй половине 1970-х годов под руководством В.Н. Виноградова было начато осуществление грандиозного замысла – в серии монографических трудов дать картину развития международных отношений на Балканах со второй половины XVIII в. вплоть до окончания Первой мировой войны. Прогрессирующий кризис Османской империи и происходящее параллельно с ним усиление внимания европейских держав к балканским владениям Турции, роль Восточного вопроса в европейской политике, столкновение интересов главных участников "европейского концерта" на Балканах, политика России в Восточном вопросе, русско-турецкие войны 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812 гг., Крымская война 1853–1856 гг. и восточный кризис второй половины 1870-х годов, балканские войны начала XX в. и балканские фронты Первой мировой войны – все это предстояло изучить в неразрывной связи с внутренними политическими процессами в балканских странах – зарождением и развитием национальных движений на Балканах, становлением государственности у отдельных народов, выходом балканских государств на международную арену и их участием в европейской политике. При этом предполагалось значительно расширить документальную базу исследований, введя в научный оборот обилие архивных документов, в частности из Архива внешней политики Российской империи, и выйти на новые обобщения с учетом всех изученных источников –

без этого работы коллектива, возглавляемого В.Н. Виноградовым, не смогли бы достойно вписаться в контекст мировой балканистики, сказать в ней подлинно новое слово. Созданные под руководством В.Н. Виноградова коллективные монографии "Международные отношения на Балканах. 1815–1830" (М., 1983), "Международные отношения на Балканах, 1830–1856" (М., 1990), "Международные отношения на Балканах. 1856–1878" (М., 1986) стали важными вехами в осуществлении задуманного плана. В 1998–1999 гг. вышли написанные при активнейшем участии В.Н. Виноградова коллективные труды, посвященные проблемам XVIII в. – "Век Екатерины II. Россия и Балканы", "Век Екатерины II. Дела балканские". Подготовлены к печати объемные коллективные работы "Александр I, Наполеон и Балканы", «В "пороховом погребке Европы"» (сосредоточенная на истории международных отношений на Балканах между Берлинским конгрессом 1878 г. и Первой мировой войной) и "За балканскими фронтами Первой мировой войны". К этому ряду примыкают индивидуальная монография В.Н. Виноградова "Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны" (М., 1985), вышедшая в научно-популярной академической серии его книга "Британский лев на Босфоре" (М., 1991), а также многочисленные статьи, прежде всего в журнале "Новая и новейшая история". Лучшие из работ В.Н. Виноградова отличаются не только глубиной анализа источников, способность выйти на широкие обобщения, но и стилистическое мастерство, органически присущее ему остроумие, умение передать драматизм столкновения противоборствующих государственных интересов, персонифицированных выдающимися личностями, "делавшими" историю. Запоминаются уже сами названия некоторых его статей. – "В кильватере у Ллойд Джорджа (из истории раннего лейборизма)", "Герои Шипки и туманы Лондона", «Николай I в "крымской ловушке"», «"Святые места" и земные дела (англо-русские отношения

накануне Крымской войны)» и т.д. Следует отметить и постоянное участие В.Н. Виноградова в дискуссиях, в том числе и по проблемам отечественной истории (статья "Была ли история России сплошной трагедией?", 1998, появившаяся как отклик на работу западного автора).

С начала 1990-х годов, когда было снято табу с изучения острых национально-территориальных конфликтов на Балканах, В.Н. Виноградов в числе первых обратился к выявлению исторических истоков некоторых из них (работа по истории бессарабского вопроса в российско-румынских и советско-румынских отношениях в сборнике "Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий)". (М., 1994); сборник статей и документов "Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии". (М., 1996), созданный под руководством В.Н. Виноградова). Именно этим, способным привлечь внимание не только профессиональных историков, но более широкой публики, проблемам посвящены публицистические выступления В.Н. Виноградова в массовой периодике и на радио с начала 1990-х годов.

В.Н. Виноградов принимает активное участие в работе Российской ассоциации по изучению Первой мировой войны, выступал с докладами на международных конференциях по этой тематике, опубликовал несколько принципиально важных статей. На протяжении многих лет он является членом редколлегии журнала "Новая и новейшая история", где опубликовано более 40 его статей, сообщений, рецензий, постоянным автором журналов "Вопросы истории", "Славяноведение". Уже в 2000 г. "Новая и новейшая история" опубликовала статью о венгерском походе фельдмаршала И.Ф. Паскевича в 1849 г., обещающую вызвать

отклик коллег-историков. Многие работы В.Н. Виноградова опубликованы за рубежом. – не только в Румынии и Молдове, а также в других балканских странах (Болгарии, Греции), но и на Западе. Так, в США в 1994 г. вышла его работа об ответственности Николая I за развязывание Крымской войны, в Канаде в 1992 г. – статья о роли Румынии в Первой мировой войне.

Большое внимание В.Н. Виноградов уделяет педагогической работе. Он долгие годы читал курс всеобщей истории в литературном институте, но особенно много сил отдал подготовке аспирантов – особенно велика его роль в становлении довольно развитой молдавской школы исторической румынистики. С конца 1950-х годов В.Н. Виноградов принимает участие в подготовке учебников и учебных пособий по Новой истории Европы и Америки для студентов университетов, принадлежащие его перу главы в этих учебниках, посвященные как балканской, так и британской истории, известны не одному поколению профессиональных историков со студенческих лет. Вот уже долгие годы В.Н. Виноградов возглавляет в Институте славяноведения РАН специализированный Научный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций по всеобщей истории, сочетая в своей нелегкой работе доброжелательность и такт с принципиальностью и научной требовательностью.

В свои 75 лет Владилен Николаевич полон творческих сил и новых замыслов. Ждут скорого выхода в свет его новая монография, главы в коллективных трудах, готовятся статьи по самым разнообразным проблемам истории международных отношений последних трех столетий.

© 2000 г. А.С. Стыкалин

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, Редколлегия и редакция журнала "Славяноведение" присоединяются к поздравлению В.Н. Виноградова с юбилеем и желают ему здоровья и новых творческих успехов.

**Указатель статей и материалов,
опубликованных в журнале в 2000 году**

Дискуссии

- Мечковская Н.Б. Кирилло-мефодиевское наследие в филологии Slavia Orthodoxa и языковые вопросы в русском православии XX века № 2

Статьи

- Аксенова Е.П. Славяноведение в Академии наук: Краткий очерк. К 275-летию Российской Академии наук № 1
- Бланар В. Идеино-философские и методологические основы лингвистических трудов Антона Бернолака № 5
- Варбот Ж.Ж. О славянском родстве праславянского глагола *skočiti № 4
- Васильев М.А. Религиозные дилеммы Руси в 980-е годы: опыт альтернативно-исторического анализа № 6
- Вендина Т.И. Языковое сознание средневековья и возможности его реконструкции № 4
- Верещагин Е.М. Ссылки на таргум Аквилы в пространном житии Кирилла Философа № 4
- Гардзанти М. Церковнославянская агнография в византийском литургическом контексте: Священное писание и литургия в литературной композиции Жития Параскевы № 2
- Георгиева Ц. Литературные архетипы в болгарской мифологической прозе (Поиски архетипических ситуаций в фольклоре и создание "новых мифов") № 6
- Гришина Р.П. Коминтерн, РКП(б) и курс Болгарской коммунистической партии на подготовку нового вооруженного восстания в первой половине 1924 года: По материалам российских архивов № 5, 6
- Дыбов В.А. Владислав Маркович Иллич-Свитыч как компаративист № 5
- Ефимова В.С. Об употреблении прилагательных в роли существительных в старославянских текстах № 1
- Задорожнюк Э.Г. Революции 1989 года и поворот к новой региональной идентичности восточноевропейских стран (по материалам Архива Горбачев-Фонда) № 3
- Из новых исследований древнеславянской письменности и лексики № 4
- Кабакова Г.И. Запах смерти № 6
- Кареева Е.И. Автономия Воеводины – поиск возможных решений № 1
- Коровицына Н.В. Самая "бархатная" революция: "чешский человек" на фоне общественных перемен № 3
- Крашенинникова О.А. Три канона Октоиха Климента Охридского (неизвестные страницы древнеславянской гимнографии) № 2
- Косик В.И. Молодая Россия в эмиграции № 4
- Костюшко И.И. К вопросу о польских военнопленных 1920 года № 3
- Краль Л. Период экспрессионизма в словенской драматургии (обзор) № 1
- Круглый стол "Начало Второй мировой войны (1939 год): Современное состояние проблемы" № 6

М а л ь ц е в Л.А. Роман Г. Херлинга-Грудзиньского "Иной мир" в контексте русской прозы	№ 5
М и ш и н Д.Е. Географический свод "Худуд ал-Алам" и его сведения о Восточной Европе	№ 2
Н и к о л о в а В. "Сладкая ракия" в болгарской свадьбе.....	№ 6
Провозглашение суверенитета Болгарии как этап развития болгарской государственности. Материалы конференции.....	№ 1
С е р а п и о н о в а Е.П. Чешские земли, чехи и немецкий вопрос (1918–1945 годы).....	№ 5
С т ы к а л и н А.С. Т.Н. Масарик и русская литература. По страницам "Бесед с Масариком" К. Чапека.....	№ 5
Т о л с т а я С.М. Мир живых и мир мертвых: формула сосуществования	№ 6
Т у р и л о в А.А. Гипотеза о происхождении майской и августовской Памятей Кирилла и Мефодия.....	№ 2
Ш а т у н о в с к и й Г.И. Некоторые особенности употребления неопределенных местоимений в болгарском и русском языках (сравнительный анализ).....	№ 5
Ш е м я к и н А.Л. Русофильство Николы Пашича: Оценка исследователей и подлинная природа	№ 3
Э н г е л ь г а р д т Г.Н. Россия и боснийский кризис, 1992 год. Формирование подхода к урегулированию.....	№ 3
Я к л о в а А. Развитие понятия <i>сленг</i> в чешской лингвистике.....	№ 5

Сообщения

А к с е н о в а Е.П. Г.В. Флоровский о славянской идее	№ 5
Б у д а г о в а Л.Н. "Дорогому другу на добрую память..." (Дарственные надписи на книгах как источник информации о времени и о себе)	№ 6
В е р н и к о в с к а я Т.В. Судьба дательного падежа в польском языке	№ 1
Д ж а к с о н Т.Н. Норвежский конунг Олав Трюггвасон – "апостол русских"? (Источниковедческие заметки).....	№ 4
Ж и д о в Н. Традиция словенского народного целительства и современная альтернативная медицина	№ 1
И в а н о в а Т.А. Разгадана ли загадка славянской азбуки? По поводу работ Л.В. Савельевой	№ 2
К а з н и н а О.А. Дж.С. Смит о литературе русского зарубежья: Д.П. Святополк-Мирский	№ 4
К и ш к и н Л.С. Русская эмиграция в Праге: празднование "Дня русской культуры"	№ 4
К у р о ч к и н А.В. XIII Международный фестиваль маскарадных игр Перник-2000	№ 6
Л а б ы н ц е в Ю.А., Щ а в и н с к а я Л.Л. Литературное наследие "православных поляков"	№ 3
Л е в и н - Ш т а й н м а н н А. Вопрос о понятии "фразеологическая ошибка (<i>błąd frazeologiczny</i>)" и возможности его применения (на примере фразеологизмов в польской прессе)	№ 5
М а т в е е в а А.Г. Политика правительства Каправи в сфере преподавания польского языка в Познанской провинции в 1890–1894 годах	№ 3
М е н ц е й М. Славянские народные верования о воде как границе между миром живых и миром мертвых	№ 1
М о л о к Ф.А. Памяти Владимира Львовича Глебова – слависта	№ 6
Р у с и н а Е.В. Знакомый незнакомец Василий Никольский <i>en famille</i>	№ 2
С т ы к а л и н А.С. Советско-югославская полемика вокруг судьбы "группы И. Надя" и позиция румынского руководства (ноябрь–декабрь 1956 года).....	№ 1
У с а ч е в а В.В. Франтишек Ладислав Челаковский и его "Мудрословие славянских народов в пословицах"	№ 6

Из истории славяноведения

Васильев М.А. Забытые страницы изучения древнерусского язычества в XIX веке	№ 2
---	-----

Публикации

Баран Х., Душечкина Е.В. Вокруг "Слова о полку Игореве": Из переписки Р.О. Якобсона и А.В. Соловьева	№ 4
Никитин О.В. "В судьбе моей произошли значительные перемены". Три письма Н.С. Трубецкого 1922 года	№ 1

Обзоры и рецензии

А.Г. Вопросы истории славян: Сборник научных трудов	№ 2
Белова О.В., Петрухин В.Я. Обзор новых изданий по славянскому язычеству и мифологии	№ 4
Валенцова М.М., Усачева В.В. R.J. Nahcuk. The Word and Wax. A Medical Folk Ritual Among Ukrainians in Alberta	№ 6
Васильев М.А. В.В. Седов. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование	№ 5
Венедиктов Г. Македония: проблемы истории и культуры	№ 3
Демьянов В.Г. Международный филологический сборник в ознаменовании 150-летия со дня рождения Ф.Ф. Фортунатова	№ 2
Досталъ М.Ю. Veda a ideológia v dejinách slavistiky. Materiály z konferencie. Stará Lesná, september 1997	№ 4
Досталъ М.Ю. Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939)	№ 4
Дуличенко А.Д. N. Mikhailov. Fruhslovenische Sprachdenkmaler. Die schriftliche Periode der slowenischen Sprache (XIV. Jh. Bis 1550)	№ 1
Зудин Ю.В. Т.В. Волокитина. "Холодная война" и социал-демократия Восточной Европы. 1944–1948 гг.	№ 2
Зудин Ю.Ф. България в сферата на съветските интереси. Кръгли маси "Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година", "Коминтернът, Коминформбюро и България"	№ 3
Крысько В.Б. М.Г. Гальченко. Надписи на древнерусских иконах XII–XV вв.: Палеографический и графико-орфографический анализ	№ 2
Крысько В.Б. М.В. Иванова. Древнерусские жития конца XIV–XV веков как источник истории русского литературного языка	№ 2
Крысько В.Б. H. Andersen. Reconstructing prehistorical dialects: initial vowels in Slavic and Baltic	№ 4
Куманов М. Георги Димитров. Дневник (9 марта 1933 – 6 февраля 1949)	№ 1
Лабынцев Ю.А. Białokozowicz. Miedzy Wschodem a Zachodem: Z dziejow formowania sie białoruskiej swiadomosci narodowej	№ 1
Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Studia Russica	№ 2
Лабынцев Ю.А. Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy. 1564–1995 / Poradcawał Ludwik Grzebień SJ przy współpracy zespołu jezuitów	№ 2
Людоговский Ф. Г. Коробьин, Н. Михайлова. Исправление богослужебных книг. Исторический обзор за период с XV до начала XX века // Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации	№ 5
Лукина Е. А. Стих. "Одетая в свет". Ярослава Сейферта (интерпретация: попытка и вызов)	№ 2
Мельников Г.П. Роль религии в формировании южнославянских наций	№ 3
Мельников Г.П. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита	№ 4

Мечковская Н.Б. Interpretation of the Bible. Interpretacija Svetega pisma: Mednarodni simposium o interpretaciji Svetega pisma ob izidu novega slovenskega prevoda Svetega pisma (Ljubljana, 17–20 september 1996).....	№ 2
Милякова Л.Б. Е. Kowalska. Przeżyć, aby wrócić, Polscy zesłańcy lat 1940–1941 w ZSRR i ich losy do roku 1946	№ 5
Молдован А.М. Саввина Книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. Рукопись. Текст. Комментарии. Исследования	№ 2
Семенчук Г.Н., Янушкевич А.Н. W. Peltz. Suwerenność państwa w praktyce i doktrynie politycznej Rusi Moskiewskiej (XIV–XVIw.).....	№ 2
Серапионова Е.П. J. Rychlík. Češi a Slováci ve 20. století. Čwsko-slovenské vztany, 1945–1992	№ 1
Серапионова Е.П. I. Savický. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechach. 1914–1938	№ 4
Смирнов Л. Словацкая книга XVIII – начала XX в. в Славянском фонде БАН	№ 3
Стыкалин А. Е.Ю. Сергеев, Ар.А. Улуян. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе. 1900–1914 гг.	№ 3
Трощенков К.В. K. Rogaczewska. Niemcy w myśli politycznej polskiej opozycji w latach 1976–1989	№ 3
Улуян Ар.А. Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом	№ 4
Шаншиева Л.Н. Н.В. Коровицына. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века	№ 3
Шерлимова С. А. Kusák. Kultura a politika v Československu, 1945–1956.....	№ 3

Научная жизнь

Б.Р. Чтения памяти Владислава Марковича Иллич-Свитыча (К 65-летию со дня рождения).....	№ 5
Досталь М.Ю. Чтения в Абрамцево, посвященные 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина	№ 3
Досталь М.Ю. Славянская идея в философской мысли XIX – начала XX века	№ 6
Ефимова В.С. Международная научная конференция "Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян"	№ 6
Ефимова В.С. "Круглый стол" "Межфразовые связи: кодирование и декодирование"	№ 6
Медведева К.Т. Ежегодная Международная конференция "Славяне и их соседи"	№ 6
Молошная Т.Н. Конференция по грамматическим корреляциям.....	№ 4
Ржанникова О.А. Симпозиум по актуальным вопросам преподавания славянских языков	№ 4
Серапионова Е.П. Международная научная конференция "Демократическая революция в Чехословакии 1989 года. Предпосылки, ход и непосредственные результаты"	№ 3
Середа В.Т. Материалы конференции "Литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы 1990-х годов". Прерывность–непрерывность литературного процесса	№ 4
Шведова Н.В. Круглый стол "Славянские писатели – столетние юбиляры"	№ 6

Personalia

Боброва С.П. Памяти Нины Тимофеевны Сапроновой (1928–1999).....	№ 3
Будагова Л. Памяти Льва Сергеевича Кишкина (1918–2000).....	№ 4
Костюшко И.И., Майорова О.Н. Памяти Прохора Николаевича Ольшеванского (1913–1999).....	№ 3
Мито Цеков Исусов (1928–1999)	№ 1

Н о с о в Б.В. Памяти профессора Ханса-Иохима Торке	№ 3
Памяти Збигнева Ярославского (1946–2000)	№ 3
С а з о н о в а Л.И., Р о б и н с о н М.А. Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906–2000).....	№2
С т ы к а л и н А. Памяти Владимира Павловича Шушарина	№2
С т ы к а л и н А.С. К 75-летию Владилена Николаевича Виноградова	№ 6
Новые издания Института славяноведения РАН	№№ 1, 2, 4, 6

О РАБОТАХ НА КОНКУРС ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ

Фонд по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария, учрежденный Московским Патриархатом, Правительством Москвы и Российской Академией наук, продолжает прием научных работ на конкурс 2001 года.

Принимаются авторские труды по трем номинациям – история Православной Церкви, история России, история Москвы, опубликованные в 1998–2000 г. или в виде компьютерного набора.

Адрес Фонда: 107120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10а, стр. 1 (метро "Курская" – кольцевая, "Чкаловская"). Подробные условия конкурса можно узнать по тел.: 916-81-85, добавочный "15".

Победители конкурса будут удостоены денежных премий в сентябре 2001 г.

Новые издания Института славяноведения РАН

- В 1997–2000 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:
- Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.
- *Балканские исследования. Вып. 17: Церковь в истории славянских народов. М., 1997.
- **Венелин Ю.И.* Грамматика нынешнего болгарского языка. М., 1997.
- Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 г. Т. I: 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997.
- История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.
- *Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.
- *Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997.
- *Материалы "Особой папки" Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997.
- *Натура и культура. М., 1997.
- Николаева Т.М.* "Слово о полку Игореве". Поэтика и лингвистика текста. "Слово о полку Игореве" и пушкинские тексты. М., 1997.
- **Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997.
- *Политический ландшафт стран Восточной Европы. М., 1997.
- *Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997.
- *Славянские соединительные союзы. М., 1997.
- **Фрейдзон В.И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.
- **Аншаков Ю.П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998.
- **Волокитина Т.В.* "Холодная война" и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1998.
- Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х–80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М., 1998. Ч. 1.
- Мургулия М.П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.
- *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1.
- *Славянская идея: история и современность. М., 1998.
- Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. М., 1998.
- *Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. II.
- *Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. М., 1998.
- Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998.
- *Февраль 1948 г. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998.
- *Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998.
- **Шемьякин А.Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.
- *XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.
- *Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998.
- *Автопортрет славянина. М., 1999.
- Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). Центрально-европейские исследования. М., 1999. Вып. 1.
- Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.
- Власть и интеллигенция. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы. М., 1999. Вып. 3.

* *Геннадийос*. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999.

Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.

* *Греческая культура в России. XVII–XX вв.* М., 1999.

* *Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. Ч. II: Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. М., 1999.

* *Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX в. М., 1999.

* *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации. М., 1999.

* *Македония: проблемы истории и культуры.* М., 1999.

Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.

* *Польша и Европа в XVIII в.* М., 1999.

* *Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой.* М., 1999.

* *Славянский альманах.* 1998. М., 1999.

Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999.

* *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.

* *А.С. Пушкин и мир славянской культуры.* М., 2000.

* *Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000.

* *Век Екатерины II. Дела балканские.* М., 2000.

* *Книга в пространстве культуры.* М., 2000.

* *Международные организации и кризис на Балканах. Документы.* М., 2000. Тома I, II.

* *Политика и поэтика. Сб. статей.* М., 2000.

* *Поляки и русские в глазах друг друга.* М., 2000.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 921. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

Вышел из печати сборник "Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. В документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов (М., 2000. Ч. 1. 304 С., отв. ред. Р.П. Гришина). В книге представлено 165 документов из Российского государственного архива социально-политической истории, Архива Президента РФ, Архива внешней политики РФ, Российского государственного военного архива. По большей части это документы, десятилетиями хранившиеся под грифом "секретно" и в России публикуемые впервые. Первая часть публикации хронологически охватывает период с 1922 по середину 1924 гг., в готовящуюся к изданию вторую часть войдут документы по 1926 г. включительно.

Тематически публикация посвящена вопросу об использовании большевистским руководством СССР, Коминтерном и Балканской коммунистической федерацией национально-территориальных проблем на Балканах в интересах стратегии мировой революции. Включенные в книгу документы дают представление о конкретных формах и методах работы как советских официальных и некоторых специальных органов, так и отдельных балканских коммунистических партий и национал-революционных организаций в этом направлении.

Среди документов – протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б), включая Особые папки, Президиума БКФ, Секретариата и Президиума ИККИ, решения органов Коминтерна по отдельным балканским компартиям, указания органов Коминтерна и НКВД своим агентам и уполномоченным, письма и указания И.В. Сталина, В.М. Молотова, Г.Е. Зиновьева, К.Б. Радека, Н.И. Бухарина, Г.В. Чичерина и др. Читатель имеет возможность познакомиться с этим документальным богатством, "замороженным" при составлении истпартовской и коминтерновской версий балканских событий 1920-х годов, создатели которой оставляли в тени или сознательно искажали "детали", и зачастую именно те, которые позволяют понять суть происходивших событий.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Vasilyev M.A.</i> (Moskow). The Religious Dilemma of Russia in 980ies: the Attempt at Alternative-Historical Analysis.....	3
<i>Tolstaya S.M.</i> (Moskow). World of the Living and World of the Dead: the Formula of Coexistence.....	14
<i>Kabakova G.I.</i> (Paris). The Smell of Death.....	21
<i>Nikolova V.</i> (Sofia). "Sweet Rakia" in Bulgarian Wedding Ritual.....	26
<i>Georgieva Ts.</i> (Bulgaria). The Literary Archetyps in Bulgarian Mythological Prose (the Search for the Archetypal Situations in Folklore and the Creation of New Myths).....	37
<i>Grishina R.P.</i> (Moskow). Comintern, RCP (b) and the Policy of the Bulgarian Communist Party Directed at the Preparation of the Armed Insurrection in the First Half of 1924 (Based on Russian Archives).....	46
Round Table: the Beginning of the WWII (1939) – Contemporary State of the Question.....	58

COMMUNICATIONS

<i>Molok F.A.</i> (Moscow). In Memory of Vladimir Lvovich Glebov as a Slavic Scholar.....	83
<i>Budagova L.N.</i> (Moscow). "To Dear Friend as a Keepsake....." (Book Inscription as an Information Source about Time and Oneself).....	89
<i>Usacheva V.V.</i> (Moscow). František Ladislav Člakovský and His "Slavonic Peoples' Wisdom in Proverbs".....	97
<i>Kurochkin A.V.</i> (Kiev). The XIIIth International Masquerade Plays Festival Pernik-2000.....	102

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Valentsova M.M., Usacheva V.V.</i> R.J. Hahcnuuk. The Word and Wax. A Medical Folk Ritual Among Ukrainians in Alberta.....	105
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Medvedeva K.T.</i> The Annual International Conference "Slavs and Their Neighbours".....	107
<i>Dostal M.Yu.</i> The Slavonic Idea in the Philosophy of the XIXth – Beginning of the XXth Centuries.....	109
<i>Shvedova N.V.</i> Round Table: Slavonic Writers Whose 100s Anniversary is Being Marked.....	111
<i>Efimova V.S.</i> The International Scholarly Conference "The Role of Biblical Translations in the Development of the Literary Languages and Cultures of Slavs".....	113
<i>Efimova V.S.</i> Round Table: "Interphrasal Connections: Coding and Decoding".....	115
	127

PERSONALIA

<i>Stykalin A.S.</i> Toward the 75th Anniversary of V.N. Vinogradov	116
Index of articles and other materials published in the magazine in 2000	120
Works for the competition in memory of Metropolitan Makary	124
New Publications of the Institute for Slavic Studies, RAS	125

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 09.08.2000	Подписано в печать 09.10.2000	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать	Усл.печ.л. 10,4	Усл.кр.-отт. 6,2 тыс.	Уч.-изд.л. 12,4	Бум.л. 4,0
	Тираж 587 экз.	Зак. 4042		

Свидетельство о регистрации № 0110184 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики РАН

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в ППП "Типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6
E-mail: vasilyev@FL09.lower.ras.ru

Индекс 70891